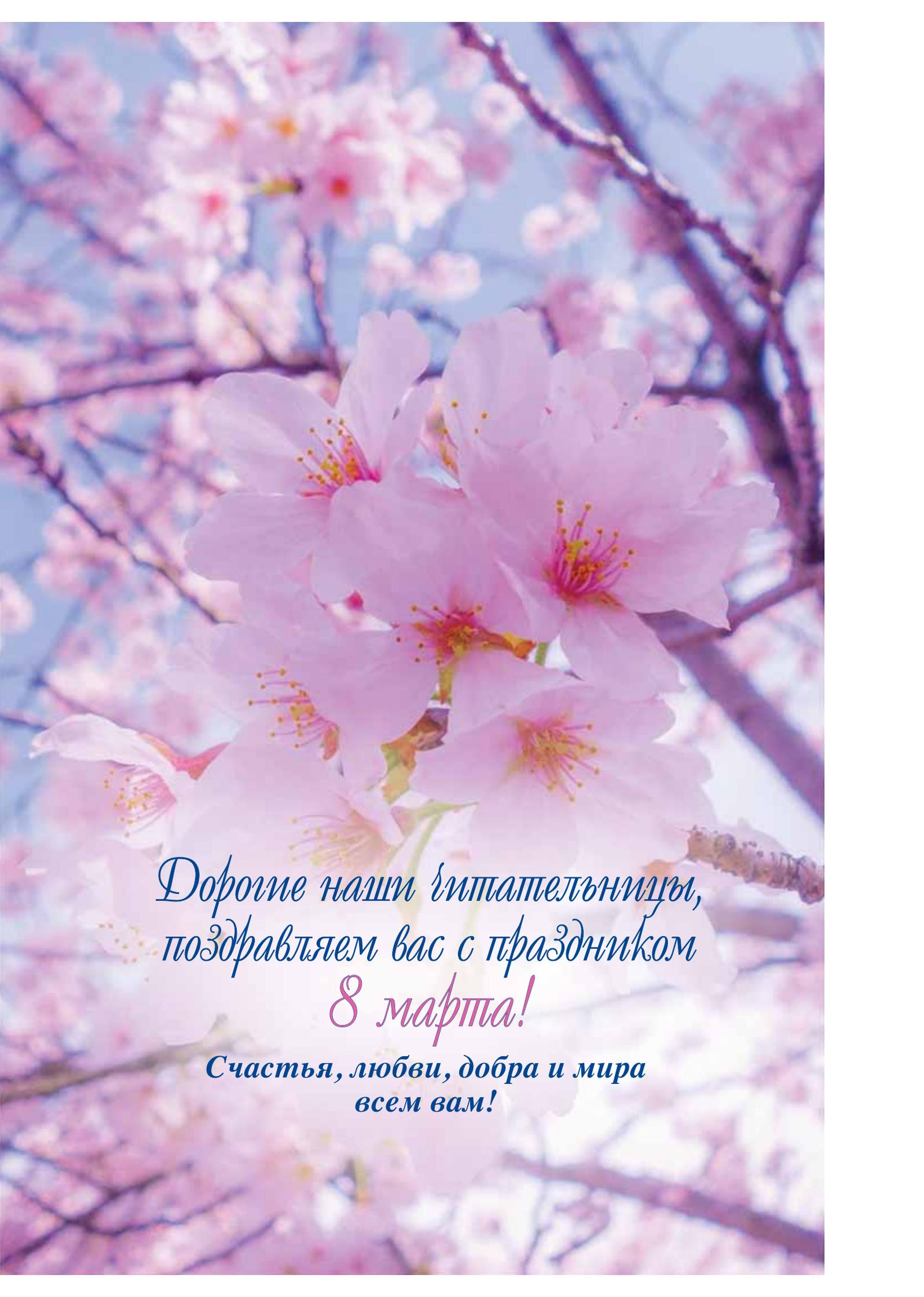

ОЛЕГ ПОГУДИН:

*«Я — не проект.
Я — создатель проектов»*

*Дорогие наши воспитательницы,
поздравляем вас с праздником
8 марта!*

*Счастья, любви, добра и мира
всем вам!*

Неизвестное об известном	
<i>Юрий Осипов</i>	Владимир Высоцкий: «Мне есть что спеть, представ перед Всевышним...» 4
Женские судьбы	
<i>Александр Ралот</i>	Первенец (рассказ-загадка) 17
	Матрёна — дочь того самого 20
Звезды не гаснут	
<i>Владимир Братченко</i>	Чайка русской сцены 25
Лики прошлого	
<i>Светлана Чуфистова</i>	Дорогами судьбы, или Тайна ее светлости 38
Это интересно	
<i>Светлана Марлинская</i>	Советская принцесса 57
Замечательные современники	
<i>Дарья Парчинская</i>	Олег Погудин: «2023 год стал для нас годом Театра. Нашего Театра — Театра Романса Олега Погудина ТРОП» 64
История одного портрета	
<i>Ирина Опимах</i>	Гертруда Стайн и ее портрет кисти Пикассо 78
Рассказ	
<i>Татьяна Окоменюк</i>	Мальвина 86
Молодые таланты	
<i>Дмитрий Соколов</i>	Алексей Лимонов: «Для меня самый главный критерий искусства — это искренность!» 93
Чтобы помнили	
<i>Евгения Гордиенко</i>	«Мисс Волга» 100
Забывшие имена	
<i>Виктор Елисеев</i>	Поэтесса из Усмани 106
Житейские истории	
<i>Леонид Вяземский</i>	Кунцевская 109
Итоги конкурса	
<i>Ольга Бугаева</i>	Островок счастья 114
Поэзия	
<i>Борис Рябухин</i>	Стихи 118
Детектив	
<i>Наталья Солдатова</i>	Дурочка из переулочка 122
Кроссворд. Эрудит 188	

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Обложка

Народный артист России,
создатель и руководитель
Театра Русского Романса (ТРОП)
Олег Погудин
Фото Виталия Татариновича

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127015 Почтовое отделение
Россия, Москва, Бутырская
улица, 21, а/я 52
для ООО "Журнал "Смена"
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© **ООО «Журнал «Смена»**

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

Тираж —
Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 13.02.2024

Номер выходит при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора

«Знаменитый иконописец Андрей Рублев жил в очень неспокойное время: разрозненные княжества постоянно враждовали между собой, а Русь опустошали, грабили, сжигали и уводили людей в плен татаро-монгольские завоеватели во главе с ханом Батыем. Сведений лично о Рублеве сохранилось очень мало, зато написанная им и признанная непревзойденной «Троица» стала символом России. Этой иконе суждена была многовековая жизнь, и она — единственная икона Андрея Рублева, дошедшая до наших дней, если не считать его мозаичные росписи в многочисленных соборах, которая призывает к миру, любви и согласию...

Надежда **Бессонова** «Гений древнерусской живописи»

«Григорий Чухрай пришел в аудитории ВГИКа вместе с поколением режиссеров-фронтовиков, таких, как Станислав Ростоцкий и Петр Тодоровский, и, подобно им, принес в кино свою правду, свою честность, свой характер, которые сохранил до конца своей жизни. Ставшие классикой фильмы Чухрая остались с нами навсегда, воплотив в себе надежду на счастье и веру в завтрашний день: «Сорок первый», «Баллада о солдате», «Чистое небо» и другие. В своей книге «Мое кино» Чухрай писал: «Почему именно мне достался такой подарок судьбы? Может быть, для того, чтобы продолжать дело, за которое отдали свои жизни миллионы моих сверстников?.. А служение этому делу и составляет цель моей жизни».

Георгий **Кричевский** «Григорий Чухрай и его кино»

«Многие выдающиеся ученые, изобретатели и путешественники, такие, как Менделеев, Циолковский, Жуковский, Нансен, с гордостью утверждали, что именно этот писатель помог им выбрать путь в жизни. Имя его — Жюль Верн. Он умел заглядывать в будущее — из 108 его фантазий 98 уже сбылись. Романы Жюль Верна вызывали восхищение (и продолжают восхищать сегодня) не только у десятков тысяч читателей, но и у его маститых коллег по перу. Их обожали Александр Дюма-сын и Жорж Санд, которая получила в подарок от автора два романа: «Пять недель на воздушном шаре» и «Путешествие к центру Земли». Она же навела его на мысль написать роман, которому суждено было принести писателю мировую славу — «Двадцать тысяч лье под водой».

Алла **Зубкова** «Дети капитана Верна»

«Михаила Ульянова нет с нами уже больше пятнадцати лет, но старшее поколение прекрасно помнит этого замечательного актера. И даже молодое, которое, может быть, мало что знает о маршале Жукове, зато «Ворошиловского стрелка» точно помнит.

Несмотря на огромное количество фильмов, в которых снялся Михаил Александрович, главным для него был все-таки театр. На любимую сцену Вахтанговского театра он выходил на протяжении шестидесяти лет и никогда даже не помышлял сменить его на какой-то другой. Верность себе и своему делу была у него в крови...

Евгения **Гордиенко** «Михаил Ульянов: от маршала Победы Жукова до ворошиловского стрелка»

«Окончание детектива Наталии **Солдатовой** «Дурочка из переулочка»

Юрий Осипов

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ:

*«Мне есть что спеть,
представ перед
Всевышним...»*

Человек-легенда, культовая фигура концертно-театральной сцены и киноэкрана 60-х-70-х годов XX века, оставшийся таким и в наши дни, Владимир Высоцкий синтензировал в своем песенном творчестве, как он сам однажды заметил, «разные жанры и элементы».

Его бардовские песни необходимо воспринимать как единое художественное целое, включающее в себя не только текст и музыку, но и темпо-ритмическую манеру исполнения, неповторимый тембр голоса, ломаную интонацию, раскаты отдельных согласных звуков. Это, по словам театроведа Н.Крымовой, своеобразные «маленькие драмы» сродни «уличному театру».

Развиваясь и качественно нарастая год от года, поэзия Высоцкого продолжила традиции авторской песни (совмещение в одном лице автора текста, музыки и исполнителя, преимущественно под собственное гитарное сопровождение), перекликаясь с мотивами классической русской литературы, причем не только в поэзии, но и в прозе.

На вопрос журналистки, каким человеком он себя видит, Владимир Семенович лаконично ответил: «Разным». Столь же разным по форме, смыслу и темам предстает его многогранное литературное творчество. Причем не будем забывать, что помимо песен он писал еще и стихи «в чистом виде» и прозаические вещи (достаточно вспомнить его «Роман о девочках»). Думается, если бы не ранняя смерть, Высоцкий мог стать крупным писателем — таланта и остроты взгляда хватало!

Мы же пока сосредоточимся на живом чуде его любимых народом песен.

Одно из первых своих стихотворений 15-летний восьмиклассник сочинил, побывав со школьным това-

рищем 8 марта 1953-го на всенародном прощании со Сталиным в Колонном зале Дома Союзов. «Опо-

ясана трауром лент, погрузилась в молчанье Москва...» Смертельной давки в похоронной толпе, унесшей тогда около полутора тысяч жизней, ребята счастливо избежали.

В том же году актер Сабинин привел Володю в театральные кружки на улице Горького (прежней и нынешней Тверской). Там у него хорошо получались стихотворные импровизации. На семнадцатилетие Нина Максимовна подарила сыну первую гитару, а российский поэт-песенник Игорь Кохановский обучил простым аккордам...

По окончании в 1955 году средней школы Владимир шагнул к новым друзьям-товарищам в Большой Каретный переулок. «Где твои 17 лет? На Большом Каретном...» Его неповторимая атмосфера оказала на будущего поэта такое же сильное влияние, как на юного Пушкина — Царскосельский лицей. По воспоминаниям Игоря Кохановского, одним из центров притяжения для их развеселой компании стала трехкомнатная квартира студентки Щукинского училища И. Крижевской, на которой женился их старший приятель, известный актер, режиссер и сценарист Левон Кочарян.

К нему, на Большом Каретном, часто заглядывали представители репрессированной интеллигенции и уголовной среды, тянувшиеся к творческим личностям. И те и другие часто вспоминали под выпивку и гитарные переборы о своем лагерном прошлом. Харизматичный Артур Ма-

каров, писатель и сценарист, которому Володя стремился подражать, замечал: «Хотя Высоцкий никогда в «блатных» делах замазан не был, он хорошо знал людей из этого мира». Однако в «кругу Кочаряна» в разное время хватало и селибрити. Режиссер «Неуловимых мстителей» Эдмон Кеосаян, Юлиан Семенов, Олег Стриженов, Илья Глазунов, Людмила Гурченко, Андрей Тарковский, Василий Шукшин, чемпион мира по шахматам Михаил Таль были в числе тех, кто слушал там ранние песни Высоцкого.

Первые их записи сделали В. Акимов и Л. Кочарян (позже даже говорили: «золотая пленка Кочаряна»), благодаря которому Владимир Семенович получил свои первые роли в кино, куда его рекомендовал Кочарян, часто работавший на картинах вторым режиссером. Ему-то и посвятил автор знаковую песню о «Большом Каретном».

«Мы жили в одной квартире в Большом Каретном переулке у Левы Кочаряна, жили прямо-таки коммунальной... Помню, я все время привозил для них свои новые песни и им первым показывал... Мы говорили о будущем... была масса проектов... Это было самое запоминающееся время моей жизни» — так отзывался Высоцкий о бесшабашных годах с привкусом блатной романтики, проведенных в той богемной компании.

Как раз дворовые и уличные песни с использованием жаргон-

ной лексики принесли барду первую широкую популярность, тогда еще, в принципе, моветонную. Народ постепенно прикипал душой к Высоцкому, а «служители муз» охотно слушали в застолье магнитофонные записи его песен, хотя, для вида, морщились: «Ну это же дурновкусие». Примерно то же самое будут пренебрежительно повторять члены приемной комиссии Союза писателей, куда Владимир Семенович дважды приносил внушительные подборки своих непесенных стихов (сегодня они изданы и переиздаются), надеясь вступить в СП. Для него это было почему-то очень важно. И дважды его «прокатывали».

...Окончив десятилетку, он готовился к поступлению в Школу-студию МХАТ, осваивал гитару и перепевал тюремный и уличный фольклор — «Постой, паровоз», «Течет реченька», «Была весна» и другие гитарные шлягеры той поры. Знаменитая «Татуировка», которую Высоцкий называл первой из написанных им песен, родилась, по его словам, в июне 1961-го в ленинградском автобусе. Автор увидел там пассажира, в ворота распахнутой рубашки которого виднелась татуировка: женский профиль, а под ним надпись: «Люба, я тебя не забуду!» За два следующих дня сложился текст, начинающийся строчками: «Не делили мы тебя и не ласкали. \ А что любил — так это позади. \ Я ношу в душе твой светлый образ, Валя.\ А Леха выколол твой профиль на

груди». Подобралась выразительная мелодия, и песня зажила своей самостоятельной жизнью. Потом к ней стали прибавляться новые, которые бард исполнял перед друзьями и записывал на магнитофон. А спустя какое-то время немудреная песенка эта отзовется в трагической балладе о сталинских зэках («...Ближе к сердцу кололи мы профили, \ Чтоб Он слышал, как бьются сердца»). Другое время — другие песни.

В октябре 1964-го Высоцкий записал на магнитофонную пленку все песни, сочиненные им к тому моменту. Их набралось сорок восемь. Петь «вживую» ему пока еще не разрешали, однако у молодежи и в кругах «продвинутых тружеников» его слава росла. Эти пронзительные песни — мини-спектакли подкупали и надрывно-хриплым баритоном, и неожиданной, «шершавой» образностью, а также насыщенностью их событийного ряда, динамичным развертыванием сюжета. Уже тогда в песенном творчестве Высоцкого появились ролевые герои с индивидуальными, узнаваемыми чертами характера, давшие повод слухам, что многое из того, о чем поется в его песнях (включая лагерный, старательский и альпинистский опыт) автор пережил лично. Сам Владимир Семенович разъяснял: «Некоторые привыкли отождествлять актера на сцене или на экране с тем, кого он изображает. Кое-что на своей шкуре я все-таки испытал и знаю, о чем пишу, но, в основном,

конечно, в моих песнях процентов на 80–90 домысла и авторской фантазии».

Он не просто пускал в ход домысел и авторскую фантазию, но был наделен редкой способностью «обживать» чужой опыт как свой собственный и находить для его выражения нужные искренние слова. Отсюда — и удивительная достоверность, правдивость песенных персонажей Высоцкого — идет ли речь о бывалом северном шофере-«дальнобойщике», спортсмене, либо фронтовике, которому безоговорочно верили ветераны войны.

Очевидно, с выходом на невероятно креативную театральную сцену Таганки Высоцкого перестал удовлетворять расхожий образ и типовая тематика его прежних песен. Хотя и раньше многие из них приобретали характер «сказочности» (посвященная А. Макарову песня «Лежит камень во степи», «Так оно и есть...») В репертуаре песенного театра Высоцкого появляются «Братские могилы», «Штрафные батальоны», «Про Сережку Фомина»... Кое-что из «блатного цикла» артист продолжит исполнять и дальше, но пополнять этот цикл уже не будет, исчерпав тему.

Как раз дворовые и уличные песни принесли барду первую широкую популярность. Народ постепенно прикипал душой к Высоцкому, а «служители муз» охотно слушали во время застолий магнитофонные записи его песен, хотя, для вида, морщились: «Ну это же дурновкусие»

Далеко не все песни, созданные Высоцким в первой половине 60-х, относятся к его «блатному циклу». Перепробовав после выпуска из Школы-студии МХАТ ряд театров, он осенью 1964-го стал артистом любимовского Театра на Таганке. Не буду здесь касаться актерской стороны жизни и творчества Высоцкого, драматических перипетий его человеческой судьбы — о нем уже столько всего написано. Упомяну только те моменты, которые имели непосредственное отношение к поэтическо-песенному творчеству барда.

Со второй половины 60-х годов поэт начал примерять на героев своих песен новые роли, новые маски и сюжеты. Им фактически пишется песенная «энциклопедия советской жизни», а новым выразительным приемом песенного творчества становится иносказание. Например, в шуточной «Песенке ни про что, или Что случилось в Африке» автор предлагает слушателям вполне серьезные вопросы, давая при этом ироническую подсказку: «...Но виновен не жираф, \ А тот, кто крикнул из ветвей: \ «Жираф большой — ему видней!»

Еще одним образным приемом в песнях Высоцкого выступает гротеск. В песне «Бал-маскарад», начинающейся словами: «Сегодня в нашей комплексной бригаде...» В затуманенном сознании героя, получившего на заводском мероприятии маску алкоголика, реальность вполне по-гоголевски смещается, меняется восприятие мира, и перед глазами возникают фантазмагорические картины: «Я снова очутился в зоосаде: \ Глядь — две жены, — ну две Марины Влади, \ Одетые животными, с двумя же бегемотами...» напоминает потрясенного гоголевского Городничего в «Ревизоре»: «Ничего не вижу! Какие-то свиные рыла вместо лиц!»

А рядом — такие нестареющие шедевры романтической музыки Высоцкого, как посвященная И. Кохановскому душевная песня «Мой друг уехал в Магадан», «В холода, в холода...», отчаянный песенный крик «Сыт я по горло, до подбородка...», шутовская «Скалолазка», щемящие «Он вчера не вернулся из боя...», «Я несла свою Беду», маршево-обреченные «Солдаты группы «Центр», любовное «Ноль семь», обращенное к последней жене поэта, Марине Влади... Все эти песни, написанные до 1970 года, запоминаются как яркими стихами, так и выразительными авторскими мелодиями, заставляющими признать в Высоцком одаренного композитора-самоучку.

Среди экранно-сценических вех его творческой биографии особо

выделяется работа над ролью Гамлета в Театре на Таганке. Она оказала мощное влияние не только на Высоцкого-актера, но и на Высоцкого-поэта. В 1972 году, через год после премьеры спектакля, Владимир Семенович написал стихотворение «Мой Гамлет», повествующее об авторе и его герое.

*С друзьями детства перетерлась
нить.*

*Нить Ариадны оказалась схемой.
Я бился над словами — «быть\
не быть»,*

*Как над неразрешимую дилеммой.
Но вечно, вечно плещет море бед,
В него мы стрелы мечем — в сито
просо,*

*Отсеивая призрачный ответ
От вычурного этого вопроса.*

Стихотворения Высоцкого, не положенные на музыку, можно сосчитать по пальцам. Одно из них — «Мой Гамлет», которым поэт очень дорожил и которое берег для печати. Гамлетовские интонации прослеживаются и в других произведениях автора, исполнявшихся им уже в форме бардовских песен. Так, герой «Песни конченого человека» («Истома ящерицей ползает в костях...») выпевает монолог о бессмысленности жизни, пусть и окрашенный в иронические тона («Ни философский камень больше не ищу, \ Ни корень жизни — ведь уже нашли женьшень. \ Не вдохновляюсь, не стремлюсь, не трепещу \ И не надеюсь поразить мишень»). О каком страшном разла-

де в душе все глубже втягивавшегося в алкогольную, а затем — в наркотическую зависимость поэта свидетельствуют эти стихи!

Вместе с этими интонациями усиливаются к концу жизненного пути исповедальные мотивы песенного творчества Высоцкого. Однако и «ролевой лирике» у него находится место.

Появляются тексты, в которых автор «перевосплащается» порой даже в неодушевленные вещи, как, например, в «Балладе о брошенном корабле» или в «Песне микрофона». В первой повествование ведется от лица оставленного командой корабля. Во второй — рассказчиком выступает оглохший от «ударов ладоней» микрофон, который все «усиливал, усиливал, усиливал»... Гамлетовские переживания автора и опыт великой роли сказываются также в продолжающихся военных песнях Высоцкого, таких, как «Черные бушлаты», «Мы вращаем Землю», «Тот, который не стрелял».

Интерес барда в те годы к теме ухода человека из жизни тоже не случаен. Владимир Семенович борется как может с наступающим его раз за разом творческим и житейским кризисом, страшным переутомлением от непрерывных гастрольных концертов. «Сыт я по горло, до подбородка. \ Даже от песен стал уставать. (А в конце еще резче: «Ох надоело петь и играть») \ Лечь бы на дно, как подводная лодка, / Чтоб не могли запеленговать». Какой безнадежностью дышат эти строки! И — «О фатальных датах и цифрах», где автор прикидывает под себя некую мистическую predeterminedность раннего ухода из жизни Лермонтова и Есенина и обозначает цифрой 37 «роковой рубеж», на котором «легли» Байрон, Пушкин, Рембо, Маяковский, «а нынешние как-то проскочили».

Примечательно, что в поздней лирике поэта вновь появляется маргинальный герой его ран-

них песен. Да и вообще в них переосмысляются, возвращаясь, темы, мотивы, сюжеты, образы, которые он воплощал на пространстве своих поэтических текстов в прежние годы. И вновь мы встречаем в поздних песнях Высоцкого гротеск, стилизацию, иносказание и другие его излюбленные художественные приемы, пропущенные сквозь призму нарабатанного «гамлетовского» опыта. В центре этого последнего цикла — воспоминания о шпанистом московском детстве («Дом на Первой Мещанской в конце»). В «Балладе о детстве» автор не без юмора рас-

шлому, но и со стремлением поэта понять, как корни человека, истоки влияют на его судьбу. Тем более когда они соотносятся с судьбой страны («коридоры кончаются стенкой, а тоннели выводят на свет»). Это — по поводу того, что, придя с войны, «стал метро рыть отец Витькин с Генкой». И получилось в песне, как в жизни: «Дети бывших старшин да майоров \ До ледовых широт поднялись, \ Потому что из тех коридоров / Им казалось сподручнее — вниз».

Позднее песенно-поэтическое творчество Владимира Высоцкого

В октябре 1964-го Высоцкий записал на магнитофонную пленку все песни, сочиненные им к тому моменту. Их набралось сорок восемь. Петь «вживую» ему пока еще не разрешали, однако у молодежи и кругах «продвинутых тружеников» его слава росла

сказывает о своем рождении («Час зачатья я помню неточно») и о том, как жилось в коммуналке, где «все жили вровень, скромно так — \ Система коридорная: на тридцать восемь комнаток — \ Всего одна уборная...» Где «на зуб зуб не попадал, \ Не грела телогреечка». И где будущий бард «доподлинно узнал, «почем она — копеечка...»

Настойчивое обращение Высоцкого в стихах к памяти детства исследователи связывают не только с ностальгией по безвозвратно минувшему вместе с молодостью и силой про-

несет ощутимые черты синтеза. И при этом отличается тщательной отделкой слова, стилистическим мастерством. «Здесь лапы у елей дрожат на весу», «Пусть дождем опадают сирени». Под строками этой прекрасной лирической песни, посвященной Марине Влади, думается, мог бы подписаться любой из корифеев Серебряного века.

...«Вдоль обрыва, по-над пропастью» гонит коней «привередливых» герой легендарной песни. Гонит и, предчувствуя собственную скорую гибель, просит: «Чуть помедлен-

нее, кони, чуть помедленнее!» Чтобы не окончить так быстро «путь к последнему приюту». Успеть, если не дожить, то хотя бы допеть, дописать... Но чувствует, что не успевает. Исполненный глубокого трагизма этот песенный шедевр был переведен на тридцать языков, а само название песни и ее фраза «Чуть помедленнее, кони!» превратились в крылатые выражения. Впрочем, не они одни. Вспомним из другой трагичной песни-спектакля: «Нет, ребята, все не так! Все не так, ребята!»

Фатализм, предчувствие скорого ухода, давление извне, распирающие изнутри, «слабеет жизни выдох» (как сказал его гениальный собрат по перу О.Мандельштам) или, если угодно, беспощадно сжигаемая с двух сторон свеча жизни в алкогольно-наркотической пучине, откуда ему было уже не выбраться... Но вот рядом — светлые и веселые, с легкой грустинкой, полудетские песни для дискоспектакля «Алиса в стране чудес», ерническое «Письмо в редакцию телепередачи «Очевидное-невероятное» из сумасшедшего дома — с Канатчиковой дачи», притчевая «Песенка про Козла отпущения», возвышенно-скорбная «Притча о Правде и Лжи», торжественные «Купола» и еще, еще и еще... Его, несмотря ни на что, по-прежнему хватало в поэтическом творчестве на многое...

Отвечая на вопросы зрителей во время концертных выступлений, Владимир Семенович замечал, что ему сложно объяснить, как рожда-

ются его песни. Обычно сперва возникает тема, складываются первые четверостишия, к ним подбирается мелодия — она нужна сразу, чтобы усилить смысловую основу поэтического текста. На одной из встреч со зрителями он говорил: «У меня есть музыкальное образование. Ну, конечно, не консерваторское образование, но я учился музыке, могу писать мелодии...» И писал. Еще какие! Особенно в последние годы. Некоторые и без слов хватают за душу.

Порой в процессе работы у него менялись и мелодия, и сюжет, шлифовались строки. «Придумаешь что-нибудь смешное, а получается очень серьезно и в другом ритме». При этом изначальные варианты песен, случалось, корректировались по ходу выступлений, сверялись с реакцией зрителей. Совсем как в театре после премьеры спектакля, когда он окончательно складывается лишь к десятому-двенадцатому представлению. Да, собственно, песни Высоцкого в его исполнении и являлись, как уже отмечалось выше, маленькими спектаклями. И он подчеркивал, что не поет их, а «показывает». Именно поэтому песенные произведения Высоцкого, по мнению исследователей, нужно воспринимать в комплексе — текст, музыку, интонацию, темп и ритм пения автором, как единое художественное целое.

Важнейшая особенность исполнительской манеры Высоцкого — метроритм (система ритмической организации в музыке). Благодаря

ему произведения барда никогда не выглядят монотонными, поскольку их отличает «несовпадение ритмического рисунка с метрическими долями такта», меняющимся соотношением ритма и размера. Взять, к примеру, песню «Бег иноходца» («Я скачу, но я скачу иначе...») Здесь острота сюжета, основанная на мотиве преодоления, и нарастающая напряженность повествовательного действия создаются еще и контрапунктом голоса и гитарного аккомпанеента. А что уж говорить о «Конях привередливых», где в исполнении автора тема неистового, отчаянного полета («Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!») специально замедлялась нарочитым растягиванием голоса.

Высоцкий замечал, что с определенного момента стал много работать со звуками. «Я люблю, когда в строке очень часто повторяется одна и та же буква, чтобы усилить...» Используемая им аллитерация выполняла смыслообразующую роль в исполняемых автором песнях. Так, в песне «Купола» акцентированное голосом Высоцкого чередование согласных звуков «з», «л», «т» создавало эффект колокольного звона. «Душу, сбитую утратами да тратами, \ Душу, стертую перекатами... \ Залатаю золотыми я заплатами — \ Чтобы чаще Господь замечал».

На подобный эффект работал также исключительно своеобразный тембр голоса Высоцкого — хриплый и глухой баритон с диапазоном в две с половиной октавы, превос-

ходивший в этом плане вокальные возможности всех остальных бардов. Талантливейший отечественный композитор А.Шнитке указывал, что природный голос Высоцкого «не терял своей окраски даже при переходе в нижний или верхний регистр... Высоцкий сочинял песни и в очень высоком, и в очень низком регистре, это было частью его композиторской техники».

Владимир Семенович был куда более начитанным и культурным человеком, нежели хотел казаться. В его песенных стихах обнаруживается немало реминисценций русской литературной классики и, в первую очередь, Пушкина, который оказался заветным спутником почти всей жизни уникального барда. Он вел с ним скрытый диалог в песнях, менявший каноническое восприятие пушкинских строк. Возможно, именно обращение к Пушкину помогло ему с честью пройти свой тернистый творческий путь.

Со второй половины 60-х пушкинские мотивы начинают появляться в песнях Высоцкого особенно часто. Он использует эти мотивы не напрямую, но обыгрывает их, пародирует бессмертные строки, повторяет их разговорным языком XX века вперемежку с «высоким штилем» прежних столетий, прибегая к специфическому приему травестики (когда в бурлеске серьезное содержание выражается несоответствующими ему образами и стилистическими средствами).

И вот вместо злого волшебника Черномора из «Руслана и Людмилы» появляется «Лукоморья первый вор» в песне-антисказке «Лукоморья больше нет», обыгрывающей пролог поэмы Пушкина. При этом, как верно подметил литературовед В.Новиков, идеально-сказочное пушкинское Лукоморье «парадоксально оборачивается советским тотальным бардаком». То же самое происходит в «Песне о вещем Олеге», где Высоцкий по-своему, метя в реалии «застойного» социализма, изложил памятную нам с детства историю про князя Олега, кудесника и коня.

Близок Высоцкому по духу был Достоевский. Этот великий прозаик занимал особое место не только в литературной, но и в актерской био-

графии нашего героя. Ведь одной из первых ролей, сыгранных им еще в Школе-студии МХАТ, был неумолимый следователь Порфирий Петрович из «Преступления и наказания», а последним сценическим образом оказался мучающийся самим собой Свидригайлов, антипод Раскольникова в том же романе.

Если взглянуть на поэтическую технику Высоцкого, мы найдем в ней влияние Маяковского, с творчеством которого Владимир Семенович познакомился еще в юношеские годы. Авторские неологизмы в стихах Высоцкого («альпинистка моя скалоласковая», «нам бермудорно на сердце и бермудно на душе») несомненно идут от стихотворных экспериментов Маяковского. Иногда это — видоизмененная

цитата, как в «Песне о сентиментальном боксере»: «И думал Буткеев, мне челюсть кроша: \ «И жить хорошо, и жизнь хороша!» Тут пародийный эффект создается с помощью контраста, когда возвышенный пафос октябрьской поэмы Маяковского снижается до сумбурной мысли случайного победителя в неравном боксерском поединке. И заканчивается грубоватым намеком — «Кому хороша, а кому ни шиша!»

Среди писателей, особенно привлекавших Высоцкого, был Андрей Платонов. Двухтомник избранных произведений Платонова имелся в домашней библиотеке поэта. Равно как четырехтомник любимого им Гумилева. Гумилевские отголоски присутствуют в некоторых романтических песнях Высоцкого. А в «Пиратской» и в «Гимне морю и горам» интонации стихов Гумилева звучат совершенно отчетливо. «Заказана

погода нам Удачею самой, \ Довольно футов нам под киль обещано...»

«Для нас Окуджава был Чехов с гитарой. \ Ты — Зоценко песни с есенинской ярой», — обращался к Высоцкому Евгений Евтушенко. Человек с гитарой, как символом авторской песни, стал важным фактором культурной жизни времен хрущевской оттепели. Этот по сути неподвластный цензуре жанр дал интеллигенции свободу самовыражения. В конце 50-х в стране даже появился такой оригинальный термин — «магнитоиздат». Записанные на тогдашние некачественные магнитофонные катушки эти гитарные песни, как лесной пожар, распространялись по городам и весям.

Ко времени, когда Владимир Высоцкий начал сочинять свои «песенные спектакли», на магнитофонах и в узких (потом, правда, и в широких) аудиториях уже звучали

Галич, Окуджава, Визбор, Новелла Матвеева, Евгений Клячкин, Михаил Анчаров, да и ряд других не столь популярных бардов. Творче-

хи «под гитару» во многом благодаря Окуджаве, хотя поэтический мир Высоцкого весьма далек от лирической песенной изысканности и ка-

---

Владимир Семенович был куда более начитанным и культурным человеком, нежели хотел казаться. В его песенных стихах обнаруживается немало реминисценций русской литературной классики и, в первую очередь, Пушкина, который оказался заветным спутником почти всей жизни уникального барда. Возможно, именно обращение к Пушкину помогло ему с честью пройти свой тернистый творческий путь

ство некоторых из них весьма ощутимо повлияло на художественный почерк Высоцкого.

Помню, на заре шестидесятых мне, литераторскому отпрыску, довелось быть свидетелем того, как летом после ужина собравшиеся в гостиной Дома творчества писателей в Коктебеле попросили заехшего к ним «на огонек» с горной турбазы молодого актера Высоцкого спеть что-нибудь. Тот охотно согласился, но посетовал на отсутствие гитары. Находившийся там Булат Окуджава принес из номера свою гитару и протянул ее Высоцкому. Тот под аплодисменты присутствующих встал на одно колено и принял гитару из рук мэтра, словно средневековый рыцарь, принимающий меч из рук короля...

Выступая перед зрителями, Владимир Семенович часто упоминал, что в молодости начал сочинять сти-

мерности Окуджавы. Их непосредственная переключка в стихах звучала редко. Но вот «Притчу о Правде и Лжи» Высоцкий не только посвятил старшему собрату, но и подчеркивал, что написал ее в подражание Окуджаве, в частности, его стихотворению 1967-го года «Клевета». «Пробралась в нашу жизнь клевета, \ как кликуша, глаза закатила, \ и прикрыла морщинку у рта, \ и на тонких ногах заходила». У Высоцкого Ложь ускакала «на длинных и тонких ногах».

В свою очередь, Окуджава, потрясенный, как и все, ранней смертью Высоцкого, написал и спел: «О Володе Высоцком я песню придумать решил... \ Говорят, что грешил, что не к сроку свечу затушил. / Как умел, так и жил, а безгрешных не знает Природа...»

Ну и, конечно, в числе тех ярких представителей авторской песни

настоящего и прошлого, которые оказали определенное влияние на творчество Высоцкого, был Александр Вертинский. Недаром по просьбе артиста его экранный герой Глеб Жеглов в одной из сцен многосерийного фильма «Место встречи изменить нельзя» подсаживается к пианино и под собственный аккомпанемент искусно напевает куплет из «Лилового негра».

При жизни он так и не дождался выхода полноценного сборника своих стихотворений. Его песенные тексты периодически печатались в разных изданиях, но они были очень немногочисленными. Попытки «протолкнуть» в печать произведения всенародно любимого барда предпринимали в разное время наши маститые поэты А. Межиров, Б.Слуцкий, А. Вознесенский, Е. Евтушенко. Их визиты в начальственные кабинеты успеха не имели. Единственным прижизненным изданием Высоцкого остается сборник «День поэзии» 1975 года, вышедший в издательстве «Советский писатель». Его составителю П. Вегину удалось протащить на страницы сборника единственное стихотворение из большой подборки, которую передал ему автор. Еще 20 памятных песенных стихов Высоцкого вошли в альманах «Метрополь», изданный в количестве 12 экземпляров в 1978 году.

А вот его самого поддержать уже не в состоянии был никто. Он уходил — неотвратно, шаг за шагом.

Сердце Высоцкого остановилось 25 июля 1980 года, между тремя часами ночи и половиной пятого утра. Во врачебном свидетельстве причиной смерти была указана острая сердечно-сосудистая недостаточность.

Согласно сводкам ГУВД Москвы, на Таганской площади и прилегающих к ней территориях в день похорон собралось около 110 тысяч человек. Очередь, медленно двигавшаяся к входу в театр, где на сцене был выставлен гроб с телом Высоцкого, растянулась на 9 километров...

В июне, перед отъездом из Франции, Владимир Семенович прочитал Марине Влади обращенное к ней стихотворение, написанное на сувенирной открытке и сочиненное там же, в аэропорту, в ее присутствии. Оно оказалось его последним поэтическим текстом:

*...Лед надо мною, надломись
и тресни*

*Я весь в поту, как пахарь
от сохи.*

*Вернусь к тебе, как корабли
из песни,
Все помня, даже старые стихи.*

*Мне меньше полувека — сорок
с лишним —*

*Я жив, тобой и Господом
храним.*

*Мне есть что спеть, представ перед
Всевышним,
Мне есть чем оправдаться перед
Ним. □*

ПЕРВЕНЕЦ

(рассказ-загадка)

7 марта 1919 года, Москва

Весна в новую столицу некогда великой империи приходиться не спешила.

Робкое солнце выглянуло из-за тяжелых туч и, поразмыслив с минутой, снова спряталось за ними.

Старая женщина, одиноко сидевшая на скамеечке возле величественного памятника, попыталась поправить непослушный, сползающий с головы, выдавший виды платок, но озябшие и трясущиеся пальцы не смогли это сделать.

— Холод — это ничего, это не страшно, его и перетерпеть можно, — подумала она, — голод куда страшнее, есть нестерпимо хочется.

Младшая сестра в который уже раз хлопотала перед министром, то бишь, народным комиссаром по-нынешнему, о назначении ей хоть какой мизерной пенсии. Но, по всему виду, новым хозяевам жизни нет дела до какой-то там бывшей фрейлины императрицы Марии Александровны. Им надо срочно создавать условия для

«счастливой жизни» всего человечества в целом.

Женщина подняла слезящиеся глаза и посмотрела на памятник. В отличие от других детей, она его хоть немного, но все же помнила. Как-никак, она — первенец, не мальчик, конечно, но так уж богу было угодно. Да и имя свое получила в честь бабки Марии Алексеевны, его матери.

Она с трудом нагнулась, подняла с земли горсть грязного снега, пожевала и предалась воспоминаниям.

В голове, сменяя одна другую, замелькали картинки из того, канувшего в небытие, времени.

Через семь лет после смерти отца мама сочеталась вторым браком и подарила жизнь еще троим деткам. Вот и пришлось ей, повзрослевшей, стать вроде как воспитательницей для родных и сводных братьев и сестер.

Дядя, Дмитрий Николаевич, выучил ее правильно сидеть в седле, брать лошадь в поводья... Говорят, у нее до сих пор сохранилась прямая и горделивая осанка, да что

толку, есть-то все равно очень хочется...

Женщина приоткрыла глаза, взглянула на спящих мимо нее людей и подумала: «Протяну руку, может, кто и ...» — но сил на это у нее уже не осталось.

Зато услужливый мозг вновь унес в далекое прошлое.

Любовь пришла к ней почти что в тридцать. Да еще какая! Супруг — генерал-майор, управляющий Императорскими конными заводами в Туле и Москве, мужчина более чем порядочный и благородный.

После бракосочетания отправились в его имение. Обосновались в двухэтажном особняке с комнатами для прислуги и гостей, кабинетом хозяина, огромной библиотекой и камином, и еще бог знает с чем, сейчас уже и не вспомнить. Организовывали там музыкальные вечера и «чайные балы», возможно, на них, или, может, в губернской Туле познакомилась с самим Львом Толстым. Кое-кто утверждает, что великий писатель прототипом своей Карениной считал именно ее. Говорили, что у его Анны такая же точеная шея и черные, как смоль, волосы.

А потом в их дом нагрянула беда!

Мужа обвинили в незаконных растратах. Оклеветали. Отвернулись. И ее Леонид не выдержал! Не видя выхода, наложил на себя руки.

Правда, как и полагается, восторжествовала, виновника нашли и на-

казали, но она в сорок пять лет осталась вдовой, да и к тому же без средств к существованию.

Только и оставалось, что подать челобитную самому императору. И тот откликнулся. Вспомнил заслуги отца и мужа перед державой, назначил небольшую пенсию, позволившую снять маленькую меблированную квартирку.

Второй раз замуж так и не вышла. Помогала воспитывать многочисленных племянников.

А потом ей, как дочери знаменитого человека, доверили должность попечительницы Московской библиотеки-читальни.

Целых десять лет она занимала этот пост. Работала бы и дальше, если бы не проблемы со здоровьем. Пришлось в очередной раз выйти на пенсию.

А с приходом большевиков... — Додумать до конца эту мысль женщина уже не смогла, уставшая душа покинула вконец исхудавшее тело...

— Ванька, глянь-ка, старуха на скамейке лежит и, кажись, совсем не дышит. Значит, того, представилась! Пошли, поглядим, — потянул товарища за рукав вихрастый мальчуган.

— Гришк, да ну ее! Я покойников, знаш, как боюсь до жути!

— Ну и зря. Может, у нее чего в карманах полезного сыщется? Не мы, так кто другой изымет.

Гришка все же подошел к лавке, но трогать остывшее тело не стал:

— Ванька, она, кажись, из этих, из бывших. И раз померла здесь, а не дома, значит, совсем нищая стала. Так им и надо... буржуям! Мироедам!

Нарком просвещения Луначарский назначил-таки Марии Александровне пенсию. Вот только получить ее женщина уже не успела.

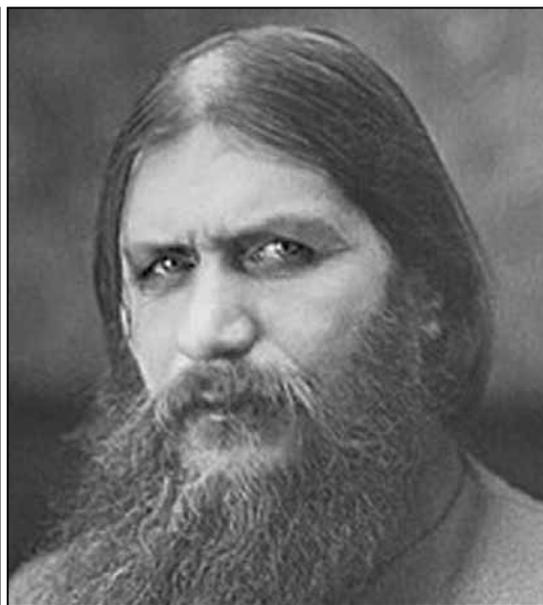
На эти деньги умершую от голода старуху быстренько похоронили на краю Донского кладбища — как можно дальше от памятника ее отцу...

Вот и все, что я хотел рассказать, дорогой мой читатель. И тебе только остается назвать имя и фамилию этой удивительной женщины — в замужестве и, конечно, девичью.

А поможет тебе в этом ее фотография.

МАТРЕ́НА - ДОЧЬ ТОГО САМОГО!

Всю свою жизнь она представлялась как Мария, обижалась, когда ее именовали иначе. Однако доподлинно известно, что отец с матерью, крестьянкой Прасковьей Дубровиной, нарекли ее простым русским именем Матрёна. Она была дочерью того самого, последнего царского фаворита! И тень отца сопровождала ее по всему непростому жизненному пути...

**Европа. Тридцатые годы
прошлого века.**

**Цирк шапито
Братьев Ринглинг**

Вот уже какой день подряд разношерстная толпа штурмовала кассы.

— Сегодня у нас опять аншлаг, — радовался старик-кассир, передавая пачки мятых купюр крупному мужчине, отставному офицеру, работающему шпрыхталмейстером (распорядителем цирка) и, по совместительству, инкассатором.

— Ты думаешь, они на тигров приходят поглядеть? — ответит тот,

пряча выручку. — Этого добра в каждом цирке немногим меньше, чем свор дрессированных собачек. Все они хотят лицезреть самую настоящую человеческую львицу, родную дочь того самого безумного монаха, о похождениях которого вот уже полтора десятка лет болтают во всех тавернах, пабах и салонах на двух континентах.

В подтверждение своих слов шпехтальмейстер вытащил из тубуса и прикрепил на дверь пахнущий типографской краской плакат.

«Сегодня и все последующие дни только на арене нашего цирка бесстрашная дочь легендарного мистика и пророка, чьи подвиги в России удивили весь мир».

Крохотный вагончик, он же — грим-уборная укротительницы

Уставшая женщина облачилась в видавший виды цирковой костюм, посмотрела на себя в тусклое зеркало. В голове пронеслась мысль: «Что заставляет меня каждый вечер рисковать жизнью, входить в клетку к этим хищным животным? И как бы сложилась моя жизнь, не будь я дочерью того самого?..

Взглянула на часы. До ее выступления во втором отделении оставалась уйма времени.

Налила из термоса крепкого кофе, опустила на узкую тахту, сняла с полки альбом с семейными фотографиями и предалась воспоминаниям...

Вот пожелтевшее фото самой большой двухэтажной избы в далеком селе Покровское, который выстроил для жены и семерых деток отец, после чего отправился паломничать по святым местам. Рассказывал, что добрался аж до горы Афон, той, что находится на полуострове Халкидики, в Греции.

Она тоже хотела туда съездить, но вовремя спохватилась, узнала, что женщин туда не пускают, будь ты хоть королева Великобритании!

А батюшка благополучно добрался до гроба господнего в Иерусалиме и после этого вернулся назад, в Россию. Недолго пожил в Киеве и Казани. Знакомился с тамошними служителями церкви, монахами и даже странниками. Наконец устал

от скитаний и осел в столице империи.

В родное Покровское приезжал редко. В один из таких визитов случилось ужасное. На нее, тогда еще десятилетнюю девочку, напал отчим подруги и хотел насильничать. Но Бог этого не допустил, отец оказался поблизости. Завязалась драка. Батюшка получил удар топором по голове, (после чего лечил сотрясение мозга), но ее от поругания спас!

Кое-как оклемавшись, заявил домочадцам, что принял решение навсегда переселиться в столицу. Помнится, мама приняла новость с поистине христианским смирением. Уезжать наотрез отказалась, но дочерей её и сестру Варвару, перекрестив, отпустила.

Укротительница закрыла глаза и погрузилась в полудрему. Перед закрытыми глазами проплывали картины первого в ее жизни путешествия на поезде, да еще в отдельном вагоне.

Обед им приносили облаченные в сверкающие мундиры официанты. Таких изысканных блюд она никогда раньше в своей жизни не пробовала.

По приезде в Санкт-Петербург отец стал делать из дочек настоящих «барышень»: приглашал в дом лучших педагогов, запрещал самостоятельно что-либо стряпать, в театр разрешал ходить только в сопровождении взрослых, категорически запрещал общаться с мальчишками-сверстниками.

Обходили эти запреты, как могли. Гуляли по Невскому, останавливаясь у каждой витрины, делали вид, что изучают выставленные там товары, а на самом деле использовали их как зеркала, разглядывая и оценивая идущих следом юношей.

Женщина открыла глаза, отхлебнула остывший кофе и, перевернув страницу в альбоме, погладила очередную пожелтевшую фотографию.

Припомнилось, как они с сестрой плакали, уткнувшись в подушки, подслушав однажды разговор двух светских дам:

«Обе его дочери слишком полноваты и неряшливы для светских дам. Как бы сказали сейчас, можно вывезти девушку из деревни, но деревню из девушки — никогда!»

Следующая фотография запечатлела их первый приезд в императорский дворец. Тогда дети царя казались ей не живыми, а какими-то фарфоровыми куклами, живущими в самом лучшем в мире, но все же кукольном доме.

Другие три страницы альбома она перелистала не глядя. Там были запечатлены похороны отца, лживо-сочувственные лица чиновников и бывших друзей. Остановилась на своих свадебных фото.

На них новобрачные совсем не выглядели счастливыми. Вглядываясь в лица, в очередной раз при-

зналась себе, что это не был брак по любви. Просто каждый из них нуждался в поддержке единомышленника в сложные, революционные времена.

Тем не менее, она смогла произвести на свет двух девочек. Назвали их в честь великих княжон — Татьяна и Мария. Младшая родилась уже не в России. Семья с огромным трудом, но все же смогла эмигрировать в Европу.

Обосновались в Париже. Супруг даже открыл собственное дело, небольшой ресторанчик, который очень быстро «прогорел», ибо хозяин заведения разрешал кормить соотечественников «в долг», а те совсем не спешили оплачивать съеденное.

В 1924 году мужа не стало. Проклятый туберкулез. Его не могли вылечить ни тогда, не могут вылечить и сейчас.

Помнится, чтобы хоть как-то накормить дочерей, не брезговала никакой работой. Служила гувернанткой в богатых семьях, пока однажды ей не посчастливилось устроиться танцовщицей в небольшое кабаре.

Там ее и отыскал цирковой антрепренер из Британии. Подошел после выступления и сказал: «Ты же его дочь. Значит, ничего не боишься! Докажи это. Войдешь в клетку со львами — возьму тебя на работу!» На первой ее афише написали: «Усмиряет диких зверей одним, полученным от отца, взглядом».

Женщина взглянула на часы и захлопнула альбом. Пора на арену. Публика жаждет видеть дочь того самого....

Несколько лет спустя. Южная Америка, Перу

Укротители, как и саперы, ошибаются только раз. В тот день зебра-судьба повернулась к женщине черной полосой. На очередных гастроях на нее набросился белый медведь. С многочисленными серьезными травмами она угодила в больницу.

Ушлые газетчики мгновенно обыграли эту трагедию: «Шкура медведя, на которую упал убитый в далекой России ее отец — тоже была белой! Согласитесь, произошедшая трагедия — это не что иное, как предостережение свыше его дочери!»

И женщина решила больше не играть в прятки с собственной судь-

бой. Выйдя из больницы, в цирк больше не вернулась. Освоила профессию клепальщицы на американском судостроительном заводе, пока не получила пенсию по возрасту. Потом, вспомнив былое, подрабатывала няней и санитаркой, давала частные уроки русского языка, и... писала книгу об отце.

Но зебра-судьба никак не хотела поворачиваться к престарелой женщине своими белыми полосками. По неизвестным причинам лишь через двадцать два года после ее кончины книга, наконец, была опубликована в России. Называется она «Распутин. Почему?»

Вот цитата из этой книги:

Я — дочь Григория Ефимовича Распутина. *Крещена Матрёной, домашние звали меня Марией, отец — Марочкой. Сейчас мне 48 лет. Почти столько же, сколько было отцу, когда его увел из дома страшный человек — Феликс Юсупов. Я помню все и никогда не пыталась забыть ничего из происходившего со мной или моей семьёй (как бы ни рассчитывали на это недруги). Я не цепляюсь за воспоминания, как это делают те, кто склонен смаковать свои несчастья. Я просто живу ими. Я очень люблю своего отца. Так же сильно, как другие его ненавидят. Мне не под силу заставить других любить его. Я к этому и не стремлюсь, как не стремился отец. Как и он, хочу только понимания. Но, боюсь, — и это чрезмерно, когда речь идет о Распутине».* □

Владимир Братченко

ЧАЙКА РУССКОЙ СЦЕНЫ

В этом году исполняется сто шестьдесят лет со дня рождения великой русской актрисы Веры Федоровны Комиссаржевской. Своей неповторимой игрой она предугадала пути дальнейшего развития русского театра. Вся в непрерывных исканиях, преодолевая огромные трудности, она сумела создать именно такой театр, театр будущего. Романтик и идеалист по характеру, в качестве руководителя театра Вера Федоровна была практичным человеком, знающим себе цену. Смело и бескомпромиссно она внедряла в репертуар пьесы авторов «новой драмы»: Андреева, Чехова, Горького, Зудермана, Гауптмана, Ибсена. Сама Вера Федоровна свой творческий путь разделяла на три периода: «Первый, когда я еще играла в провинции, второй — период Александринки и переход к Ибсену, и третий — когда я пришла к Метерлинку и условному театру». Александр Блок, который был свидетелем этого творческого процесса, писал: «Я вспоминаю ее легкую, быструю фигурку в полумраке театральных коридоров, ее печальные и смеющиеся глаза, требовательные и увлекательные. Она была вся мятеж и вся весна...» Всего шестнадцать лет блистал ее талант на русской сцене, однако интерес к ее новаторскому творчеству и необычайной судьбе сохраняется и в наши дни.

Надо сказать, что ее отец, Ф.П. Комиссаржевский, оказал серьезное влияние на судьбу дочери. Федор Петрович был известным оперным

певцом. Он учился пению в Италии, пел в Риме и Милане, и даже участвовал в освободительном движении итальянцев под руководством

Гарибальди. Вернувшись в Россию, он с 1863 по 1880 год пел сначала в петербургской Итальянской опере, а затем стал солистом Мариинского театра и пользовался большим успехом.

В доме Комиссаржевских часто бывали известные актеры, певцы и композиторы. Федор Петрович был в дружеских отношениях с Мусоргским и Станиславским, а Чайковский посвятил ему романс «Скажи, о чем в тени ветвей...» Жена Федора Петровича, Мария Николаевна Шульгина, дочь командира Преображенского полка, была его ученицей, с которой Комиссаржевский, несмотря на сопротивление командира, тайно обвенчался в Царском Селе.

27 октября 1864 года у супругов родилась дочь, которую назвали Верой. Потом родились еще две девочки: Надя и Оля.

Маленькая Вера нередко бывала за кулисами Мариинского театра и наблюдала за тем, как отец разучивал свои роли. Родители часто устраивали домашние спектакли, в которых участвовал дети, сами они и даже гости. Вера любила выступать в спектаклях, легко запоминая роли и стихи.

В десять лет ее отдали в частную гимназию, но из-за своего непоседливого характера она увлекалась то одним предметом, то другим. Учителя были ею недовольны, и Федор Петрович перевел дочь в частный пансион, а затем и вовсе забрал домой, посчитав, что домашнее обучение принесет больше пользы. Однако заканчивала она свое начальное обра-

зование в Коломенской и Петербургской гимназии, а также была пансионеркой Ивановского училища.

Совершенно неожиданно счастливая и беззаботная жизнь семьи закончилась. Обожаемый женой и детьми, Федор Петрович нанес им неожиданный удар. В одной из своих частых гастрольных поездок он познакомился с княжной Курцевич, наследницей древнего литовского рода. Вместе с ней переехал в Москву и затеял бракоразводный процесс, поставив семью в крайне затруднительное материальное положение. Дети очень болезненно восприняли предательство отца. Непонятно по какой причине, но расходы, связанные с разводом, Мария Николаевна взяла на себя, причем надо отметить, что в те годы процедура бракоразводного процесса была дорогим «удовольствием». Ей пришлось продать поместье, в котором проживала семья, переехать в небольшую квартиру, а девочек отдать в институт благородных девиц. Через пару лет средства на жизнь почти иссякли. Все, что оставалось сделать Марии Николаевне, — это выдать дочерей замуж. Первой на выданье была девятнадцатилетняя Вера. И как раз в это время, она со всей девичьей пылкостью влюбилась в «светского льва» графа В.Л. Муравьева. Профессор Московского художественно-промышленного училища, театровед и искусствовед М.В. Бабенчиков, хорошо знавший графа, вспоминал: «Граф был аристократ по происхождению, силач и

спортсмен, увлекавшийся охотой, он приобрел себе некоторую известность в качестве художника-пейзажиста».

Муравьев был очарован неброской, но завораживающей красотой девушки, и вскоре они поженились. Брак поначалу был счастливым и безмятежным. Но вскоре выяснилось, что у супругов разные представления о семье. Муравьев хотел, чтобы Вера рожала ему детей, принимала гостей, занималась домашними делами, покорно ждала, когда он, навеселе, вернется с очередного светского мероприятия, и не со-

Муравьев не хотел разводиться, на коленях умолял простить его. Но предательство она простить не могла. Граф был в полной растерянности и мучительно соображал, как выпутаться из этой деликатной ситуации. Наконец, в спешном порядке и без лишней огласки, с Надей была сыграна свадьба, и супруги сразу же уехали в деревню в его графское имение. Наде было семнадцать лет, и она ждала ребенка. Граф оставался верен себе, и был с новой женой таким же деспотом, как и с Верой. Он любил выпить и в пьяных припадках постоянно угрожал ей. Однаж-

---

В декабре 1890 года состоялось первое выступление Веры перед публикой: в пьесе «Плоды просвещения» она сыграла роль Бетси. Станиславский был очень доволен дебютом молодой актрисы и стал привлекать ее к участию в других спектаклях

вала свой нос в его дела. Вдобавок к этому, графа одолевали безумные, совершенно беспричинные приступы ревности, и он даже поколачивал молодую жену. Они постоянно ссорились. Такая жизнь Веру категорически не устраивала. Но это было, как говорится, лишь полбеды. Настоящая беда пришла, когда молодая графиня обнаружила, что ее сестра Надежда стала любовницей Владимира, и произошло это спустя всего два года после свадьбы. Она немедленно подала на развод, и все расходы, как и мать, взяла на себя.

ды, поднимая тяжесть, она надорвалась и стала часто жаловаться мужу на боли. Но граф, вспоминала Надя, «говорил, что я только притворяюсь больной, что такая жена ему не нужна, и уж пусть бы лучше я действительно умерла вместе с моей дочерью, потому что, если я никогда не поправлюсь, он все равно задушит нас обоих». Положение становилось все более и более опасным, и Надежда решила сбежать от мужа. Добрые люди помогли организовать тайный побег, и она вместе с дочерью уехала в Петербург, где нена-

долго поселилась у матери. Дальнейшая судьба Надежды сложилась вполне удачно. Взяв псевдоним Скарская, она посвятила себя театру, играла на сцене МХТ, вышла замуж за П.П. Гайдебурова и прожила с ним долгую, счастливую жизнь. Надежда Федоровна скончалась в 1959 году на девяносто втором году жизни, а год спустя умер супруг. А мучитель сестер, граф Муравьев, загубил свою жизнь, опустился, как говорят, «ниже плинтуса», о чем свидетельствует упомянутый Бабенчиков: «Интересна судьба мужа Комиссаржевской Муравьева.<...> Опустившийся, жалкий, пивший горькую, он жил в грязной и темной комнатухе, едва зарабаты-

вая на хлеб копированием своих прежних работ и рисованием открыток»...

А у Веры Федоровны после развода случился сильнейший нервный срыв. Она даже пыталась покончить с собой. С диагнозом «острое помешательство» ее поместили в психиатрическую больницу. Она откровенно признавалась: «Тогда случилось со мной что-то ужасное. Я сошла с ума и была в сумасшедшем доме целый месяц». Выписавшись из больницы, она долгие месяцы находилась в глубокой депрессии, была беспомощна, ко всему равнодушна, ничего не хотела и ничему не радовалась. Выйти из этого состояния и вернуть ее к нормальной жизни помогла младшая сестра Ольга.

После перенесенного стресса Вера еще долго опасалась каких-либо контактов с мужчинами. Но в 1887 году у нее случился скоротечный роман с блестящим морским офицером Сергеем Ильичом Зилоти, двоюродным братом композитора Сергея Рахма-

нинова. Его хорошо знали в артистических кругах, он был признанным знатоком и фанатом театра, сочинял стихи и музыку, прекрасно играл на гитаре и превосходно исполнял им же сочиненные романсы, которые можно услышать и в наше время. После обручения жених и невеста погостили в имении Рахманиновых в Тамбовской губернии и стали готовиться к свадьбе. Однако неожиданно все разладилось. Тем не менее, добрая и верная дружба между ними сохранилась на всю жизнь.

Сестры часто вспоминали счастливые детские годы и домашние представления, которые устраивал отец. И Вера после перенесенных стрессов вдруг поняла, что именно театр должен стать главным содержанием ее жизни. По совету матери в декабре 1890 года состоялось ее первое выступление перед публикой: в пьесе «Плоды просвещения» она сыграла роль Бетси. Станиславский был очень доволен дебютом молодой актрисы и стал привлекать ее к участию в других спектаклях. Вскоре на молодое дарование обратили внимание профессиональные театральные деятели, и в 1891 году Веру Комиссаржевскую пригласили в новочеркасский Зимний драматический театр. Это приглашение было для нее большой удачей. Театром руководил выдающийся режиссер и актер Н.Н. Синельников, и подобранная им труппа ни в чем не уступала любой московской или петербургской. В конце лета 1893 года Вера Федоровна, вме-

сте с матерью и Ольгой, приехала в Новочеркасск, столицу донского казачества. Получившая артистический опыт в любительских спектаклях, она вступила на путь профессиональной актрисы и окончательно рассталась с мечтой стать оперной певицей.

Синельников, считал, что Комиссаржевская «рождена для комедии», поэтому первоначально ставил Веру на роли озорных и наивных молодых девушек, да и в дальнейшем она была занята в основном в водевилях, которые были популярны у публики и приносили хорошие сборы.

Однако Синельников все-таки ошибся в выборе амплуа для Веры Федоровны. Более проницательным оказался непререкаемый художественный и музыкальный критик В. Стасов. Он заметил: «Драма — вот ее призвание». В конце сезона Вера Федоровна с огромным успехом выступала уже в пьесах классического репертуара, сыграв роли Лизы в «Горе от ума», Марии Антоновны в «Ревизоре», Бетси в «Плодах просвещения», Лидочки в «Свадьбе Кречинского». Газета «Донская речь» писала: «Игру госпожи Комиссаржевской нельзя назвать искусством — это сама жизнь; если артистка плачет, то ее слезы смывают грим с лица; если артистка волнуется, то в ее словах слышатся подступившие к горлу рыдания; если смеется, то за нею смеется весь театр».

Вера Федоровна играла в Зимнем театре всего один сезон и сы-

грала 58 ролей. Синельников был вполне доволен ее работой, но не мог заключить с ней контракт на новый сезон, так как первые роли были заняты его женой и сестрой, а быть на вторых ролях и играть в водевилях Комиссаржевская считала давно пройденным этапом. Перед отъездом из Новочеркасска одному из своих друзей она написала: «Я нашла цель, нашла возможность служить делу, которое всю меня забрало, всю поглотило, не оставляя места ничему».

В мае 1894 года Вера Федоровна была приглашена в труппу Летнего театра в курортном городке Озерки под Петербургом. Но в том же году она вместе с мамой и Ольгой переехала в город Вильно, где вплоть до 1896 года служила в антрепризе режиссера К. Незлобина. К этому времени на актрису обратили внимание в петербургских театральном кругах, и она получила приглашение в столичный Александринский театр. Председатель Русского театрального общества В.С. Кривенко вспоминал: «На один из вечеров Сергей Зилоти привез к нам двух сестер Комиссаржевских. Одна из них, Вера Федоровна, только что покинула Виленский театр для Александринской сцены. Неохотно расставалась она с Вильной, где, по словам директора театра Слезкина, артистку носили на руках, и не сразу согласилась принять ангажемент в императорский театр. Дирекции пришлось делать повторные приглашения».

Отказаться от такого предложения Комиссаржевская, конечно же, не могла, и в феврале 1896 года дружная семья переехала в родной Петербург.

В прославленном столичном театре Вере Федоровне на первых порах пришлось нелегко. «Хозяйкой сцены» была М. Савина, очень ревниво относившаяся к молодым соперницам, хорошую роль получить было трудно. К счастью, ее сразу поддержал главный режиссер театра, драматург Евтихий Карпов. Первый выход Комиссаржевской на сцену Александринского театра состоялся 4 апреля 1896 года. В пьесе Зудермана «Бой бабочек» она сыграла роль Розы. «Дебют прошел блистательно», — написала она своей подруге. Даже «сама Савина» советовала своим знакомым: «Пойдите, посмотрите эту актрису, это редкая актриса...» Кроме театроведов на Веру Федоровну обратил свои взоры известный дипломат и историк Сергей Татищев и предложил ей руку и сердце. Но она решительно отказала своему поклоннику, заявив, что безвозвратно и бесповоротно принадлежит искусству и «чувству этому не изменю никогда ни ради кого и ни ради чего — разве сама в себе получу полное разочарование».

В начале октября 1896 года труппа приступила к репетициям только что написанной Чеховым пьесы «Чайка». По желанию Антона Павловича, на роль Нины Заречной была поставлена Савина. Однако ознако-

мившись с ролью, она отказалась от нее. И тогда Карпов передал роль Комиссаржевской. К сожалению, с самого начала все пошло как-то не так. Актриса театра Мария Читау, исполнявшая роль Маши, вспоминала: «За кулисами заранее уже говорили, что “Чайка” написана «совсем, совсем в новых тонах», это будущих исполнителей пугало. Может быть, я ошибаюсь, и дело не в тексте и не в режиссерах, а в нашем плохом исполнении этой пьесы». Сам Антон Павлович, посещая репетиции, также почувствовал что-то недоброе. Он писал своей сестре, что все кру-

растало: зрители поняли, что Левкеева на сцене не появится, что перед ними разворачивается какая-то «странная» комедия. В зале громко шептались, возмущались, даже свистели, а иногда раздавался нервный хохот.

Актеры были ошеломлены, а Комиссаржевская едва сдерживала слезы. Такого грандиозного провала никто не ожидал. Чехов был так расстроен, что, не досмотрев спектакль до конца, ушел из зала, и сгоряча заявил: «Если я проживу еще семьсот лет, то и тогда не дам на театр ни одной пьесы. Будет! В этой

Никакие испытания не сломили волю Веры Федоровны. «Цель еще впереди» — заявила она, задумав совершить еще один крутой поворот в своей жизни — открыть театральную школу. Она желала, чтобы ее ученики, будущие артисты, были не ремесленниками, а творцами, художниками, готовыми отдать жизнь служению прекрасному

гом фальшиво, что настроение у него неважное, а спектакль «пойдет хмуро». Новые драматургические приемы автора, да и сам смысл пьесы, артисты не поняли. Ко всему прочему, произошла досадная путаница: на день премьеры был назначен бенефис известной артистки Левкеевой, и публика пришла смотреть забавную комедию с ее участием. На протяжении всего первого акта зрители ожидали увидеть на сцене комическую актрису. Замешательство в зале все больше воз-

области мне неудача». О повторной постановке «Чайки» Антон Павлович даже слушать не хотел. Однако в дело решительно вмешался Немирович-Данченко. Владимир Иванович доказывал Чехову, что «Чайка» — единственная современная пьеса, захватывающая его как режиссера», и буквально умолял Чехова разрешить ему показать ее в Москве. После долгих уговоров Антон Павлович дал добро. Гениальная пьеса требовала гениального сценического воплощения. Это и произо-

*Чехов читает
«Чайку»
актерам
и режиссерам
МХТ*

шло 17 декабря 1898 года, когда «Чайка» была поставлена на сцене МХТ Станиславским и Немировичем-Данченко. Московская премьера прошла с небывалым успехом. Станиславский, который исполнял роль Тригорина, рассказывал: «Как мы играли — не помню. Первый акт кончился при гробовом молчании зрительного зала. Одна из артисток упала в обморок, я сам едва держался на ногах от отчаяния. Но вдруг, после долгой паузы, в публике поднялся рев, треск, бешеные аплодисменты. Занавес пошел... раздвинулся... опять задвинулся, а мы стояли как обалделые. Потом снова рев... и снова занавес... Мы все стояли неподвижно, не соображая, что нам надо раскланиваться. Наконец мы почувствовали успех и, неимоверно взволнованные, стали обнимать друг друга, как обни-

маются в пасхальную ночь». Чехов в это время был на даче в Малаховке, и Вера Федоровна немедленно сообщила ему эту радостную весть: «Сейчас вернулась из театра. Антон Павлович, голубчик, наша взяла! Успех полный, единодушный, какой должен был быть и не мог не быть! Как мне хочется сейчас Вас видеть, а еще больше хочется, чтобы Вы были здесь, слышали единодушный крик: «Автора!» Ваша, нет, наша «Чайка», потому что я срослась с ней душой навек».

С тех пор силуэт чайки по эскизу Ф. Шехтеля стал эмблемой МХТ.

С Антоном Павловичем у Веры Федоровны сложились теплые, дружеские отношения, которые продолжались до самой смерти писателя. «Никто так верно, так правдиво, так глубоко не понимал меня, как Вера Федоровна», — говорил

писатель. Актриса была очарована Чеховым. Однако Антон Павлович, со свойственным ему тактом, вел себя таким образом, чтобы эти отношения не переросли в нечто большее.

Комиссаржевская прослужила в Александринке шесть лет. Здесь она сыграла много ролей, которые прославили ее на всю Россию. Театральные критики видели в ней не просто актрису, а «особое движение в искусстве». Под руководством режиссера Карпова она исполнила роли Ларисы в «Бесприданнице», Маргариты в «Фаусте» и Нины Заречной в «Чайке». Блестяще сыгранная роль Нины Заречной стала для Веры Федоровны Комиссаржевской звездной. Пресса назвала актрису «Чайкой русской сцены».

Между тем в стенах театра у Веры Федоровны складывалась не только творческая, но и личная жизнь: у нее с Карповым завязался, можно сказать, служебный роман. Однако он был настолько кратким, что биографы актрисы иногда позволяют себе даже не упоминать о нем. Но вот в 1898 году в театре появился молодой актер Николай Ходотов. Он играл с Комиссаржевской во многих спектаклях, а летом 1900 года они вместе совершили гастрольную поездку по южным городам. Своим жизненным оптимизмом и талантливой игрой Ходотов покорила актрису. Несмотря на то, что он был моложе ее на 14 лет, между ними начался бурный роман. Комис-

саржевская стала не только его возлюбленной, но и наставницей. Она стремилась уберечь молодого актера от бездумной траты времени на веселые развлечения, отвратить от богемы, которая губит талант, и писала ему: «Надо научиться ломать себя, приносить жертвы трудные, но тихие, тем более трудные, что за них нельзя ждать награды, они даже могут быть не оценены». То, чего ждала и хотела Вера Федоровна от своего друга, пришло к нему, но гораздо позже. «Она обогатила мир моих восприятий новым светом и новым внутренним содержанием, — признавал Ходотов. — Я стал глубже, тоньше рисовать человеческую жизнь на сцене».

К сожалению, в Александринском театре Комиссаржевской приходилось играть не только в серьезных спектаклях, но и в бездарных второразрядных пьесах. Актриса жаловалась Чехову: «Я играю без конца, играю вещи, очень мало говорящие уму и почти ничего душе, последняя сжимается, сохнет, и если и был там какой-нибудь родничок, то он скоро иссякнет». Тем не менее, любую роль она не просто играла, она жила в ней. Но за это приходилось, в буквальном смысле, расплачиваться своим здоровьем. Были случаи, когда, после закрытия занавеса, Веру Федоровну, как подстреленную чайку, бледную, едва стоявшую на ногах, уносили в ее уборную.

Посчитав, что дальнейшая работа в этом театре потеряла смысл,

весной 1902 года Комиссаржевская покинула Александринку, приняв фантастическое решение создать свой собственный театр и воплотить в нем задуманные ею идеи. Она хотела, чтобы Николай был с ней, однако тот решил не расставаться с престижным Императорским театром, где, благодаря Комиссаржевской, стал, как метко заметил писатель С. Скиталец, «артистом благородной марки». И тогда Вера Федоровна написала ему: «Мне не надо ничего говорить Вам. Вы уже без слов знаете, что я ушла от Вас. Нет, вряд ли я смогу полюбить кого-либо еще — слишком многое отдала я Вам и чувствую, что это было последнее трепетанье того уголка моей души, которому суждено было любить».

Простившись с Александринкой, она до 1904 года гастролировала в провинции, собирая средства на создание будущего театра. Эта маленькая, хрупкая, но решительная женщина, взяв на себя тяжкую ношу, проявила удивительную энергию, твердость характера и неутомимую работоспособность. Надо было подобрать режиссеров и артистов, найти подходящее театральное помещение. В конце 1903 года оно было найдено на Невском проспекте в Петровском пассаже. Но еще в течение полугода решались всевозможные организационные и финансовые вопросы. В качестве режиссеров были приглашены Н. Арбатов и Н. Попов, который во

многом помогал Вере Федоровне в создании театра.

Наконец 15 сентября 1904 года Комиссаржевская пьесой Максима Горького «Дачники» открыла собственный Драматический театр. У многих зрителей постановка вызвала недовольство. Газеты писали: «Публика получила от писателя пощечину и очень этим обиделась». Хозяйку театра это нисколько не смутило, и вслед за «Дачниками» была поставлена другая пьеса Горького «Дети солнца». Затем последовали пьесы «Богатый человек», «№13», «Красный цветок» и другие. Но самой удачной работой театра стал «Кукольный дом» Ибсена, в котором актриса блестяще сыграла Нору.

Но, тем не менее, работу театра нельзя было назвать удачной. Режиссеры не смогли отойти от классических традиций МХТ, а единый актерский коллектив не сложился. Спектакли шли с убытками, дефицит покрывался гастрольными поездками. Нужны были режиссеры и актеры нового типа. Вера Федоровна принимала решительные и бескомпромиссные меры по спасению театра. 9 ноября 1906 года она письменно сообщила Арбатову, что «он в театре более не служит по причине диаметральной противоположности художественных взглядов». Еще ранее был уволен Попов, которому она заявила о «полном нежелании встретиться с Вами когда-либо». На должность режиссера Комиссар-

*Группа
Драматического
театра
в день
открытия
первого сезона*

жевская пригласила В.Э. Мейерхольда, зарекомендовавшего себя режиссером-новатором в работе со Станиславским. Сезон 1906–1907 годов стал для театра временем кардинальных перемен. Театр переехал в новое помещение на Офицерской улице. Всеволод Эмильевич привел в театр группу молодых актеров и начал осуществлять задуманные им эксперименты в области символистского театра. Вера Федоровна, сама страстно мечтавшая освободиться от устаревших театральных канонов, поверила в Мейерхольда. «Вы посмотрите, это совсем, совсем новый человек!» — убеждала она сомневающихся. За один сезон Мейерхольд выпустил 13 спектаклей. Он любил

делать все по-своему. Известные пьесы мог видоизменить до такой степени, что от них почти ничего не оставалось из того, что было задумано автором. Поначалу Вера Федоровна не возражала против таких новаций. Но вскоре смелые эксперименты Мейерхольда стали ее раздражать. Она начала сомневаться в правильности выбранного пути. Журнал «Театр и искусство» писал: «Г-н Мейерхольд довел театр г-жи Комиссаржевской в буквальном смысле до степени «Балаганчика», где актеры превратились в говорящих кукол и где на наших глазах гибнет своеобычное, задушевное дарование г-жи Комиссаржевской». Союз Мейерхольда с Комиссаржев-

ской оказался непрочным и завершился резким разрывом. Она признавалась: «Мейерхольд создал в театре атмосферу, в которой я задыхаюсь все это время и больше не могу». Кроме того, содержание театра вновь стало убыточным.

После ухода Мейерхольда руководство театром перешло к сводному брату Веры Федоровны Федору Ф. Комиссаржевскому, который до этого заведовал постановочной частью. Однако вопросы формирования труппы оставались в ее ведении.

В январе-апреле 1908 года театр гастролировал в Америке. С матери-

альной точки зрения поездка себя не оправдала, однако американские журналисты назвали Комиссаржевскую одной из величайших актрис мира. В сентябре того же года театральная Россия отмечала 15-тилетний юбилей сценической деятельности актрисы. Одно из бесчисленных поздравлений гласило: «Ваша славная решимость бороться до конца дает нам силы твердо идти по следу Вашей тоски о новом прекрасном искусстве». Однако ни желания, ни сил, чтобы дальше «тянуть» театр, у Веры Федоровны, очевидно, уже не было. «Театр в той форме, в какой он существует сейчас, — писала она в ноябре 1909 года, — перестал мне казаться нужным, и путь, которым я шла в искании новых форм, перестал казаться мне верным». Сезон 1908/1909 года стал последним сезоном театра. В эти тяжелые дни у Веры Федоровны неожиданно, как яркая вспышка, случился роман с известным поэтом-символистом и опасным покорителем женских сердец Валерием Брюсовым, приглашенным в театр вслед за Мейерхольдом. Но надежд ее поэт не оправдал, да и вспышка, как и положено всякой вспышке, быстро угасла...

И все же никакие испытания не сломили ее волю. «Цель еще впереди, — заявила Комиссаржевская, задумав совершить еще один крутой поворот в своей жизни. Своими мыслями Комиссаржевская поделилась с сестрой Ольгой: «Я откры-

ваю школу. Это будет место, где люди, молодые души, будут учиться понимать и любить истинно прекрасное. Это такая огромная задача, и я решаюсь взять ее на себя только потому, что всем существом чувствую, что это моя настоящая миссия в жизни». Она мечтала, что ученики школы кроме пластики, постановки голоса, дикции будут изучать психологию, историю театра, живопись, драматургию, теорию музыки и даже основы анатомии, желая, чтобы артист был не ремесленником, а творцом, художником, готовым отдать свою жизнь служению прекрасному. Но, прежде чем приступить к воплощению своей мечты, Вера Федоровна с группой артистов отправилась в дальние гастроли, которые стали последними в ее жизни. В конце января 1910 года труппа прибыла в Ташкент, и тут произошла трагедия: в течение двух-трех дней стали заболевать актеры, как стало понятно, еще в Самарканде заразившиеся черной оспой. Вера Федоровна помогала ухаживать за больными. 24 января в театре шла «Бесприданница», и Комиссаржевская на сцене вдруг почувствовала, что ее лихорадит. Она смогла достойно доиграть роль, выходила на вызовы зрителей, бросавших на сцену букеты цветов, но наклониться и поднять их уже не могла...

Через три дня она окончательно слегла в постель и больше уже не встала. А 10 февраля 1910 года Вера Федоровна Комиссаржевская

скончалась. Ей было сорок шесть лет. Когда страшная весть дошла до Петербурга, в Городской думе была устроена гражданская панихида. В зале установили подиум с большим портретом Веры Федоровны, украшенный белыми цветами. Современница Комиссаржевской, также великая артистка Елена Полевицкая вспоминала: «Не верилось, что она умерла, и умерла в моем городе, в моем Ташкенте. <...>Все плакали. Стояли и плакали. Молча. Это было общее горе, объять которое было невыносимо. Прибежал Блок со свежим, еще не просохшим стихотворением, просил прочесть. Я не могла. Я отказалась. Просили прочесть его самого. Он прочел: «Что в ней рыдало? Что боролось? / Чего она ждала от нас? Не знаем. Умер вешний голос, / Погасли звезды синих глаз». Никто не хотел уходить. Когда прибыл в Петербург гроб с останками, я, конечно, тоже была в несметной толпе и проводила ее, мою звезду путеводную, к месту ее покоя».

Похоронили Веру Федоровну на Никольском кладбище Александроневской лавры.

P.S. В 1942-м году, во время блокады Ленинграда, был основан Театр имени Комиссаржевской, который в то страшное время старался поддержать духовную стойкость ленинградцев, вселить в них уверенность, что победа над фашистами обязательно придет. □

Светлана Чуфистова

ДОРОГАМИ СУДЬБЫ,

или Тайна ее светлости

Пролог

1900-й год этот захудалый городишко встретил не празднично. Без пышных балов и маскарадов, без фейерверков и ряженных. Тихо, по-провинциальному. Почетные горожане, купцы, чиновники и мелкие лавочники собирались в новогоднюю ночь семьями, приглашали знакомых, соседей, угощались пирогами, соленьями, водочку выпивали и беседовали о разном. Все чинно, благородно, без излишеств, ссор и, конечно, рукоприкладства.

Чего не скажешь об окраине. Там в деревянных бараках да полуразвалившихся хибарах ютились люди, в основном, простые и бесправные. Рабочие казенного завода, железнодорожники, мастеровые, извозчики, прачки. Приехавшие за лучшей долей крестьяне, проститутки, бывшие каторжане. Вот они, как говорится, наступление XX-го века отмечали с размахом. С песнями, мордобоем и плясками. А чего еще от убогих ждать, когда в беспросветных буднях это единственный праздник. Ну, если не считать Рождество да Пасху...

Вдруг на станции грянул выстрел, и сразу истошно закричала баба. Однако город, словно бы не замечая этого, продолжал гулять. Где-то играла гармошка, что-то пела пьяная компания, по заснеженной улице промчались сани.

— Варенька, что там? — спросил девушку старик, который лежал на кровати.

— Не видно ничего. Темно. Стреляли, кажется...

Варвара вздохнула, задернула занавески, отошла от окна, поставила на круглый стол керосиновую лампу и, приблизившись к большому, опустилась в кресло.

— Папенька, как вы?

— Хорошо, родная, — ответил стрик, закашлялся и снова закрыл глаза.

А девушка, забросив за спину длинную косу, вновь взялась за вязание.

Этот дом, наполовину деревянный, наполовину каменный, давно уже не видел радости. С тех пор, как умерла его хозяйка. Екатерина Павловна, дочь генерала и мать Вари, была кроткой, славной, а окончила свою жизнь не в собственном поместье, в окружении прислуги и домочадцев, а в холодном доме под образами. И все потому, что неудачно вышла замуж.

Супруг ее, Петр Михайлович, был сыном простого лавочника, в юности поступил на службу в армию, где его и определили писарем к генералу. Там он и познакомился с Катенькой, долго за ней ухаживал, а после того как влюбленные тайно обвенчались, разгневанный тесть новоиспеченного зятя прогнал. Не пощадил он и свою дочь, лишив ее и наследства, и приданого. Поэтому молодым супругам пришлось покинуть имение и обосноваться в небольшом городишке на Урале. Петр устроился в полицейский участок, где долгие годы и служил околоточным надзирателем. Вот только блюстителем порядка он был неважным, законы соблюдал, невинных не обижал, людей не обирал, и все вокруг считали его странным: ну как же при должности такой, и не брать взятки?

В отставку Петр Михайлович ушел четыре года назад и, можно сказать, заскучал. Ни тебе дела по душе, ни другого какого-нибудь занятия. К тому же старик нуждался в деньгах. Нет, кое-какие сбережения у него, конечно, остались, но их было мало. Тем более что в последнее время он сильно хворал, и большая часть средств уходила на докторов и лекарства. Рядом с ним всегда была его любимая дочь Варвара, правда, Петр Михайлович с недавних пор начал терять память и все реже узнавал ее.

— Катенька! — Он вдруг снова очнулся и открыл глаза — Стреляли, рассказываешь?

— Да, — кивнула Варвара.

— Нужно будет завтра разобраться, — забормотал старик. — Во всем должен быть порядок. Во всем порядок...

Глава 1

Эту обворожительную молодую особу, разодетую в дорогие шелка и бархат, в губернской столице знал каждый. Дня не проходило, чтобы о ней не судачили. Нищие и нуждающиеся за щедрость и подаяния величали ее

матушкой, служители храмов — сестрой, а сильные мира сего, в том числе и генерал-губернатор, чаровницей, душечкой и павой.

Зоя Николаевна и впрямь была красавицей. Фигура точеная, лицо ангельское, каштановые локоны, зеленые глаза, а когда она улыбалась, всем вокруг становилось радостно. Мужчины млели, юнцы любовались, дамы завидовали, девицы пытались подражать. Да где уж там! Игривая, умная, к тому же еще и богатая...

Вот только откуда она появилась в здешних краях, никто не знал. Поговаривали, мол, приехала из Англии, там когда-то удачно вышла замуж, а после того как супруг ее, лорд Бакер, скончался, осталась наследницей огромного капитала. Да она и сама об этом рассказывала. Как в Лондон эмигрировала в 1905-м, как устроилась экономкой в замок и соблазнила старого развратника. А потом, запрокинув голову, хохотала. Потешалась над английскими нравами, над самими чопорными англичанами и говорила, что нет России краше. Да и как было рассказчицу не понять, ведь родина — она одна. Тем более что и кормила ее земля-матушка. Зоя Николаевна владела рудниками, мукомольным заводом и крупным банком.

— Господа! — в который раз привлекла к себе внимание хозяйка дома, поднялась из-за стола и взяла хрустальный фужер, наполненный шампанским. — Я предлагаю выпить за именинника! За его императорское величество, за самодержца всероссийского, за здоровье Николая Александровича! Ура!

— Ура!!! — покатило по залу. — За императора! За государя!

Зоя Николаевна взглянула на мужчин в черных фраках, на женщин в вечерних нарядах и от души засмеялась. Выпив игристое до последней капли, она опустилась на стул, улыбнулась и произнесла:

— Прошу вас, господа, угощайтесь...

Не заставив себя ждать, присутствующие тут же приступили к трапезе. Стол ломился от яств: тут вам и осетрина, и окорока, и языки, и пироги, и ананасы, и черная икра. Как же можно было удержаться? Статский советник Рюмин-Шапошников руками чистил краба. Купец первой гильдии Самарин поглощал «Краковскую», да закусывал маринованными грибами. А вот мануфактурщик Курахин иным блюдам предпочитал телятину. Все были довольны, всем всего хватало. Один лишь судья Молчунов с постным выражением лица ничего не ел, только вино потягивал, поясняя присутствующим:

— Мне ведь жирное-то нельзя-с. Язва, знаете ли...

В общем, застолье вышло удачным. Гости беспрестанно жевали, пили, кричали, кашляли и, конечно же, много общались. Мужчины кайзера и Распутина ругали, хвастались капиталами, дела обсуждали, дамы сплетничали, громко смеялись. Девицы кокетливо поглядывали на молодых офицеров, пожилые кумушки сетовали на свои года. Впрочем, все как всегда...

А Зоя Николаевна во главе стола о чем-то беседовала с градоначальником Аполлоном Карловичем, полным лысеющим мужчиной с длинными бакенбардами. Он то и дело что-то нашептывал на ушко хозяйке, и та при этом смущалась.

— Душечка, и как это вы вспомнили об именинах государя императора?

— Ну что вы, ваше сиятельство, сегодня же 6 мая...

— Да, да, а я что-то запамятовал, — почесал свою залысину граф и тут же, поцеловав ручку молодой даме, страстно задышал: — Я тут на днях в Москву собираюсь. Не желаете ли составить мне компанию?

— Ах, вы, проказник! — хитро улыбнулась Бакер — А супруга ваша как же?

— Хворает Калерия Марковна, — вздохнул пожилой ловелас. — Мигренью мается...

— Какое несчастье! — воскликнула Зоя Николаевна, обдувая себя веером. — Привет ей передавайте. Вот с делами немного управлюсь и загляну к вам на чашку чая. У меня для вашей жены припасен подарочек. Я тут по случаю колечко приобрела, думаю, ей понравится...

— Ох уж, эти женщины, право... — заулыбался Аполлон Карлович и вновь припал к руке собеседницы. — Чаровница вы моя...

В это время за происходящим со стороны наблюдал полковник Азаров, высокий, стройный красавец. Форма на сорокалетнем мужчине сидела как влитая, широкие плечи, темные волнистые волосы, карие глаза, которые он не сводил с хозяйки дома. А она сегодня была особенно хороша. Красное платье, глубокое декольте, длинные атласные перчатки, а еще серьги с рубином и диадема в волосах. Молодая женщина посмотрела на офицера и очаровательно улыбнулась. Своей любви Лев Платонович не скрывал, вот только она взаимностью ему не отвечала, и даже была холодна, потому что интрижки и романы ее мало волновали...

— Господа! — вдруг подскочил с места актер драмтеатра Ласточкин. — Предлагаю выпить за нашего ангела, за ее светлость, за Зою Николаевну! За вас, дорогая!

— О, да!! — подхватили гости и начали осушать свои рюмки и бокалы.

— Ну что вы, полноте! Ах, оставьте... — засмеялась хозяйка и тоже, в знак признательности, выпила немного вина.

Она моментально захмелела, а тут еще этот Ласточкин со своими лобзаниями.

— Разрешите ручку поцеловать, мадам, — неожиданно возник он рядом и согнулся пополам.

— Прошу вас, — нехотя позволила Бакер. — Ну а теперь прочтите нам что-нибудь из классики.

— Буду счастлив, — ответил Ласточкин, вышел на середину зала и начал декламировать Вяземского, чем привел в экстаз юных барышень...

Тут в дверях с подносом в руках показалась служанка Дарья. Дворецкий Герасим завел граммофон, и все услышали звуки «Венского вальса». Кто-то из гостей отправился танцевать, а хозяйка вновь почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Но то был не Азаров. С противоположной стороны стола за ней наблюдала вдова князя Варламова, угрюмая, напыщенная пожилая дама. Мужа она похоронила уже как полгода назад, но до сих пор носила по усопшему траур. А теперь, вся в черных одеяниях, буквально сверлила молодую особу ненавидящими глазами. Но за что? За то, что сама же взяла ссуду в банке, а сынок ее в карты проиграл все? А долг-то растет...

Зоя Николаевна откинулась на спинку стула и, обмахиваясь веером, захохотала — уж ее-то взглядом не возьмешь...

Петр Михайлович скончался в начале марта, сразу после масленицы. Схоронила Варвара его на местном кладбище тихо, без поминок и плакальщиц. И что делать дальше, девушка просто не знала. Ей уже исполнилось 17, но она не была замужем, да и кто возьмет сироту без приданого. К тому же у нее не осталось средств не только на содержание дома и кухарку, но и, собственно, на пропитание. А потому устроилась Варя в дом купца Баранова гувернанткой.

Жена хозяина Василиса Степановна была женщиной грубой, высокомерной, властной. Полная, неопрятная, она практически всегда ходила по дому в домашних туфлях и халатах. Неуравновешенная по характеру, часто устраивала скандалы, и была на сносях пятым ребенком. Старшие дочери Барановых уже давно вышли замуж, а вот младшие мальчики вскоре должны были отправиться в гимназию. Но перед тем отец нанял им в преподаватели Варвару.

Девушка быстро поладила с детьми, они с легкостью воспринимали французский, арифметику, азбуку и хлопот учительнице не доставляли, чего не скажешь об остальных домочадцах.

Особенно Варю досаждал сам глава семейства Евграф Евграфович. Он практически сразу стал оказывать девушке непристойные знаки внимания, на близость намекал, по углам зажимал, пытался лезть под платье. Варвара не выдержала, и, пригрозив ему, что все расскажет Василисе Степановне, сбежала из дома купца.

Она снова пробовала устроиться на жалованье, но все заканчивалось одинаково — липкими взглядами и приставаниями. Девушка была на грани отчаянья, как вдруг ей улыбнулась удача. Ее принял помощницей в библиотеку друг отца Иван Исаич. Сухонький седой старик в пенсне и в мятом костюме из темной ткани взял ее помощницей в библиотеку. Это было настоящее счастье, ведь до нее управляющий брал на службу только юношей. А теперь в этом царстве букв и страниц оказалась она.

Дело ей поручили важное — поддерживать чистоту, книги на полках расставлять да формуляры заполнять. И Варвара тут же приступила к своим обязанностям. Всюду навела порядок, вымыла окна, двери, паркетный пол, ящики. В читальном зале до блеска натерла столы и лампы, иначе распределила литературу: научные труды расставила на стеллажи, художественную убрала в шкафы — ведь, как правило, провинциальные дамы читали мало. В отличие от самой Варвары — она книги буквально проглатывала.

Так и потянулись дни за днями. Иван Исаевич не мог нарадоваться на помощницу. Варвара получала жалованье и теперь уже могла платить кухарке. А уж Марфа сама все на рынке закупала — спички, керосин, муку и сахар. В общем, жизнь девушки потихоньку налаживалась. А однажды она повстречала его...

Этот белокурый юноша заглянул в библиотеку перед самым закрытием, когда уже не было Ивана Исаича, и попросил томик Державина. Так они и начали общаться. Семен оказался сыном ростовщика Уварова, человека, безусловно, богатого, и не было никого в городе, кто бы у него не одалживался. Но самого Семена, казалось, деньги интересовали мало. Он уже оканчивал гимназию и собирался поступать в университет. Начитанный, интеллигентный, скромный, он с Варварой всегда был галантен. Обязательно приносил ей какие-нибудь подарки: цветы, конфеты, шоколад, пряники. Молодые люди много гуляли, разговаривали, смеялись, строили планы. И однажды Варя пустила юношу в свою спальню...

Конечно, после этого молодой человек обещал ее сосватать. Но вместо сватов неделю спустя к Варваре в дом явилась чопорная дама, представилась матерью жениха и настоятельно потребовала оставить сына, потому что ее мальчика достойна девица невинная и состоятельная, а не какая-то безродная дворняга. На том, можно сказать, и расстались.

Варя, конечно, долго плакала, все Семена ждала, только он так больше и не появился ни разу. А месяц спустя девушка поняла, что понесла...

Глава 2

Это белое двухэтажное здание с лепниной на фасаде всегда было городской достопримечательностью. Приличные господа и, конечно же, дамы обходили его стороной, а вот прочие неблагонадежные граждане сие заведение посещали часто. Власти называли его «Домом терпимости», а обиженные жены и встревоженные матери — «Клоакой разврата». Многие требовали разогнать бордель, тем не менее, он процветал. По ночам тут царили визг, хохот, пьяные драки, а вот днем все утихало, и это здание уже ничем не отличалось от остальных.

Зоя Николаевна приехала сюда, как только разобралась с делами. Утром встретила с управляющим банка, подписала важные бумаги. После заглянула к нотариусу, где оформила купчую на земельный участок. Потом на своем заводе побывала. И вот она уже здесь, в кабинете мадам Чернятинской.

Владелица заведения сидела за столом и без конца зевала, то и дело прикрывая покрашенный рот кружевным платком.

— Ну и ночка сегодня выдалась, прямо напасть какая-то, — жаловалась она Зое Николаевне. — А еще эта паршивка удумала рожать! Клиентов мне напугала, все простыни кровью испачкала а я ведь их по семь рубликов покупала...

— Хорошо, я возьму вам затраты, — ответила Бакер, неспешно достала из сумочки несколько банкнот и положила их на диван: — Это за простыни и за молчание...

— Само собой, ваше сиятельство, как скажете, — подскочила хозяйка, схватила деньги и спрятала их в бюстгальтер.

— Вы говорите, Степанида родила мальчика?

— Да, весь сморщенный такой, ошипанный цыпленок и то краше...

— Это ничего, поправится, — вздохнула Зоя Николаевна. — А где он?

— Так в комнате с матерью, я им там вместо люльки корзину поставила, а кормить ей его не дала, сразу грудь шалью перевязала, нечего мне молоком портить дорогие платья...

— Но как же? — подняла брови Бакер. — Мы же с вами договаривались...

— Да не волнуйтесь вы так. Помощница моя ребенка испугала, запеленала, из рожка накормила молочной кашей...

— Ну, хорошо, — успокоилась молодая дама и тут же вновь замолчала.

Она вдруг вспомнила о первом спасенном мальчике. Потом были другие дети, еще и еще. Ведь до нее от младенцев здесь просто избавлялись. В лучшем случае — к храму или на порог чужого дома подбрасывали, в худшем — продавали, ну, или... Много ли сил надо с новорожденным справиться?

В этот момент в дверь постучали, и в комнату с корзиной в руках вошла Ляля, так ее здесь называли, а в миру она — Степанида Щавелева. Ляля плюхнулась в кресло, плетеную переноску с ребенком на пол поставила и, закинув ногу на ногу, процедила:

— Натэ, принимайте выкормыша...

— Я пойду, а вы тут посудачьте... — вдруг сказала Чернятинская и выскочила из кабинета, оставив женщин наедине.

— Сколько тебе лет, дорогая? — начала Зоя Николаевна.

— А что? — заерзала Ляля. — Гляньте в мой пачпорт, его мадам себе забрала. А когда я к ней пришла, было 16...

— А сейчас?

Ляля закатила глаза, поблуждала по потолку, по немытой раме, но сфокусировать взгляд не смогла, так как уже с утра была пьяной.

— Двадцать! — вдруг выпалила она.

— Да нет, — вздохнула Бакер, — тебе уже 25. И что же дальше? Дальше ты сопьешься или болезнь срамную подхватишь. А в 40 тебя уже не станет...

— Да не пужайте, барыня, не пужайте... — вдруг расхохоталась Ляля-Степанида.

— А вот это ты напрасно, — вздохнула Зоя Николаевна. — Я тебе содержание предлагаю. Сниму комнату, денег дам на пропитание, будешь ребенка нянчить. А как подрастет, устройю тебя на фабрику... Решайся...

Но такая перспектива Лялю явно не устраивала. Она перестала смеяться и насторожилась.

— Ага, благодетельница, значит. А замуж меня кто возьмет? Может, вашенский муженек?! Мне милостыни не надо! Я сама богачка! И этого забирайте, — кивнула она на спящего малыша. — Намучилась я с ним, клиенты жаловались. И вообще, мне отдыхать пора! — Ляля резко поднялась, чуть ли не ногой открыла дверь и покинула комнату.

Зоя Николаевна приблизилась к корзине, села в кресло рядом и, глядя на малыша, прошептала:

— Ну что, голубчик, собирайся, ехать надо. Будет у тебя теперь новая семья: папаша учитель, и мать славная...

Варвара ночью почти не спала, все ворочалась, кашляла. Иногда вставала, бродила по дому, поднималась на второй этаж и там пыталась уснуть на матушкиной кровати. Но все было напрасно. Во-первых, жар, а, во-вторых, мысли ее терзали ужасные.

Уже полгода, как она страдала. Поначалу «интересное положение» удавалось скрывать под пелеринами и шальями, но со временем о позоре несчастной знали уже почти все. В городе над нею смеялись, показывали пальцами, называли гулящей, мальчишки забрасывали ее камнями, а старухи повадились за волосы таскать. И не нашлось никого, кто бы сироту пожалел, приласкал, как когда-то отец и мать. И оттого Варе становилось страшно...

К тому же она место в библиотеке потеряла. Иван Исаич по старости ушел в отставку, а ее, беременную, никто держать не стал. Новый хозяин выгнал девушку, даже не рассчитавшись.

Но жить-то как-то надо. А потому Варвара начала вещи из дома продавать. Матушкино обручальное кольцо, батюшкин серебряный портсигар, картины, канделябры, пока совсем ничего не осталось.

Положение сироты становилось ужасным, и что делать дальше, она не знала. Идти побираться? Но как можно было так низко пасть?! Тем более что она внучка самого князя. Об этом ей когда-то рассказала мать, и о своей сестре, и о брате, которые приходились Варваре тетушкой и дядей. И девушка все же решилась им написать. Попросила о помощи, умоляла проявить участие. Письмо в губернскую столицу она отправила в ноябре, а ответ получила только в мае. В нем говорилось, что родственники никакой Екатерины не знают, что давно уже вычеркнули ее из памяти, а она, Варвара, о наследстве может не мечтать. Вот так...

Варя заплакала, хотела повернуться на бок, но вдруг ощутила сильные схватки. Она с трудом поднялась с кровати, сделала два шага и потеряла сознание...

Очнулась девушка уже на холодном полу, когда светало. Рядом с нею со свертком в руках сидела кухарка Марфа. Пожилая женщина держала новорожденного и качала его.

— Ребеночек у тебя родился, хозяйка. Мертвый мальчик...

Глава 3

Большая свеча на старинном подсвечнике уже догорала, освещая белоснежную скатерть и богемский хрусталь. Но она в этом зале была не одна. Такие же стояли на соседних столах, за которыми расположились пришедшие в ресторан дамы и господа. Все они были веселы, и, казалось, счастливы. Кто-то заказывал портвейн, кто-то коньяк. А вот купец Самарин приказал официанту вместе с водкой принести самовар и теперь запивал спиртное горячим чаем, краснел, довольно крякал и окладистую бороду поглаживал. Зоя Николаевна случайно встретилась с ним взглядом, и купец, приветствуя ее, привстал. Сегодня на ней было изумительное бирюзовое платье, белые перчатки и изысканная шляпка.

— Еще шампанского? — спросил у нее полковник Азаров.

— Да, пожалуй, — ответила она.

Офицер снова наполнил бокалы и поднял свой хрустальный фужер:

— Я хочу выпить за вас. За вашу улыбку, ваши глаза...

— И за мой банк, — вдруг засмеялась Зоя Николаевна.

— Моя дорогая, даже если бы вы были бедна, я бы все равно любил вас...

— Ах, полноте, Лев Платонович! К чему эти признания? Я не намерена крутить с вами роман. К тому же в нашей губернии и без меня много барышень. Или вы банкирш предпочитаете?

— Ну, зачем вы так?

— Простите, — смутилась она. — Я не ведаю, что говорю. Это все шампанское. Что-то голова кружится ...

— Вам плохо? — с беспокойством спросил граф.

— Нет, уже лучше, кажется, — вздохнула Зоя Николаевна, немного помолчала и вновь заговорила: — Вы знаете, до меня дошли слухи, что вчера ваш приятель, князь Варламов, стрелялся. Это правда? Как он?

Азаров задумался, извлек из кителя портсигар, вынул папиросу, прикурил от свечи и поставил ее на стол обратно.

— Ранен. Еще бы чуть-чуть, и да... Бедная его маман! Вера Павловна места себе не находит, плачет. Ведь Серж в конец проигрался. А еще это...

— Надо же, — искренне удивилась Зоя Николаевна. — Но Сергей Георгиевич прекрасно выглядел. Я видела его на прошлой неделе у себя в банке. Он ссуду брал...

— И тут же решил снова в казино попытать счастье. А ведь я его предупреждал...

— О чем?

— Знаете ли, дело в том, что мой друг крайне неудачлив. Как, собственно, и его папаша. Тот женился на Вере Павловне только из-за ее капиталов, так, по крайней мере, рассказывали. Потом ударился во все тяжкие. Начал строить грандиозные планы. Только вот за какое дело не возьмется, все идет прахом. В общем, запил он. Ну а уж там всякие соблазны, женщины, связи. Деньгами разбрасывался, пока все не промотал окончательно...

— Да, печально. А что же брат Веры Павловны? Он бы мог вразумить племянника, да и помочь ему финансово.

— Увы, — вздохнул полковник, — просить одержимого одуматься — занятие неблагодарное. Да и Орест Павлович не образец для подражания. А что касательно финансов... Князь пару лет назад вложил в одно сомнительное предприятие и прогорел начисто...

— Но как же?..

— Да он в Германии закупил приличную партию сукна, но груз по дороге пропал — то ли поставщики оказались непорядочны, то ли вагоны по пути ограбили, точно не знаю. Потом, насколько мне известно, его сиятельство тоже в вашем банке одалживался?

— Не могу сказать, — пожала плечами Зоя Николаевна. — На это вам может ответить только мой управляющий. Я заемщиков знаю отчасти...

— Да-да, — затушил папиросу Азаров и, глядя на танцующие пары, предложил: — Позвольте пригласить вас...

— С удовольствием, — улыбнулась она. — Я обожаю танго...

Варя уже почти умерла. Сил жить совсем не осталось. Во снах к ней все чаще приходила мама и звала ее, звала... Но Варя каждый раз просыпалась. А жаль. Девушка давно уже была готова расстаться с этим миром, однако сделать это ей не позволяла Марфа. Сухоньякая, полуслепая, безграмотная крестьянка ухаживала за хозяйкой как могла. На гроши, что она зарабатывала, обстирывая богатых горожан, еду покупала, лекарства, поила девушку травами. И, наконец, Варвара начала постепенно приходить в себя.

И вот однажды вечером к ней в дом постучали...

На пороге возник тот, кого она совсем не ждала. Это был купец Баранов, все такой же грузный, неприятный, лицо в оспинах, волосы на прямой пробор, рыжая борода. Он прямо в полушубке и сапогах прошел в зал, сел на стул у круглого стола, закинул ногу на ногу и уставился на Варю. А та забилась в угол, ни жива, ни мертва.

— Я это.. — начал свою речь Евграф Евграфыч, — слышал, ты совсем без денегжат осталась...

— А вам какая печаль?

— Помочь могу, сама знаешь...

— Благодарю. Мне от вас ничего не надо...

— Ну, да, так и не надо, — не унимался Баранов. — Смотри, совсем отощала. Ребенка-то родила?

— Я не хочу об этом, не спрашивайте...

— Понятно. Скинула, значит? — Гость постучал по столу своими толстыми пальцами и прошелся по комнате глазами. — Да, небогато...

— А вы что, сосватать меня желаете? — усмехнулась Варвара. — Так ведь я бесприданница...

— Нравишься ты мне ... Приходить сюда стану. Подарками не обижу, не сомневайся...

— А как же Василиса Степановна? — с надеждой в голосе спросила Варвара. — Что будет, коли узнает?

— Ты, что ли, расскажешь? — засмеялся Баранов. — Или думаешь, я с ней не справлюсь? Вожжами выпорю пару раз, вмиг перевоспитается... В общем, так... — Евграф Евграфыч поднялся, полез в карман, вынул пачку денег и бросил ее на скатерть. — Это тебе на пропитание, ну и прихорошиться там. Буду послезавтра. Поняла?

— Да, — обреченно вздохнула Варя.

Кажется, участь ее была решена...

Глава 4

Эта жара, что стояла уже не день, не два, а третью неделю кряду, Зою Николаевну просто выматывала. С утра она выходила на веранду, седи-

лась в плетеное кресло и читала. А после полудня вновь в дом возвращалась, чтобы хоть как-то от зноя спрятаться.

Но сегодня было все иначе. Ночной дождь и гроза не оставили жару ни единого шанса, и, наконец-то, стало прохладно. Но это только усугубило ситуацию, потому что уже спозаранку к особняку госпожи Бакер начали съезжаться двуколки, брички, коляски. Вскоре большой дом Зои Николаевны наполнился гостями, которые в отличие от самой хозяйки чувствовали себя здесь прекрасно. Тут их угощали закусками, сладостями. Господа и дамы дегустировали лучшие вина и шампанское, сидели в креслах на лужайке, играли в карты, спорили, смеялись, слушали граммофон, танцевали, а еще с нетерпением ждали приезда цыган.

И лишь Зоя Николаевна не принимала в этом участия. Она уединилась в своем кабинете с князем Горбатовым, который был на десять лет ее младше. Наивный, прыщавый, он умолял женщину выйти за него замуж. Но она, конечно же, столь «достойное предложение» принять не могла.

— Ну, хватит, князь, ну что вы, в самом деле, как маленький? Нам лучше остаться друзьями. Передавайте привет своей матушке, — с улыбкой говорила Зоя Николаевна.

И юный кавалер с полными слез глазами сбежал.

Это было не первое предложение за последнее время. Она всем отказывала, а ее все сватали и сватали. И лишь полковник Азаров куда-то пропал. Зоя Николаевна не видела его после ресторана, не встречала на улицах и в парке. Может быть, захворал?

И вдруг она услышала голос, который показался ей знакомым, быстро накинула на плечи шаль и поспешила к гостям. На лужайке перед особняком уже плясали цыгане, а вместе с ними, забыв о приличиях, солидные господа и дамы. Кто-то продолжал сидеть в беседке, кто-то просто гулял. Слуга Герасим у стола, покрытого белой скатертью, всем желающим наливал шампанское, а уж закуски гости накладывали себе сами. В общем, судя по довольным лицам, пикник удался...

— Зоя Николаевна! — снова окликнул ее знакомый голос.

Она обернулась и увидела графа. Азаров быстро приближался к ней, взволнованный и весь какой-то странный.

— Зоя Николаевна, Серж Варламов скончался...

В рождественскую ночь 1905-го года Варвара не ходила в храм, не молилась на службе и свечи не ставила — ей это запрещалось. А потому праздновала девушка Рождество Христово дома одна. Она долго стояла на коленях перед иконой Божией Матери, что-то все шептала и плакала. А потом так и легла на пол...

Варвара жила словно в тумане, ничего не чувствовала, не ощущала. Уже два года ее навещал купец Баранов. Этот жестокий мерзавец не только избивал девушку в пьяном угаре, но и унижал морально. А в последнее время, видимо, пресытившись ею, начал подсылать к ней своих компаньонов и друзей. И потянулись к дому сироты бесконечные толпы женатых мужчин, богатых и совершенно жалких, молодых и старых. Все пользовались ею безнаказанно, не испытывая ни стыда, ни страха. Баранов девушкой расплачивался за сделки с купцами, одалживал чиновникам, чтобы им понравиться, или просто дарил именинникам в подарок. В общем, выгоду от содержанки имел немалую. Конечно, он ее одевал и деньги подбрасывал, но она-то знала, что деньги эти плохо пахнут. И выход у нее был только один, но она на него пока не решалась...

Марфа продолжала приходить к ней, помогала по хозяйству, и Варя в знак благодарности даже справила ей очки и новое платье. Теперь Марфуша щеголяла не только прозревшая, но и нарядная.

Время шло, и ничего не менялось. Но однажды все вдруг встало с ног на голову — в городе начались беспорядки. Рабочие заводов и фабрик уже ежедневно устраивали забастовки и стачки, из всех щелей вылезали вооруженные провокаторы, и покатила по округе волна погромов такого масштаба, что власти с ней уже не могли справиться. Жандармы рыскали в поисках бандитов и социал-демократов. На улицах то и дело стреляли, а потому ночью выходить стало опасно. Из-за этого или по какой-то другой причине, но посетители Варю на время оставили. Она уже не верила своему счастью, как вдруг в дом к ней ворвался незнакомый парень в картузе, сапогах, в полосатых брюках и красной рубахе. Он навел на испуганную хозяйку наган и, бледнея и задыхаясь, прошептал:

— Облава. Спрячь меня ...

— Хорошо, — кивнула Варвара. — Наверх поднимайся...

И незнакомец кинулся на второй этаж...

Так и поселился у нее в доме Макар Савельев, рабочий горного завода и член какой-то неизвестной ей партии. Сам парень называл себя эсером и очень гордился этим обстоятельством. Внешне щуплый, рыжеволосый, кареглазый, он казался Варе несколько странным. Прямолинейный, эмоциональный, к женщинам новый знакомый относился прохладно. Например, красавицу Варю будто бы не замечал, скорее, видел в ней своего друга, который спас его не только от ареста, но и от неминуемой каторги.

По ночам он прятался на чердаке, а утром огородами снова уходил куда-то. А когда возвращался, рассказывал о забастовке, о лозунгах и ультиматумах, о революции, которая вот-вот случится, о том, что власть

совсем распоясалась, лишая людей последних заработков, и что он, Макар, вместе с боевыми братьями, сделает все, чтобы ее наказать...

Вот только Варя не верила пустым словам, однако спорить с парнем не решалась, тем более что бесполезно было его переубеждать.

А однажды ночью Макар явился к ней совершенно подавленный. К груди он прижимал какой-то саквояж и то и дело кашлял. А как переступил порог, в последний раз вздохнул и упал...

Глава 5

— Ну, голубушка вы моя, это расточительность, знаете ли, — крикнул мануфактурщик Курахин, сидя в коляске рядом с Зоей Николаевной.

Они возвращались с завода госпожи Бакер, и Илья Емельянович, то и дело поглаживая свой огромный живот, всю дорогу возмущался.

— Да если мы с вами станем на каждого рабочего тратить, это ж никаких средств не хватит...

— Ну, полноте, ваше сиятельство, — улыбнулась Зоя Николаевна, — вы просто не понимаете, до какой степени неправы. Это наши работники приносят нам капиталы, а потому должны получать хорошее жалованье, жить в красивых домах, лечиться, учить детей. Не так ли?

— Нет, не так! — не соглашался собеседник. — Они, любезная Зоя Николаевна, тогда нам с вами на шею сядут! Сегодня им добавишь рубль, а завтра они затребуют пять...

— А вы и добавьте...

— Нет! — отрезал Курахин. — Это вы у себя там людишек балуйте, а у меня они будут получать как раньше...

— Значит, смуту желаете?

— На каждого смутьяна, милая вы моя, найдется нагайка! — Мануфактурщик немного помолчал, сморщился, как будто кислых щей нахлебался, и продолжил: — Да и вообще, не бабское это дело заводом управлять. Уж вы, голубушка, на меня не серчайте...

— Эх, Илья Емельянович, Илья Емельянович...

В общем, на том и расстались.

Но это было вчера. А сейчас Зое Николаевне предстояла другая встреча, более важная...

В храме на отпевании Сергея Варламова собрались не только близкие и друзья, но и все, кто хотя бы отдаленно знал покойника. От количества черных шляпок, вуалей, костюмов и платьев темнело в глазах. Гроб стоял у алтаря, и батюшка с кадилом в руках расхаживал вокруг него. Пели певчие, голосили плакальщицы, но больше всех убивалась княгиня Варламо-

ва. Она буквально падала на грудь сына. Ее от покойника отрывали и уводили подальше.

Зоя Николаевна стояла со свечой в руках рядом с полковником Азаровым. Он тоже крестился и изредка кланялся, а молодая дама украдкой за ним наблюдала. Граф был красив до умопомрачения, к тому же умен, сдержан, скромн, ласков. Ну чем ей не пара?

— Вы не устали? — вдруг наклонился к ней Азаров и взял за талию.

— Немного, — ответила Зоя Николаевна. — Я, пожалуй, на кладбище не поеду, дела не позволяют. Но вечером жду вас у себя...

— Конечно, дорогая...

Багровый закат медленно растворился в ночи, не оставив о солнечном дне даже воспоминаний. Темный город словно бы замер. В домах начали зажигаться огни, где-то хлопали двери, лаяли собаки. А Варвара сидела в кресле, ничего вокруг себя не замечая.

Только что она проводила Марфу, дала ей денег и даже попрощалась.

— Уж не удумала ли ты чего, матушка? — испугалась старая женщина. — Что-то личико мне твое не нравится...

— Ничего, Марфуша, ничего, — улыбнулась Варя. — Просто немного устала...

— Ну, гляди, а то, можа, я седня с тобой останусь?

— Нет, ступай, — покачала головой Варвара, поцеловала кухарку, и та с тяжелым сердцем отправилась домой.

А Варя начала собираться. Уложила в саквояж несколько платьев, надела шляпку и села в кресло, чтобы обдумать все окончательно.

После появления в доме странного парня жизнь девушки изменилась кардинально. Макар умер у нее на руках, и что делать с этим, она не знала. Если жандармы найдут его здесь, Варю как соучастницу отправят на каторгу. А потому медлить было нельзя. Она быстро обыскала карманы бедолаги, открыла саквояж и обмерла: там лежали пачки денег и сургучные печати. Видимо, Макар кого-то ограбил, или же это все-таки были его собственные капиталы. Но на этот вопрос ей мог ответить только он сам, а поскольку он не дышал, нужно было и от него, и от денег избавляться. Варвара убрала сумку с банкнотами в шкаф, а парня за ноги потащила из дома подальше. Во дворе у нее имелся погреб с соленьями и овощами, и девушка, скинув мертвое тело прямо в яму, закрыла крышку, навесила замок и вернулась обратно в дом.

Это случилось три дня назад, а теперь ей предстояло самое главное. Но не успела Варя встать с кресла, как вдруг в ворота постучали, и она услышала голос Баранова. Сердце несчастной сжалось, она начала метаться

по комнате, но не впустить мерзавца было нельзя — все равно ворвется, и только хуже станет. Поэтому Варвара пошла открывать.

— Куда собралась? — уставился на нее пьяный Евграф Евграфович, как только оказался в доме и разглядел на Варе шляпку.

— Никуда, — ответила Варвара. — Я Марфу провожала...

— А то смотри у меня. Сбежать удумаешь, найду и мокрого места от тебя не оставлю! Поняла?!

— Поняла, — дрожащим голосом ответила Варя.

— То-то, — довольно произнес купец, вынул из-за пазухи бутылку водки и присосался к ней. Потом бросил пустую бутылку на пол и, еле ворочая языком, снова начал: — А то и без тебя забот хватает. Людишки, вон, совсем распоясались, бунтуют, собаки. Ну, ниче, щас казачки их быстро перевоспитают...

Он развалился на кровати и моментально захрапел...

Варя долго смотрела на своего мучителя, а потом, решив вдруг, что больше эти издевательства терпеть невозможно, принесла из соседней комнаты наган, положила подушку на голову спящего и выстрелила два раза. Тело Баранова обмякло, но Варя даже не испугалась, она давно уже не испытывала страха. Впрочем, как и жалости, и раскаяния. Зато теперь она была свободна и отомщена...

Девушка быстро накинула на плечи плащ, взяла саквояж с деньгами, облила керосином шторы, стены, шкаф и, уже стоя в дверях, бросила на пол зажженную керосиновую лампу. Огонь тут же начал распространяться по всей комнате. Она еще какое-то время постояла на пороге, мысленно прощаясь с домом, в котором родилась, потом перекрестилась, развернулась и ушла отсюда навсегда...

Глава 6

Зоя Николаевна сидела перед зеркалом в пеньюаре и разглядывала свое отражение. На женщину смотрела красивая молодая дама с безумно уставшими глазами. Сколько же в них было боли и разочарования!

Когда-то казалось, что жизнь ее оборвалась, даже не начавшись, а сейчас она словно бы родилась заново. Теперь у нее было все: и любовь, о которой она так долго мечтала, и огромное состояние. Но все это ничто по сравнению с тем, чего она так долго желала — возмездия за бесчестие и поругание. И сегодня женщина собиралась покончить с прошлым раз и навсегда...

Сзади заскрипела кровать, и Зоя Николаевна резко обернулась. На перине спал ее избранник. Лев Платонович во сне не только разговаривал,

но и похрапывал. Она улыбнулась, тихо встала и отправилась в свою гардеробную собираться. Ей давно уже нужно было бежать...

К дому княгини Варламовой она приехала в тот момент, когда уже выносили мебель. Грузчики, толкаясь в дверях, о чем-то спорили, ругались. На лужайке перед входом уже стояли софа, комод, шкаф, стулья и белоснежный рояль. И Зоя Николаевна, обойдя его, зашла в особняк.

Огромный холл со встроенными зеркалами оставлял впечатление пафосное, справа располагалась столовая, слева — зал, а прямо — лестница, ведущая на второй этаж. То и дело осматриваясь, Зоя Николаевна поднялась по ней, прошла немного вперед и остановилась перед кабинетом. Там приставы, разложив на столе бумаги, описывали имущество господжи Варламовой. Теперь все — и мебель, и счета, и особняк переходило в собственность банка, а, следовательно, Зое Николаевне. Она посмотрела по сторонам и, не увидев хозяйку, отправилась искать ее.

В следующей комнате было довольно мрачно, в углу на лавке стоял гроб, в котором лежал мужчина во фраке. В руках у него догорала церковная свеча. И Бакер покойника сразу узнала. Это был брат Варламовой, Орест Павлович. Значит, вдова и его потеряла. Зоя Николаевна вздохнула и пошла дальше. Варламову она нашла в следующем зале. Хозяйка дома вся в черных одеяниях неподвижно сидела на диване, а рядом с ней уютилась в кресле сморщенная бабка. Она по книге читала псалмы, крестилась, а, заметив незнакомку, тут же замолчала.

— Прошу, оставьте нас, — обратилась к ней Бакер.

— Как скажете, — ответила старуха, поднялась и вышла из комнаты.

Зоя Николаевна села в освободившееся кресло.

— Что вам еще от нас надо?! — вдруг зло взглянула на незваную гостью Вера Павловна. — Вы, кажется, и так у моей семьи забрали все...

— Забрала, — очаровательно улыбнулась княгиня. — И по праву. А еще раньше разорила вашего брата. Это я наняла людей, чтобы они вагоны с сукном ограбили. И благодаря мне ваш сын проигрался — лучших шулеров к нему отправила. А вы, наверное, полагали, что это рок, проведение, не так ли?

— Ах, ты, подлая тварь! — зашипела Варламова и хотела подняться, но не смогла, грузное тело ее удержало...

— Ну, перестаньте, дорогая, — продолжала Зоя Николаевна. — Не пристало вам, княгине, так себя вести. Неужели вас манерам не обучали?

Тут Вера Павловна не выдержала и, утирая кружевным платком глаза, начала рыдать.

— За что? За что вы так ненавидите нас?!

Зоя Николаевна взглянула на Варламову, немного помолчала и снова заговорила:

— А помните свою родную сестру Катю? Ах, да, вы же давно вычеркнули ее из памяти. А может быть, припомните несчастную племянницу, которая когда-то писала вам. Она просила о помощи, умоляла проявить участие. И так надеялась, так ждала, что приедут к ней добрые тетушка и дядя и спасут от позора и поругания. Если бы вы только знали, через что эта девочка тогда прошла. Но вас ее судьба совершенно не волновала. Вы боялись за свои капиталы...

Вера Павловна вдруг перестала рыдать и внимательно посмотрела на нее:

— Но девушку, кажется, звали как-то иначе...

— Ах, вы все же припоминаете. Да, вы правы, ее звали Варвара. И это я. В Англии, знаете ли, легко было поменять имя... Да, собственно, это уже и не важно, потому что прокляла вас Варвара, а отомстила за нее Бакер Зоя Николаевна.

Она встала, кинула удовлетворенный взгляд на заплаканное лицо Варламовой и пренебрежительно бросила:

— Ну, что же дорогая тетушка, прощайте! И непременно освободите мой дом до завтра. Семейное гнездо, знаете ли...

Эпилог

Лето 1914-го закончилось проливными дождями. Наступила осень, ненастье. А она стояла на перроне в длинном шелковом платье, со всех сторон обдуваемая ветрами. Сегодня она провожала мужа на фронт и, конечно же, горько плакала.

— Ты береги себя, Левушка, ради меня, ради любви нашей...

— Непременно, дорогая, — обнимал супругу Азаров. — Я вернусь, обещаю...

Но она-то знала, что такие, как он, не возвращаются. И от осознания этого ей становилось страшно...

Он в последний раз взглянул на нее, прыгнул на подножку состава, и паровоз тронулся с места. А она все бежала и бежала за ним, пока не исчез из поля зрения последний вагон...

Княгиня будет помнить его до конца своих дней. И в 1917-м, когда после революции все потеряет, и много позже, в эмиграции, когда будет смотреть на сына Александра. Ведь он так похож на отца, который подарил ей долгожданное счастье... □

Светлана Марлинская

Советская принцесса

Она известна, прежде всего, как дочь И. В. Сталина, о жизни которого оставила ряд работ в жанре мемуаров.

Официальная биография умалчивает о крайне неудачной личной жизни «советской принцессы», о не сложившихся отношениях с тремя детьми и о резко негативном отношении к деятельности ее знаменитого отца.

Жизнь Светланы Иосифовны удивительна, длинна и одинока. Она родилась дочерью величайшего диктатора двадцатого века и должна была не посрамить имя отца. Но Светлана решила иначе: любимый отец простит ее, но она не может и не хочет жить без любви. И она, с гордо поднятой головой и надменно поджав губы, шла туда, где, по ее мнению, жила любовь. И никаких преград для нее не существовало! Женат? Так пусть разведется! Не любит — полюбит!

Помеха дети? Не пропадут! Помогут же дочери самого товарища Сталина воспитать их. Вся жизнь в страстях, метаниях, слезах, радости. Удивительно сильная женщина! Она не признавала авторитетов, кроме... своего отца. Она была Светланой. Любимой дочерью Сталина. О ней написано множество статей, книг, сняты документальные и художественные фильмы. Так какая была дочь отца народов? Чем жила? Кого любила? Кого помнила всю свою жизнь?..

Светлана родилась в 1926 году в Ленинграде. Девочке было 6 лет, когда она и ее брат Василий лишились матери. Надежда Аллилуева ушла

из жизни скоропостижно: основной неофициальной версией ее смерти является самоубийство. Однако Светочке об этом не говорили, она

много лет думала, что мама умерла от перитонита.

Воспитанием Васи и Светы занималась няня Александра Андреевна. Сталин в силу большой занятости государственными делами не мог много времени проводить с любимой дочкой, но осыпал ее подарками. Еще Светлана могла запросто командовать и требовать у папы и его подчиненных все, что ей хотелось. Но зато до поступления в институт не могла одеваться так, как одевались ее сверстницы. Отец категорически требовал, чтобы колени были надежно прикрыты слишком длинным подолом, никаких рюшечек и бантиков не допускалось. Так что первые слезы Светланы были слезами досады и злости на отца.

С молодых ногтей все ее баловали, угождали, восхищались. А отец ей часто говорил:

— Ты тут хозяйка! Ты хозяйка Кремля!

Светлана, можно сказать, жила в раю. Когда она была совсем малышкой, то отец затеял с ней игру: он заставлял членов ЦК выполнять любые ее пожелания. Например, она могла заставить государственных мужей отложить совещание и отправиться в кинотеатр...

Подобных приказов было множество, Светлана раздавала их с удовольствием. А для государственных чиновников такое поведение сопливой девочки было очень и очень унижительным. Но что они могли поделать? Это же дочь самого «Хозяина».

Сталин просто обожал свою дочь. А после смерти супруги Надежды Аллилуевой эта любовь стала маниакальной: он требовал следить за дочерью, не разрешал носить яркие платья, пользоваться косметикой. Он требовал полного подчинения ему! Это называлось — любовью к дочери. И она выполняла все, что требовал отец. Светлана боготворила его, восхищалась им.

Училась девочка хорошо: золотая медаль в школе, красный диплом МГУ. Сначала она поступила на филологический факультет, но потом перевелась на исторический, окончив университет в 1949 году. После этого была аспирантура в Академии общественных наук при ЦК КПСС, затем защита кандидатской в 1954 году. Светлана трудилась переводчицей с английского языка и литературным редактором. В ее творческом

багаже перевод нескольких книг, в том числе произведений философа-марксиста Джона Льюиса.

В подростковом возрасте Светлана, считавшая себя «принцессой», влюблялась во многих мальчиков, но они не отвечали взаимностью, что очень ее обижало. Как потом оказалось, все они просто боялись с ней связываться.

В воспоминаниях Светланы Аллилуевой о своем детстве было упоминание о том, что ей очень нравился сын Лаврентия Бери. Света с отцом часто бывала в их доме. Дети дружили, среди родителей шли разговоры о будущей помолвке наследников. Но в один прекрасный день Сталин перестал посещать эту семью, а Светлане запретил и думать о Серго Бери.

Аллилуева ходила в элитную школу, отдыхала на закрытых дачах, каталась на катерах последних мо-

делей, и ей разрешалось посещать новогодние вечеринки в университете. Конечно, все понимали, кто она такая.

Затем начались любовные истории и ранние браки.

Учась в старших классах школы, на одном из приемов в Кремле девушка познакомилась с Александром Капплером. Известный писатель был старше Светы на 23 года. Они много общались, правда, это были красивые, чисто платонические отношения. Тем не менее, Капплера через несколько месяцев арестовали и осудили за антисоветскую пропаганду. А точнее, за то, что он показал Светлане английский журнал со статьей об истинной причине смерти Надежды Аллилуевой.

Писатель сидел пять лет, а когда вернулся, то снова попал под арест, так как не имел права приезжать в Москву. В общей сложности Кап-

*С первым
мужем
Григорием
Морозовым*

Со вторым мужем Юрием Ждановым

плер провел в лагерях 12 лет. Дорого ему стоил невинный флирт с «советской принцессой».

У Василия, брата Светланы, был друг и одноклассник Григорий Морозов. Влюбчивая Светочка «положила на него глаз», и уже в 1944 году молодые расписались. А через год родился ребенок. Мальчика назвали в честь деда Иосифом. Однако дед не оценил этого, и заставил Свету развестись с отцом ребенка.

Брат Василий просто приехал к ним домой, забрал паспорта, а через пару часов вернул совершенно новые, чистые паспорта без штампов. Почему развелись? Григорий оказался с еврейской кровью, чего и не скрывал, а Сталин в 1947-м «боролся против безродного космополитизма».

Жить долго без мужчины Света не стала. В 1949 году, с одобрения отца, вышла замуж за сына главного идеолога СССР А.А. Жданова. Новый муж усыновил Иосифа, но мальчик остался Аллилуевым. В браке родилась дочь, названная Екатериной. С самого начала у Светы не сложились отношения с родителями мужа. Дом Ждановых Аллилуева называла «мрачным», а жизнь с Юрием — беспросветной. Вскоре отношения развалились.

В 1953 году умер Иосиф Виссарионович. Как говорили очевидцы, на похоронах убивалась только последняя любовь вождя, Валентина Истомина, а любимая дочь не проронила ни слезинки. Обычно принято целовать покойников в лоб, но Светлана не смогла подойти к гробу. Как потом она признавалась в интервью, в тот момент она испытывала боль утраты, но и одновременно было некое облегчение.

Когда Аллилуева прочитала доклад Хрущева о культе личности, то заявила:

— Все, что написано здесь, — правда!

И дочери Сталина открылся доступ в высшие круги власти, где она смогла познакомиться с влиятельными людьми. Через общих знакомых Светлана стала общаться с семьей репрессированного Алексея Сванидзе, брата Като, первой жены Сталина.

А в 1957-м Аллилуева снова вышла замуж. За сына Алексея, Джона Рида (Ивана) Сванидзе. Детей в этом браке не получилось, но дочь во-

жды получила хорошенькую встряску и снова развелась, после чего ей пришлось полечиться в кремлевской клинике.

Во время лечения Светлана познакомилась с пожилым индийцем Брэджем Сингхом. Он отдал все свое богатство, чтобы посвятить себя идеям коммунизма. И... очутился в СССР, в психушке. Но, несмотря на возраст, Сингх был еще ого-го: историки отмечают, что Аллилуева была тогда счастлива по-настоящему.

Власти запретили Аллилуевой выходить замуж за индийца. Но в 1966 году он умер, и Светлана добилась разрешения сопровождать прах Сингха в Индию с условием пробы там семь дней.

В Дели ей предписали жить в советском посольстве. После того как семья Сингха развеет его прах над Гангом, Светлана должна была вернуться в Москву.

Прослеживается удивительная цепочка нарушений, совершенно непростительных, с точки зрения советской власти. Сопровождающая не особо следила за Аллилуевой. Из посольства дочь Сталина уехала в деревню к родственникам мужа. И неделя превратилась в месяц, после чего ей разрешили еще продлить пребывание в Индии. Неизвестно, что Светлана делала в этот период и с кем встречалась. Но к ее приходу в посольство американцы явно были готовы. Трудно поверить, что «человека с улицы» сходу сажают в транзитный самолет в Дели и тайно вывозят из страны в Рим, а оттуда в Швейцарию.

Брэджем Сингх

Эти события уложились в период с 6 по 8 марта. Тогда же в Индии находился с визитом начальник Генштаба Вооруженных сил СССР Матвей Захаров, и советское посольство было занято приемом маршала. Кроме того, в 1967 году в Советском Союзе впервые широко праздновали Международный женский день. Все занимались организацией торжественного концерта и банкета, поэтому о Светлане на какое-то время забыли. А самый главный прокол допустил посол Иван Бенедиктов, прожженный человек, попавший в высшую советскую власть еще в 1937-м. Он размяк перед дочерью Сталина. Может, увидел у нее черты отца... В общем, Бенедиктов выдал Светлане ее загранпаспорт. Это было строжайшее нарушение инструкции! Когда советские туристы выезжали в капиталистическую страну, их паспорта находились у руководителя группы. Каждому выдавали документ на руки только в

С Уильямом Питерсом

аэропорту места прибытия. Так вот, Светлана получила свой советский загранпаспорт за три дня до планируемого вылета в Москву. И в паспорте была записана не вымышленная фамилия, как полагалось, а настоящая, с реальной датой рождения. Американцы проверили данные по своим базам, и все совпало.

Явившись в посольство США, Аллилуева попросила политубежище.

Для родных Светланы это не стало неожиданностью: время от времени она намекала на то, что жизнь в СССР становится для нее невыносимой. Над молодой женщиной все время витала мрачная тень отца и то, что она фактически отреклась от него, дела не меняло.

26 апреля 1967 года Светлана дала пресс-конференцию в США. Уже тогда американцы поняли, что Аллилуева не станет плясать под их дудку и озвучивать заготовленные тексты. Она назвала себя религиозным человеком, лишенным в СССР свободы вероисповедания. Свой побег Светлана представила следствием несогласия с действующей властью. И особо подчеркнула, что ответственность за репрессии несет все коллективное руководство партии, а не только ее отец. Она дала понять, что Сталина незаслуженно обвинили во всех престу-

плениях как единственного виновника.

Светлана снова бросила двух детей, правда, они к этому времени были уже взрослыми: 22 и 17 лет. В Америке она нашла нового мужа — бизнесмена Уильяма Питерса. Тогда-то Аллилуева взяла фамилию мужа, став Ланой Питерс. В этом браке 45-летняя беженка из СССР родила дочь Ольгу (Крис Эванс).

Спустя два года семья распалась. Последовал шумный развод, за которым с вниманием наблюдала американская пресса. Аллилуева решила сохранить за собой новые имя и фамилию и продолжала называться Ланой Питерс.

В эмиграции Светлана особо ни с кем не дружила. Кстати, еще были живы эмигранты первой волны, тот же Александр Керенский. Светлану, конечно, не принимали и не воспринимали. Оказавшись между двух огней, она, в итоге, попала в полурелигиозную секту. Начались хождения по разным религиям: то она православная, то интересуется буддизмом, то принимает католичество. В общем, явный сумбур — как с мужчинами, так и с религией.

Из-под пера Светланы во время жизни в США вышла книга «Двадцать писем другу», где она собрала все свои воспоминания об отце. Книга стала бестселлером и принесла дочери Сталина 1,5 млн долларов. На все эти деньги Питерсы стали строить огромное ранчо, которое буквально разорило Уильяма.

В 1984 году Аллилуева приехала в СССР. На пресс-конференции, где находились только самые избранные (так как никто не знал, как поведет себя неугомонная и немного экзальтированная дочь вождя), Светлана заявила, что ее обмануло... ЦРУ! И она счастлива вернуться на родину! (Хотя в 1966-м она же кричала в аэропорту Кеннеди, что рвалась в Америку всю жизнь и просто счастлива ступить на американскую землю).

Но ее дети не радовались. Сын Иосиф холодно принял мать со сводной сестрой. А Екатерина жила на Камчатке, исследуя вулканы, и даже не

узнала, что вернулась та, кто была ей матерью. Аллилуевой дали квартиру в Тбилиси, восстановили советское гражданство, стали платить пенсию.

В 1986 году Светлана Иосифовна торжественно при всем народе отметила свое 60-тилетие, а через два месяца снова написала заявление на имя М.С. Горбачева с просьбой разрешить уехать в США. Жить в СССР ей не нравилось. Известно, что Аллилуева-Питерс с дочерью поселились в штате Висконсин, первое время имя Светланы часто появлялось в прессе, появилось несколько книг-воспоминаний. Но постепенно интерес людей к этой эпатажной женщине угас.

Последние годы своей нестабильной жизни Светлана Аллилуева провела в доме престарелых города Ричланд штата Висконсин. Умерла она в 2011 году, тело ее кремировали, а где похоронили прах, осталось неизвестным... □

Олег Погудин

«2023 год
стал для нас
годом Театра.
Нашего Театра —
Театра Романса
Олега Погудина —
ТРОП»

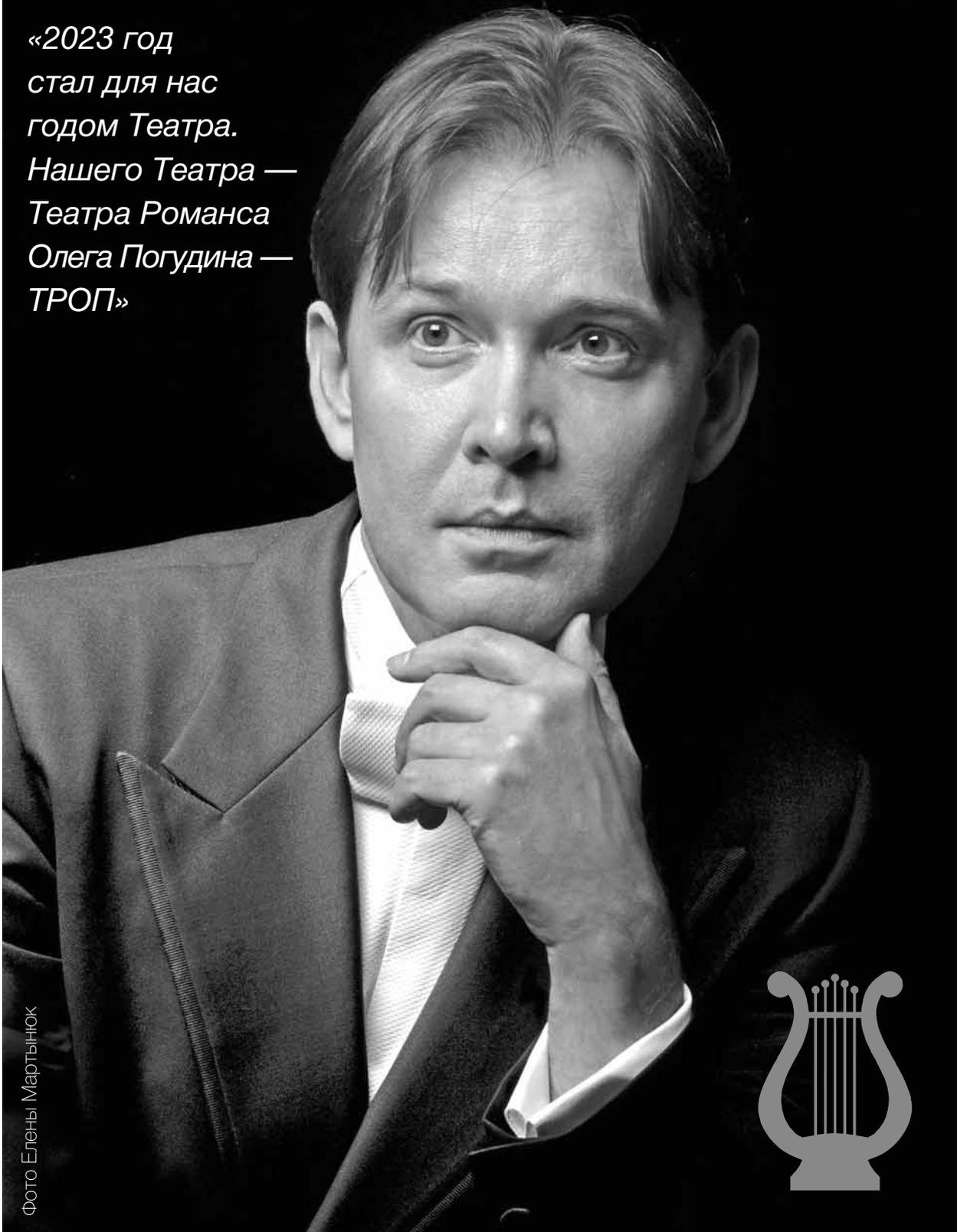

ФОТО ЕЛЕНА МАРТЫНЮК

«Я выхожу на сцену как поэт», — говорит о себе народный артист России Олег Погудин. Весной состоится премьера его диптиха «Серебряный век» — «Ар-деко», в котором наряду с песнями, романсами и танго этих двух ярчайших периодов отечественной культуры прозвучат стихи Ахматовой, Блока, Гумилева, Мандельштама и Цветаевой.

Мы не упустили случая подробнее расспросить Олега Евгеньевича о тайнах грядущих спектаклей, коснулись вопроса жанровых определений, а также сложностей создания современного мультиформатного спектакля. Наш разговор получился непростым, но интересным. Мы обсудили вопросы меняющихся со временем интерпретации художественных произведений, вспомнили о любимых художниках артиста, поговорили о ведении соцсетей и о том, почему арт-критику необходимо ходить в театр.

Фото из личного архива

— Олег Евгеньевич, как удастся работать с вашим камерным, по сути, спектаклем-концертом на такую большую аудиторию, как БКЗ «Октябрьский» в Санкт-Петербурге? Сохранять атмосферу и в то же время давать посыл каждому зрителю?

— Вы какой спектакль-концерт имеете в виду? «Трагический тенор эпохи», «Серебряный век», «Золотой век», «Ар-деко»? Мы с ними не только в БКЗ работали, но и в ГКД, который в полтора раза больше.

Я начну с того, что довольно трудно назвать «камерным по сути» спектакль, который изначально делался для большой сцены.

Во-первых, все эти, как говорят теоретики, сложные мультиформы специально делались не просто для большой, а даже для огромной сцены. И уже на стадии репетиций я думал об их атмосфере, о том силовом поле

спектакля, которое там возникнет, и очень рад, что это удалось.

Во-вторых, все эти концерты-спектакли не камерные по заявленным темам и базовым концептам. Любовь, разлука, тоска по родине, путь, надежда...

Да, там в музыкальном материале много романсов, но романс не только камерный, но удивительно гибкий жанр, он не агрессивен по своей сути, то есть допускает соседство с разными жанрами в одной программе, глубоко включен в культурный контекст, поэтому дает огромные возможности для работы.

Вообще 2023-й год стал для нас годом театра. Нашего театра — Театра Романса Олега Погудина — ТРОП.

25 февраля и 9 марта мы сыграли в двух столицах, в многотысячных залах премьеру «Ар-деко», за ней последовала «усадебная трилогия»: «Золотой век. Пушкин», «Золотой

век. Тургенев» и «Золотой век. Лермонтов». В мае наш «Ар-деко» с огромным успехом прошел на сцене обожаемого нами театра Мастерская Петра Фоменко.

14 и 15 марта 2024 года мы играем на сцене БКЗ наш диптих: «Серебряный век» — «Ар-деко».

Это что касается больших площадок.

Теперь о камерных спектаклях.

Нашей «Мелодии рассвета» уже три года. А 30 октября в Театре Елены Камбуровой состоялась премьера спектакля «Лермонтов. Я к вам пишу».

Огромной радостью для всех участников спектакля стал его абсолютный успех у зрителей — на первые три спектакля все билеты разошлись чуть не за месяц до представления — и, одновременно с этим, прекрасные отзывы в СМИ. Такое совпадение случается нечасто, но в этот раз оно случилось.

— Каким бы жанром вы сами определили ваши представления?

— Мы с коллегами работаем в разных жанрах. Это и классический филармонический концерт, и концерт-спектакль, и собственно спектакль, такой как «Лермонтов. Я к вам пишу».

У меня и моего музыкального коллектива в репертуаре целый список концертных программ: «Русский романс», «Элегия», «Любовь останется», «Любовь и разлука», «Молитва», «Вертинский»...

На сцене Театра Елены Камбуровой в Москве мы играем два репертуарных спектакля: «Мелодия рассвета» и «Лермонтов. Я к вам пишу».

В Петербурге в театре «Приют комедианта» наша «Мелодия рассвета» тоже в репертуаре, надеюсь, что мы сможем играть на этой сцене и «Лермонтова».

Эти спектакли очень разные. «Мелодия рассвета» — двуязычный спектакль, посвященный греческой песне-рембетика. При этом поэтические переводы песен на русский язык я сделал сам. Честно говоря, я не думал, что такой довольно сложный спектакль настолько полюбит публике. Но ему уже три года, и он идет с неизменными аншлагами.

Ну а спектакль «Лермонтов. Я к вам пишу» — это музыкально драматическая история по стихам и прозе М. Лермонтова, А. Пушкина, А. Смирновой-Россет, Е. Ростопчиной, И. Мятлева, с отрывками из писем М. Лермонтова, Е. Ростопчиной и императора Николая I на музыку М. Глинки, А. Даргомыжского, М. Балакирева, Дж. Мартини, А. Варламова, А. Гурилева, А. Рубинштейна, Е. Шашиной, С. Донаурова, К. Пауфлера, А. Спиро, В. Абазы, А. Шишкина, А. Хачатуряна.

Уже по списку композиторов можно предположить, что там звучат романсы на стихи Лермонтова. В этом спектакле 19 романсов: от второго романса Демона до «Выхожу один я на дорогу».

Вместе со мной в этом спектакле играют две моих бывших студентки:

актриса МХАТа имени Горького Елена Коробейникова и актриса Театра на Таганке Юлия Стожарова, а также молодой актер Театра Елены Камбуровой — Данил Можаяев.

Но мы работаем и в жанре, придуманном Станиславским и Таировым. Это — спектакль-концерт.

Как я уже говорил, 14 и 15 марта мы играем в БКЗ «Октябрьский» в Санкт-Петербурге диптих из двух спектаклей-конcertов: «Серебряный век» — «Ар-деко».

Концерт-спектакль — это жанр, который предполагает прямой синтез академического и эстрадного пения, балета, народного танца, классической драмы (в нашем случае блоковского «Балаганчика», Чехова и Булгакова), россыпей прекрасной поэзии, как в стихах, так и в великолепных романсах.

Но если продолжать разговор о жанрах, скажу, что проблема жанра для ученых-гуманитариев одна из самых сложных. Например, «Вишневый сад» Чехова — сам автор назвал лирической комедией, Немирович назвал драмой, а Чехов обиделся. Так что мне кажется, не стоит особенно фиксироваться на теории, она суха везде, а руководствоваться словами Глюка: «Простота, правда и естественность — вот три великих принципа прекрасного во всех произведениях искусства».

— Существует стереотип, что романсы — это произведения для дам преклонного возраста. Олег Евгеньевич, разрушите, пожалуйста, этот миф — ведь большинство романсов написано молодыми людьми...

— Вы уже замечательно ответили на этот вопрос. Действительно, большинство романсов написано очень молодыми людьми.

Глинка написал свой второй романс (и первый, ставший известным) в 21 год. Автору слов, Евгению Баратынскому было 25. Борис Прозоровский написал свой первый романс в 20 лет.

Кстати, если мы обратимся к драматургии или кино, то там герой с гитарой — человек молодой, страстный, влюбленный.

Но! Мне понравилось, как недавно написал о вашем покорном слуге журнал «Москва»: «Любой филармонический исполнитель «обречен» на взрослую аудиторию просто онтологически — по природе зала и репертуара». Это действительно так. В филармонический концертный зал или в театр на вечерние спектакли во всем мире приходит взрослый зритель. Это реальность.

— Вы учились в ГИТИСе по нескольким программам повышения квалификации, в частности, как режиссер музыкального театра и театральный критик. Что нового вы почерпнули для себя?

Начну с того, что я очень много обновил в памяти. Очень много получил именно в плане ремесла. Кроме того, это прекрасная возможность систематизировать свои знания. А еще там замечательная атмосфера на занятиях.

— В своих спектаклях вы выступаете и как режиссер, и как актер. А что для вас легче?

— Скажу, что трудно: быть режиссером и актером одновременно.

— Почитала ваш телеграм. Не просто любопытно и увлекательно, но еще и очень познавательно! Вы сами ведете социальные сети, или за вас это делают ваши помощники?

— Жизнь научила меня относиться к социальным сетям серьезно. Во время пандемии они оказались практически единственным каналом общения со зрителями. Я считаю, что это — огромный ресурс, который просто нельзя выпускать из-под своего контроля. Свои социальные сети я веду сам. Но было бы неправдой сказать, что делаю в соцсетях сам абсолютно все. Афиши, появляющиеся там обложки программ и буклетов, календари и тому подобное создает мой пресс-секретарь и помощник.

— Ваши любимые художники?

— Я люблю импрессионистов, люблю прерафаэлитов, а больше всего — Леонардо, Рафаэля и всю живопись чинквеченто. Не могу сказать, что очень люблю русский авангард, но он меня интересует, как художественное высказывание того периода, когда было создано большинство материала, с которым я работаю. Ну а если вернуться к вопросу о телеграм-канале, меня очень радуют наши афиши, стилизованные под

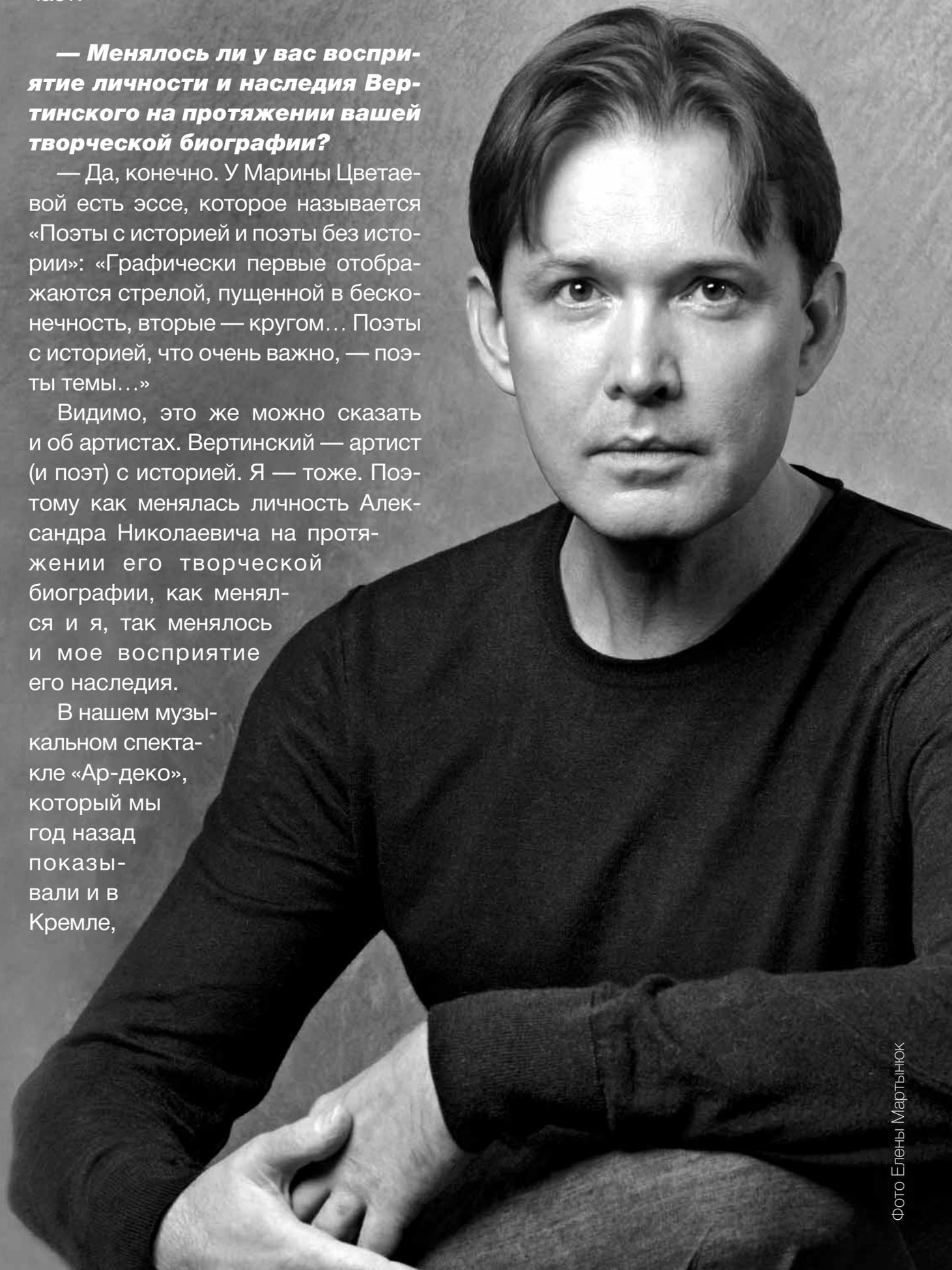
русский авангард и ар-деко. Казимир Северинович нас всегда выручает.

— Менялось ли у вас восприятие личности и наследия Вертинского на протяжении вашей творческой биографии?

— Да, конечно. У Марины Цветаевой есть эссе, которое называется «Поэты с историей и поэты без истории»: «Графически первые отображаются стрелой, пущенной в бесконечность, вторые — кругом... Поэты с историей, что очень важно, — поэты темы...»

Видимо, это же можно сказать и об артистах. Вертинский — артист (и поэт) с историей. Я — тоже. Поэтому как менялась личность Александра Николаевича на протяжении его творческой биографии, как менялся и я, так менялось и мое восприятие его наследия.

В нашем музыкальном спектакле «Ар-деко», который мы год назад показывали и в Кремле,

и в БКЗ «Октябрьский», Вертинский стал неким проводником по созданному нами миру, своеобразным Вергилием.

Помните, как у Ходасевича:

*Да. Меня не пантера прыжками
На парижский чердак загнала.
И Вергилия нет за плечами, —
Только есть одиночество в раме
Говорящего правду стекла.*

Вот нам очень хотелось, чтобы наши герои не были одиноки, и Александр Николаевич оказался для них и слушателем и голосом.

В диптихе, который мы показываем 14 и 15 марта, Вертинский появится в обеих частях. Хотя обе части этого диптиха самодостаточны, но там будут и сквозные герои. Один из них — Александр Николаевич. Не буду открывать всех тайн, скажу только, что среди его героев главные высказывания достанутся еще и Чехову, и Блоку, которые, как удалось убедиться в работах и исследованиях нескольких прошедших лет, во многом определили развитие и судьбу одного из самых прекрасных музыкальных жанров — русского романса!

Это что касается Серебряного века. Если же мы будем говорить об ар-деко — последнем большом стиле, то в посвященном ему спектакле зритель сможет встретиться с такими разными персонажами, как Вертинский, Лещенко, Морфесси, Плевацкая, Ахматова, Цветаева, Гумилев и Мандельштам. Мне кажется, что

соединение этих спектаклей в одно целое уже само по себе может привести к результатам, которые удивят и порадуют, а то и восхитят и нас, и зрителя.

Весной 1864 года, за 160 лет до нашей премьеры, Аполлон Григорьев писал: «Требуется, чтобы театр помирился с литературой». Похоже, мы из тех, кому удастся подтвердить, что это вполне возможно!

— Что для вас является главным в творчестве?

— Не шумиха, не успех — точно...

Один из самых любимых моих авторов — Булат Окуджава. Вот у него есть несколько очень точных определений творчества. Одно из самых известных, наверное, «дайте выкрикнуть слова, что давно лежат в копилке...»

В этом году Окуджаве исполняется 100 лет, сама дата переводит его в разряд классиков, и я уже думаю, как отметить этот юбилей, а пока процитирую, что он писал о творчестве: «Покуда мы живы, нам следует заниматься своим делом без суетного интереса к собственным успехам. Не нам, а Времени судить, кто есть кто. Нельзя подниматься по ступеням искусства, одновременно считая, сколько ступеней пройдено. Истинные художники поднимаются, не считая, ибо им дано понимать, что главное как раз и начинается, когда подъем завершен, то есть парение. А это уже область, не выражаемая словами».

— Олег Евгеньевич, как только вы выходите на сцену и произносите первые слова, сразу становится понятно, что вы родились в Санкт-Петербурге, настолько правильная и грамотная у вас речь. А сами вы сможете узнать по разговору пиетера — своего «коллегу по цеху» или артиста, окончившего ЛГИТМИК?

— Я прекрасно понимаю, что если на афише написано «концерт», то люди приходят слушать песни и романсы, а не разговоры, и это их интересует в первую очередь, поэтому стараюсь на концертах много не говорить. Ну а если творческий вечер, тогда можно поговорить и подольше.

Отвечая на вопрос о грамотности, скажу, что правильная и грамотная речь все же не формируется автоматически по месту проживания. Тут нужно и образование, и личные усилия, и определенная дисциплина.

Мастером моего курса и педагогом по сценической речи в ЛГИТ-Мике (теперь РГИСИ) был Александр Николаевич Куницын. Он в 1949 году окончил Ленинградский театральный институт, так что в этом плане школа петербургская. Но мой педагог по актерскому мастерству — Галина Андреевна Барышева — представитель мхатовской школы, ученица Василия Осиповича Топоркова, так что актер я по школе, скорее, московский. Наверное, поэтому и учиться в ГИТИСе мне не толь-

ко полезно и интересно, но и легко. Кроме того, все мои режиссерские пробы и дебюты, как на большой сцене, так и на камерной, состоялись в Москве. И я очень благодарен московской публике за искреннее и теплое к ним отношение. Вообще, когда искушенная столичная публика устраивает после премьеры 15-минутную стоячую овацию, это дорогого стоит.

Но и любовь не менее искушенного зрителя моего родного города — также источник постоянной радости и вдохновения.

— В ваших трактовках Вертинского где-то сильно сдвинут темп, некоторые песни звучат даже раза в два быстрее оригинала. Это ваша личная интерпретация? Как вообще приходит, по Станиславскому, к вам зерно роли, образа, песни? Ведь ваши выступления подчас интереснее и, я бы даже сказала, гениальнее, чем оригинал.

— Вы — серьезный журналист и отвечать я тоже буду серьезно. Чья это интерпретация? Конечно же, артиста, который существует на сцене, исходя из заветов Станиславского. И как раз зерно роли, образа, песни определяется по классическим законам нашей профессии.

Что до интерпретаций и создания образа, то, как и всякий серьезный художник, я абсолютно самостоятелен. Понимаю, что в эпоху «проектов» это звучит даже вызывающе.

Но я — не проект, за которым стоит продюсер, прокатчик, пиарщик и так далее. Я — создатель проектов. Например, наш ТРОП — Театр Романса Олега Погудина — это абсолютно независимый, но крепко стоящий на ногах театральный проект.

Так что интерпретации мои. И темп в них бывает сдвинут не только в сторону ускорения, но и замедления. Меняются акценты по динамике и фразировке. Однозначно то, что видит зритель — это произведения, исполненные в моей, кардинально отличной от Вертинского, манере, при глубочайшем уважении к первоисточнику. Кстати, разрешите напомнить, что именно так требовали работать с авторским материалом основоположники.

А что вообще есть оригинал в исполнительском искусстве? В литературе, в драме — понятно. Оригинальный текст пьесы, например. В опере — партитура. В живописи — картина.

А в исполнении? В любом исполнительском искусстве создатель произведения не один. Например, в жанре романса их три: композитор, поэт, исполнитель.

А на театре: автор пьесы, режиссер, актер.

Если мы говорим о Вертинском, то имеет смысл, наверное, пользоваться термином «авторское исполнение». Но и тут дело в том, что мы не видели авторского исполнения в полном объеме — видеозаписей выступлений Александра Николае-

вича нет. Я говорил об этом неоднократно: мне повезло, Галина Андреевна Барышева общалась в школе-студии МХАТ с Вертинским. Ей очень запомнились его руки. И именно ее показ стал ключом к созданию образа моего Вертинского.

При этом, хотя я говорю о том, что это абсолютно моя трактовка, меня не удивляют рецензии, которые называются «Тот самый Вертинский».

Видимо, есть какая-то правда не формы, не похожести, а правда жизни, правда сочувствия и сопереживания. И в этом смысле мое видение с видением Александра Николаевича совпадает и, если хотите, это точно найденное зерно и пьесы, и роли.

— Олег Евгеньевич, вы работали вместе с легендарным пианистом Игорем Владимировичем Урьяшем до его безвременной кончины в феврале 2014 года. Смерть Игоря Владимировича стала огромной потерей и для вас, и для культурной жизни Петербурга, и для отечественной фортепианной школы. Как познакомились с Олегом Вайнштейном — какие у вас критерии выбора концертмейстера?

— В этом году будет десять лет, как Игоря нет с нами. Игорь Урьяш стал легендой еще при жизни и остается ею и сейчас. Это был непревзойденный пианист с энциклопедической эрудицией. Я у него многому учился и научился. Его отличала на-

стоящая любовь к жанру романса, и при этом не только к жанру вообще, но и к персоналиям, к людям, его создававшим.

Что касается Олега Вайнштейна, то все серьезные артисты в Петербурге знакомы между собой. Тут ситуация немного обратная, Олег Геннадиевич, работая в камерном жанре, многому учится у меня. Но это невероятная удача, что мы встретились. Олег Вайнштейн не только блистательный сольный пианист, но и, по моему убеждению, лучший сейчас концертмейстер в нашем отечестве. А если говорить о критериях, то я всегда стараюсь работать с лучшими.

— Как проходит обычно репетиция в вашем театре?

— Главное — найти время и место для репетиции, так как у ТРОПа, к сожалению, нет собственной площадки, а все участники труппы — и актеры, и музыканты — артисты очень востребованные, а сами же репетиции проходят вдохновенно продуктивно и радостно.

— Олег Евгеньевич, а каким вы видите будущее романса и камерной вокальной лирики в целом?

— Мне неоднократно приходилось отвечать на этот вопрос, так что можно заняться самоцитированием: «Судя по тому, что, наконец, перестали настаивать, что романс и вообще камерная вокальная музыка устарели, а, наоборот, говорят о том, что ни в коем случае нельзя, чтобы из искусства уходила эмоция, что главное — не жанровая принадлежность, а художественная ценность, что людям нужны подлинные чувства и переживания, а не постмодернистско-иронические экзерсисы, в которых

Фото Виталия Татаринича

главное — борьба с незакрытыми гештальтами постановщика, завмуза и завлита, а народ заполняет залы на романсовых концертах от Петрозаводска до Владивостока, смотреть вперед можно без боязни».

Сегодня я могу сказать, что не ошибся, делая такой прогноз, и очень этому рад. За 2023-й год мы проехали всю Россию — от Калининграда до Сибири и от Мурманска до Севастополя — и везде встречали самый восторженный прием. Романс — жанр, любимый народом, и не просто любимый. Народ отстаивал свое право любить его.

В годы Первой мировой войны Владимир Сабинин создал свою версию романса «Гори, гори, моя звезда!» Она стала и заклинанием, и уте-

шением, и безыскусной нецерковной, но все же молитвой простого человека о близких и о Родине, и осталась таковой, даже когда молиться запретили, а имя автора оказалось в списке нежелательных к упоминанию.

Во время Великой Отечественной войны Козловский и Лемешев без какого-либо разрешения «сверху» начали исполнять этот запрещенный тогда романс. В 1944-м году Георгий Виноградов записал его на пластинку, которая была моментально раскуплена. И тогда же, в конце января 1944 года, в СССР была записана пластинка с пятнадцатью песнями Александра Вертинского. Это было нужно людям, востребовано ими.

А в конце шестидесятых годов, когда началась очередная антиромансовая кампания с описанием «золы догоревших каминов» и «музыки пьяных кутежей», люди не боялись писать в газеты о том, что «хорошо помнят романсы, которые так огульно и безжалостно осмеял автор. Но прошлое не так-то легко выбить из памяти человека... Старинный русский романс своим лиризмом, душевностью и красотой мелодии будит в душе каждого из нас все хорошее...»

В наше же время, когда огульные запреты стали давней историей, и романс, а в целом камерная музыка спокойно и уверенно занимают свое место на эстраде.

У романса как у жанра есть несколько огромных достоинств.

Во-первых, он воспроизводим — то есть человек, выходя с концерта, может напеть понравившуюся ему мелодию.

Во-вторых, он целостен — а это одно из главных критериев художественности.

В-третьих, он этичен. Даже самые немудрящие романсы, с сомнительными по уровню текстами, над которыми принято смеяться, и те про душевные порывы.

И, наконец, романс очень красив, и это тоже гарантия его непреходящей востребованности.

В прошлом году исполнилось 100 лет композитору Исааку Иосифовичу Шварцу, и на посвященный его песням и романсам концерт в Государственном Кремлевском Дворце все билеты были мгновенно проданы.

Но есть еще три, если можно так сказать, аспекта бытования романса. Начну с того, что сейчас в этом жанре нередко появляются экспериментальные работы. Например, романсовый цикл Бориса Целковникова «Вечер разлук» на слова Анны Ахматовой, или цикл романсов Полины Назайкинской на стихи Александра Блока «Имя твое».

Я сам, сталкиваясь с современным романсом, нередко отмечаю, что композиторы 21-го века работают со стихами поэтов века Серебряного. Видимо, настолько сильна интенция этого периода и настолько укоренен в нем русский романс.

Еще один аспект — романс в кино. Романсы звучат (и будут звучать) во множестве фильмов, как краска и как характеристика периода.

Ну а романс на театральных подмостках — это вообще отдельная и специальная тема: ведь он звучит в театре со времен Островского, а в современном театре — начиная от «Без вины виноватые» Петра Наумовича Фоменко и заканчивая нашими театральными премьерами «Лермонтов. Я к вам пишу», «Золотой век», «Серебряный век», «Ар-деко».

Так что будущее романса мне видится в самых светлых тонах. Единственное условие, которое необходимо для этого светлого будущего — наличие талантливых, подготовленных и ответственных исполнителей в этом жанре.

— Вам ближе трагичность Лермонтова, нежели пушкин-

ское, «светлое», мироощущение. Почему?

— Это я должен спросить: а почему вы сделали такой вывод? Неужели главное, что определяет творчество Лермонтова — это трагичность, а пушкинское мироощущение «светлое» в кавычках? Мы с вами пытаемся беседовать о материях очень тонких, о восприятии, которое субъективно... И мне остается только угадывать, откуда возник такой вопрос. Видимо, вы прочитали про спектакль «Лермонтов. Я к вам пишу».

Но у нас в репертуаре есть практически посвященный Александру Сергеевичу «Золотой век», который показывали в ГКД, БКЗ, в Екатеринбурге, Воронеже, Царском Селе (дважды), Михайловском, Ясной Поляне, по ТВ. Этот концерт-спектакль получил всероссийскую поэтическую премию имени Андрея Дементьева.

Очень жаль, что сейчас театральные критики не всегда посещают спектакли, о которых пишут. Уже упоминаемый мною Аполлон Григорьев на спектакли, о которых писал, ходил. И Кугель ходил. И Выготский ходил. И Блок, если писал о спектакле, сначала на него приходил. И Кузмин. Даже злой Буренин ходил. А я и мои коллеги нередко вынуждены беседовать с журналистами о спектаклях, которых те не видели на сцене. Оттого и возникают некоторые недоразумения.

Вернусь все же к вашему утверждению. Мне кажется, что и Пушкин, и Лермонтов — наши вечные спутники. И в разные жизненные момен-

ты нам нужны и, по словам Блока, «веселое имя Пушкин» и звон серебряных шпор Лермонтова.

И мне очень радостно, что после пушкинского «Золотого века» на театральной сцене появился и наш «Лермонтов».

— Можете ли вы вслед за Михаилом Юрьевичем Лермонтовым назвать себя фаталистом — верите ли в предначертанность, или считаете, что судьбу можно изменить?

— Я — православный человек и не считаю возможным обсуждение этого вопроса в данном конкретном разговоре. К тому же «Фаталист» — название одного и не самого крупного произведения Михаила Юрьевича, а не его жизненное кредо.

— Как вы пришли к вере? Ваши любимые монастыри и церкви?

— В каком смысле любимые: по архитектуре, по намоленности, по историческим событиям, с ними связанным, по включенности в контекст?

В Петербурге я прихожанин Александро-Невской лавры, но могу назвать с десятков храмов, о которых я могу подробно и с любовью рассказать. При этом я просто обязан упомянуть монастыри и храмы Святой Горы, Кипра и Святой Земли. А также рассыпанные по всему миру православные храмы, которые посетил во время своих поездок.

Говоря о московских храмах, назову церковь Малого Вознесения

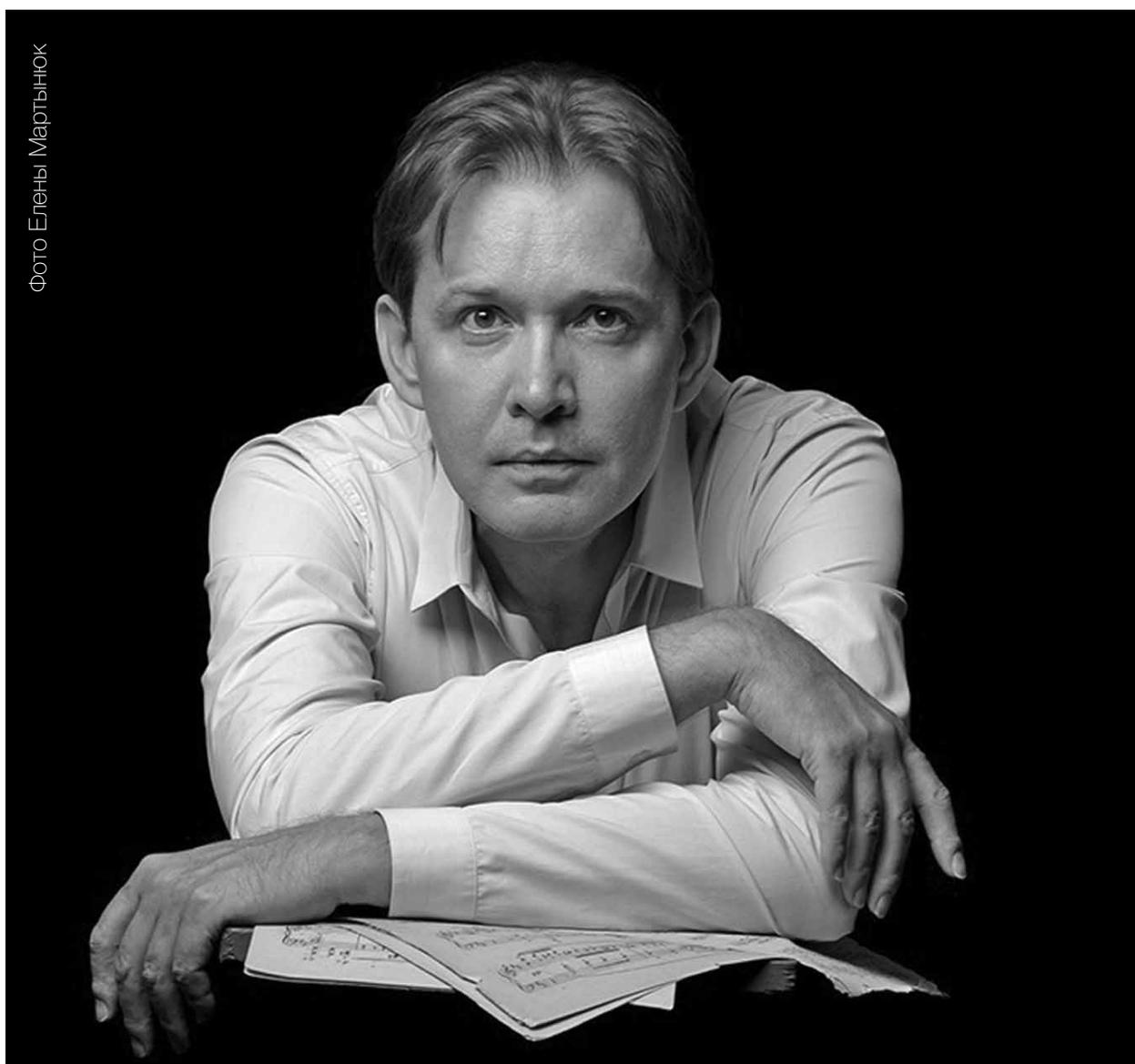
напротив Консерватории, церковь Воскресения Слоущего на Успенском Вражке, прихожанкой которого была Галина Павловна Вишневская, у которой я три года учился в Центре оперного пения, Храм Архангела Гавриила и Феодора Стратилата на Чистых Прудах, церковь Рождества Богородицы в Путинках, Марфо-Мариинскую обитель. Но это — тема отдельного разговора, а может, и отдельного очерка, как и разговор о вере вообще.

— Вертинский говорил, что рассказывает своими песнями истории. А какую историю или истории рассказываете вы своим творчеством?

— О судьбе человека на переломе эпох. Если хотите, о жизни человеческого духа в исключительных предлагаемых обстоятельствах, о том, что Бог сохраняет все; особенно — слова прощенья и любви... □

Беседовала **Дарья Парчинская**

Фото Елены Мартынюк

Ирина Опимах

Гертруда Стайн

и ее портрет кисти Пикассо

В 1947 году коллекция Метрополитен-музея пополнилась картиной Пабло Пикассо — это был портрет известной писательницы Гертруды Стайн, созданный в 1905-1906 годах, и одна из лучших работ раннего периода в творчестве художника. Стайн, ярчайшая фигура в культуре начала XX века, завещала его музею в 1946 году. После ее смерти, 27 июля 1946 года, портрет стал собственностью музея и первым «пикассо» в его коллекции. Когда-то все говорили, что в картине нет портретного сходства, но Пикассо возражал: «С годами она все более будет походить на свой портрет». А сама Стайн говорила, что это — «единственно правдивое ее отображение».

В 1902 году в Париж из Америки приехали брат и сестра Стайны — Лео и Гертруда. Они очень привязаны друг к другу. У них общие интересы и общие честолюбивые планы. Они весьма неглупы и прекрасно понимают это. Их семейство — вполне процветающее и готово обеспечивать их желания и устремления. За их плечами — учеба в Гарварде (Лео) и в Рэдклиф-колледже (Гертруда), изучение медицины и психологии, медицинская школа Джона Хопкинса. Но образование свое они так и не довели до конца — это же так скучно, да еще требует столько усилий и времени. В конце концов брат с сестрой решили, что им нужно ехать в Париж — ведь там бурлит настоящая жизнь, там рождается новое искусство, новая культура. «Париж — это единственное место для людей, которые должны творить искусство и литературу XX века», — писала Гертруда.

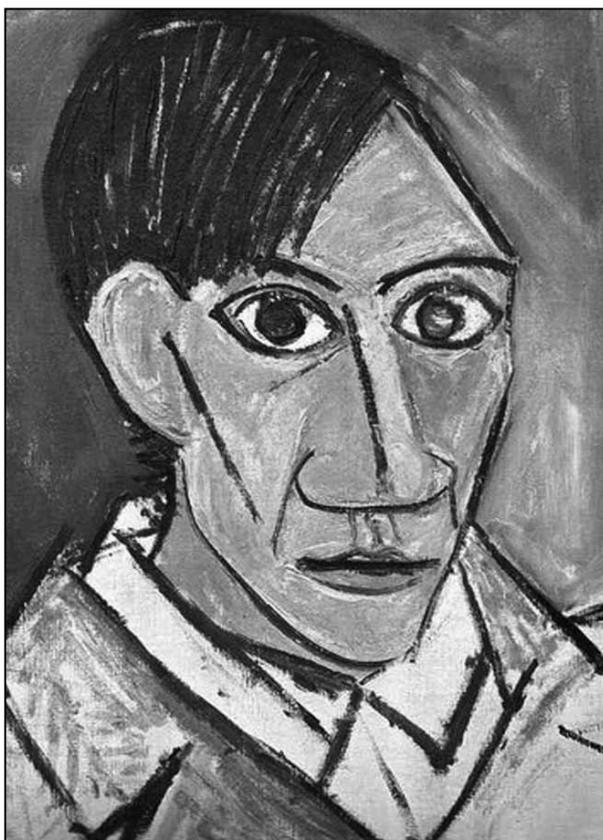
Гертруда и Лео поселились на рю де Флерюс, и этот дом с небольшой

пристройкой ждало блестящее будущее — очень скоро он стал настоящим салоном, центром интеллектуальной и художественной жизни Парижа.

Начало XX века — время голодных художников, непризнанных гениев, бедствующих поэтов. Время, когда галеристы отвергали картины, вскоре признанные шедеврами, а издательства не печатали тексты, которые будут позже считаться главными книгами века. А у Гертруды и Лео было поразительное художественное чутье, что позволяло им видеть в том, над чем все смеялись, настоящие произведения искусства. И деньги, чтобы покупать то, что им нравилось.

Конечно же, они посещали лавку Амбруаза Воллара, известного всему Парижу продавца картин, и покупали у него полотна Сезанна, Моне, Ренуара, Домье, Гогена. В своих воспоминаниях Воллар писал о Гертруде Стайн: «Когда впервые видишь эту женщину с неторопливыми манерами, в платье из грубой хлоп-

чатобумажной ткани и сандалиях с кожаными ремешками, возникает впечатление, будто перед тобой домашняя хозяйка, чей круг интересов ограничивается общением с молочницами, торговками овощей и бакалейщиками. Но встретившись с ней взглядом, понимаешь: мадемуазель Стайн — кто угодно,

Пабло Пикассо. Автопортрет

только не мещанка. Живость глаз сразу выдает в ней пронизательно-го наблюдателя, от которого ничто не может ускользнуть. А уж когда слышишь, как она смеется своим ироническим смехом, словно потешается над самой собой, противостоять ее обаянию просто невозможно!»

Постепенно Лео и Гертруда вошли в круг парижских художников. В 1906 году они познакомились с Пикассо, приехавшим в Париж три года назад. У бывшего клоуна Кловиса Саго, а ныне — хозяина картинной галереи на улице Лафит, брат и сестра Стайны увидели картину «Девочка с цветочной корзиной». Гертруде картина не понравилась, особенно ее нижняя часть, с ногами девочки, и Саго, более делец, чем ценитель прекрасного, тут же предложил отрезать низ картины и купить у него только верхнюю ее часть. После некоторого размышления Стайны купили картину за 150 франков — так они стали обладателями первой в их коллекции картины Пикассо. А потом познакомились с ним самим, и Пикассо предложил написать портрет мадемуазель Стайн. Конечно, она отнюдь не отличалась женственностью и привлекательностью, но 24-летний Пикассо чувствовал мощь и невероятное обаяние личности Гертруды и не мог ему противостоять. Подруга Пикассо Фернанда Оливье в своей книге «Пикассо в окружении друзей» так вспоминает о знакомстве Пикассо с Гертрудой и Лео Стайнами.

«Она была толстой, приземистой, с головой красивой формы, благородными, подчеркнутыми, правильными чертами лица и умными глазами, которые отражали ее пронзительность и остроумие. Ее ум был ясным и организованным, а голос и внешность — мужеподобными. ...

Оба они (Лео и Гертруда) были одеты в коричневую вельветовую одежду и сандалии а-ля Рэймонд Дункан, который был их другом (брат Айседоры Дункан, проповедавший культуру и философию Античности). Слишком умны, чтобы беспокоиться о том, считают ли их смешными, слишком уверены в себе, чтобы заботиться о том, что о них думают люди...

...В первый же приезд купили картин (Пикассо) на 800 франков. Это было за пределами наших самых смелых мечтаний. Они пригласили Пикассо на ужин, а его друзей — на свои субботние вечерние посиделки. Пикассо стал одним из их постоянных гостей на обедах вместе с Матиссом, с которым он там познакомился».

Пикассо не писал портретов 8 лет, и теперь заставлял Гертруду позировать ему девяносто сеансов! И она все выдержала! Девяносто раз приходила к нему в мастерскую в «Бато-Лавуар» — то самое обиталище множества молодых художников, французов и иностранцев, приехавших покорять Париж и мир. Она сидела в полуразвалившемся кресле, он — на табуретке. Вокруг текла обычная жизнь — кто-то что-то жарил на сковородке, кто-то громко разговаривал, кто-то приходил и уходил...

Во время сеансов они много говорили об искусстве. Работа шла, но вдруг однажды Пикассо резко

встал и воскликнул: «Я вас больше не вижу!»

Вскоре он уехал в Испанию, а вернувшись, закончил портрет уже без Гертруды, не видя ее. По памяти. То, что получилось, Гертруде совсем не понравилось. «Разве это похоже на меня?» — спросила она художника. «Когда-нибудь вы будете похожи на это», — ответил он. Когда портрет создавался, Гертруде было всего 32 года, но удивительное дело — с годами она действительно становилась все больше похожа на него.

«Он подарил мне портрет, — писала Стайн без запятых, как она любила, в 1938 году. — Я была довольна им тогда довольна и теперь. Для меня это я и есть и это мое единственное изображение которое для меня всегда и есть я».

Стайны обладали деньгами и вкусом к новому, а потому с удовольствием покупали новое искусство. Вскоре у них образовалась замечательная коллекция. «Они понимали современную живопись — ее ценность как искусства и то влияние, которое она может оказать. Они были не только страстными поклонниками художников-авангардистов и их работ; их чувства по отношению к ним были разумными, и у них было настоящее чутье к предмету, — писала в той же книге Фернанда Оливье. — Их коллекция картин уже была превосходной. У них были работы Гогена и Сезанна: среди прочего,

этот прекрасный портрет жены художника, одетой в голубое платье и сидящей в кресле гранатового цвета; и множество акварелей Сезанна; женщины, купающиеся на фоне загородного пейзажа. Там был маленький Мане, не очень важный, но удивительно чувственный; Эль Греко; работа Ренуара *La Baigneuse de dos*, которая так удивительно светла; несколько прекрасных работ Матисса; Валантен, такой же точный и холодный, как обычно, и картины Мангена и Пюи. Их было еще несколько десятков, и теперь к ним присоединились некоторые работы Пикассо».

Вечерами к ним приходили художники и литераторы. Довольно разношерстная компания обычно появлялась на их субботних вечерах. Будучи мелкими меценатами тех необыкновенных дней, Стайны многое сделали для того, чтобы современные художники стали популярными». И сытыми тоже, что было для многих, этих кубистов, сюрреалистов, модернистов всех мастей, не менее важно.

А потом Лео решил, что он — художник, а Гертруда решила, что она — писательница. И начала писать книги. Из Лео живописца не получилось — не хватило таланта. Гертруда называла Пикассо гением, а Лео считал, что гений — он. Зато ее литературные опыты он считал ерундой. Это расхождение во взглядах стало одной из причин их расстава-

ния. В какой-то момент их жизни они пошли по разным направлениям, а в 1912 году окончательно расстались, поделив собранные художественные ценности. У нее остался Пикассо. И остался ее салон, по-прежнему любимое место встреч художников, поэтов, писателей и критиков, коллекционеров.

Гертруда одним точным высказыванием могла создавать и разрушать репутации писателю или художнику. «Вот она сидит на стуле с высокой спинкой и болтает ногами в толстых чулках и сандалиях — так вспоминают современники. — И когда она что-то произносит своим глубоким низким голосом, к ней все прислушиваются — глупостей эта женщина никогда не говорит». Ее оценки и мысли всегда были интересны и нетривиальны.

В 1907 году в ее жизни появилась Алиса Токлас, ставшая ей верной спутницей, подругой, самым близким человеком. Она взяла на себя все хозяйственные заботы, читала корректуры ее книг, вышивала чехлы для диванных подушек, в общем, создавала подруге все условия для творчества.

Дома у Стайн все было очень старомодно и консервативно. Гертруда объясняла это так: «Когда человек в мыслях опережает свой век само собой разумеется что он старомоден и неприятелен в повседневной жизни» — (снова без запятых). Зато в ее доме висели картины Ренуара, Сезанна, Матисса, Донгена,

*Гертруда
Стайн
и Алиса
Токлас*

Валантена, Гогена и, конечно же, ее любимого Пикассо!

Она вообще любила талантливых людей — особенно Матисса, которого открыла одной из первых. Причем не просто любила, а поддерживала их и помогала выжить, когда им бывало трудно.

А потом началась война, и многое изменилось в жизни друзей Гертруды Стайн, посетителей ее салона. И она снова помогала, чем могла: выписала из Америки грузовой «Форд» и, освоив вождение, развила лекарства по госпиталям.

Кто-то погиб в эти страшные годы, кто-то уехал из Парижа, с кем-то испортились отношения... Но в доме на рю де Флерюс жизнь продолжалась. Теперь в гости к Гертруде Стайн стали приходить парижские американцы: молодые писатели Эрнст Хемингуэй, Эзра Паунд,

Джеймс Джойс, Шервуд Андерсон, Скотт Фицджеральд, Дос Пасос. Стайн считала Андерсона гением, а Фицджеральда — единственным, кто пишет нормальными предложениями. «Потерянное поколение» — так называла Гертруда этих молодых людей, отдавших свои лучшие годы войне. Это выражение вошло в мир, а Хемингуэй даже использовал его в качестве эпиграфа к своему роману «Фиеста». («Все вы — потерянное поколение».) Правда, многие представители «потерянного поколения» смогли себя реализовать в жизни, стать значимыми в мировой культуре XX века. Не такие уж они были потерянными...

Хемингуэя и Стайн связывали особенные отношения. Гертруда любила его, и он отвечал ей взаимностью, даже поспособствовал изданию ее книги в США. «Мы с Гертру-

*Гертруда
Стайн
в своем
парижском
салоне
на фоне
портрета
кисти
Пабло Пикассо*

дой Стайн теперь как братья», — писал 23-летний Хемингуэй в письме Шервуду Андерсону в 1922 году. В «Празднике, который всегда с тобой» он так вспоминает об этой невероятной женщине:

<...> «Она говорила без умолку, и, прежде всего, о разных людях и странах.

Она обладала особым личным обаянием, и, когда хотела привлечь кого-то на свою сторону, устоять было невозможно, и критики, которые были знакомы с ней и видели ее картины, принимали на веру ее творчество, хотя и не понимали его — настолько они восхищались ею как человеком и были уверены в ее не-

погрешимости. Кроме того, она открыла много верных и ценных истин о ритме и повторах и очень интересно говорила на эти темы.

Однако она не любила править рукописи и работать над тем, чтобы сделать их читабельными, хотя для того, чтобы о ней говорили, ей необходимо было печататься; особенно это касалось невероятно длинной книги «Становление американцев».

За три-четыре года нашей дружбы я не помню, чтобы Гертруда Стайн хоть раз хорошо отозвалась о каком-нибудь писателе, кроме тех, кто хвалил ее произведения или сделал что-нибудь полезное для ее карьеры. Исключение составляли Рональд Фербенк и позже Скотт Фицджеральд. Когда я познакомился с ней, она не говорила о Шервуде Андерсоне как о писателе, но зато превозносила его как человека, и особенно его прекрасные итальянские глаза, большие и бархатные, его доброту и обаяние...»

В 1934 году Гертруда Стайн совершила путешествие на родину, в США. Она выступала перед полными залами, публика подпадает под власть ее речей, в которых — непрерывные повторы слов и предложений. «Крестная мать модернизма», как ее называли, была уже автором нескольких книг, и ее влияние на современную литературу, и культуру вообще, неоспоримо. А потому ее приглашали на большие приемы, у нее брали интервью, вокруг нее

постоянно крутились фотографы и репортеры, с ней встретились в Белом доме миссис Элеонора Рузвельт. Гертруда участвовала и в вечеринках в Голливуде с Чарли Чаплиным, а еще присутствовала на представлении оперы по ее пьесе в Чикагском оперном театре.

Чем известнее и влиятельнее становилась Гертруда Стайн, тем меньше она обращала внимание на то, что происходило в мире. Ее не волновала война в Испании, она не видела ужасов фашизма, надвигающегося на Европу.

Военные годы она провела во французской глубинке, в деревне. А когда война закончилась, вернулась в Париж.

«Крестная мать» модернизма скончалась в 1946 году от рака.

Сегодня, наверное, ее книги способны читать только литературоведы и культурологи. Но ее имя навсегда осталось в истории XX века — она многое сделала для развития свободной мысли, для людей, творивших новую культуру нашего времени.

«В наши дни никто не опасается смерти из боязни попасть в ад или рай но со смертью прекращается жизнь а она интересна», — однажды, и снова без запятых, написала Гертруда Стайн. Ее жизнь, несомненно, была интересна. И ей удалось блестяще написать ее — ведь в ней было много искусства, литературы и любви. И прекрасный памятник этой жизни — портрет кисти Пикассо. □

Мальвина Мальвина

Вита Лысакова появилась в нашем дворе в разгар летних каникул. После развода родители девочки разменяли свою шикарную трешку в центре на две убитые двушки в доходяжных пятиэтажках на окраине города. В одной из них, в первом подъезде, на первом этаже, и поселилась Вита с мамой, что стало для жителей нашего двора нерядовым событием.

Дело в том, что Вита была местной детской знаменитостью. Благодаря своей необыкновенной внешности десятилетняя девочка снималась в рекламе игрушек, одежды и кондитерских изделий. Ее портретами были увешаны автобусные остановки, стены в магазинах, окна поездов метро и салоны троллейбусов. А еще по телевидению время от времени крутили рекламные ролики с участием Мальвины, как все в городе называли Виту.

Почему Мальвины? Да потому, что Лысакова была как две капли воды похожа на сказочную девочку. Такие же красивые глаза цвета небесной лазури, длинные ресницы, очаровательная белозубая улыбка. Такой же нос кнопочкой, белое фарфоровое личико, хрупкая изящная фигурка. Такие же вьющиеся крупными кольцами длинные белокуро-пепельные волосы.

Сходства со сказочным персонажем Вите придавало и наличие у нее пуделя по кличке Артемон, которого ей подарило руководство фирмы, производящей собачий корм. Вначале Артемон был собачьей «моделью», снимавшейся в рекламе вместе с Лысаковой. Заметив, что на съемках та крепко подружилась с псом, производитель собачьего корма пожаловал ей своего питомца. Когда по вечерам она выводила его на прогулку, весь двор высыпал «на променады», чтобы поговорить и сфотографироваться с «рекламной девочкой». Многие дворовые тетki бесцеремонно гладили знаменитость по ее пушистым волосам, цокая при этом языками: «Какая красавица! А что же будет, когда она вырастет!»

Последнее невероятно бесило маму Виты, боявшуюся, что завистливые соседки сглазят дочь, и она убедительно их просила не трогать девочку руками. Те, в отместку, дали ей прозвище «Фифа» и после «Какая красавица!» стали добавлять: «Совсем не похожа на мать», что, в общем-то, было правдой.

Вите же льстило повышенное внимание окружающих, их похвалы, комплименты и поглаживания. Было видно, что в семье она этого не добывает.

Что касается лично меня, то я влюбился в Мальвину с первого взгляда, но, в отличие от остальных дворовых ребят, не лез к ней в друзья. Не потому, что не хотел, а потому что боялся показаться назойливым. Такая необыкновенная красавица должна была сама решить, с кем ей общаться. Поэтому я обожал ее на расстоянии: опускал в почтовый ящик Виктории картонные сердечки, наблюдал за ней в отцовский морской бинокль, забрасывал на ее балкон конфеты, цветы и мягкие игрушки.

Я был очарован этой девочкой, и когда в новой четверти она пришла в наш класс, счастью моему не было предела. Классная руководительница предложила Вите свободное место за третьей партой, но та прошла к последней, за которой сидел я, и плюхнулась рядом. От нечаянной радости у меня «в зобу дыханье сперло» — я принял ее выбор на свой счет.

Вскоре выяснилось, что Виту интересовала исключительно «камчатка», последняя парта, место в углу, откуда учителям ее видно не было. Учеба Лысакову не интересовала совсем. В школе она отсыпалась. Клала свою белокурую голову на свернутый вчетверо пушистый шарфик и спала до тех пор, пока ее не забирала из школы спецмашина очередной съемочной группы.

На контрольных девочка пыталась списывать у сидящей впереди Ольки Шведовой, но это ей не всегда удавалось. Тогда-то я и предложил Мальвине свои услуги. На всех проверочных работах я сначала делал ее вариант, а потом уже свой. Если, конечно, успевал.

В искрящихся синих глазах Виты светилась благодарность, и я был счастлив, что мне удалось хоть немного быть ей полезным. Чуть позже я совершил еще один подвиг — нашел потерявшегося Артемона, после чего стал вхож в дом Лысаковых. Я приходил к Вите, чтобы позаниматься с ней математикой, но занятия наши обычно сводились к переписыванию сделанного мной домашнего задания в тетрадь Мальвины.

Девочку совершенно не волновал тот факт, что у нее сплошные тройки, да и те поставлены учителями «из уважения к ее рекламной деятельности». После «Детской школы моделей» она собиралась плавно перебраться во «взрослую», а там, глядишь, — и на киноэкран. А дальше? Дальше — замуж. Разумеется, за богатого и успешного мужчину, который будет ее содержать, любить и лелеять.

Так она обрисовала мне свои перспективы, в которые я не вписывался никаким боком. «К тому времени, когда Мальвина планирует попасть на содержание альфа-самца, я еще буду студентом и никак не смогу стать объектом ее интереса», — говорил мне мой мозг, но сердце протестовало, возмущалось и бунтовало, не желая смириться с этой сермяжной правдой. И у него были свои резоны. «Неважно, чем твоя любовь закончится, — шептало оно. — Главное, что сейчас твоя душа замирает от восторга, когда ты смотришь на де-

вочку, явившуюся к тебе с другой планеты. Красотку, каких на нашей планете нет и быть не может».

Но... «ничто не вечно под луной». Однажды Мальвина исчезла из нашего двора и нашего класса. Вернувшись из Крыма, где мы отдыхали с родителями, я узнал от соседей, что Фифа сбагрила дочку в пригород, к бабке, поскольку та мешала налаживать ей личную жизнь. Теперь по вечерам с Артемоном прогуливался солидный мужчина, поселившийся в квартире Лысаковых — бабка от пса категорически отказалась, она терпеть не могла собак и кошек. С нее и внучки было более чем достаточно.

Я был убит наповал этим печальным известием и проплакал всю ночь от бессилия что-нибудь изменить. К тому же я не знал ее нового адреса и не мог с ней связаться. Но ей-то хорошо были известны все мои координаты, а она ни разу не дала о себе знать! «Стало быть, дружба наша ничего не стоила!» — решил я, глядя на огромную конусообразную ракушку, которую привез из Крыма в подарок Виктории.

Я попытался забыть красавицу Мальвину. Казалось, мне это удалось. Тем более что вскоре она исчезла с телеэкрана и рекламных плакатов. Ее заменила озорная рыжая девочка с торчащими вверх косичками, удивительно похожая на Пеппи Длинный Чулок.

Спустя пять лет по дороге на тренировку по плаванию я услышал чей-то окрик. Обернулся и увидел Ее. Вита сидела на краю детской песочницы и сосредоточенно сосала «Чупа-Чупс». Она здорово изменилась. Нос вытянулся, брови и ресницы выгорели на солнце, личико, бывшее когда-то фарфоровым, было усыпано подростковыми угрями. Но самое главное — куда-то подевались роскошные волосы Мальвины! У Виты была короткая стрижка-одуванчик. Причем одуванчик этот был какого-то пыльно-серого цвета.

«Неужели Фифа оказалась права, и девочку сглазили завистники? — ужаснулся я. — Замусолили своими грязными лапами ее некогда прекрасные кудри, спадающие на плечи крупными кольцами».

— Что, не узнал? Никто не узнает, — хохотнула Виктория. — Раньше, когда я работала в рекламе, мамка мыла мне волосы смесью шампуня, яичного желтка и желатина. Бабке же было лень с этим заморачиваться...

— Получается, ты ушла из рекламного бизнеса?

— Меня ушли, — с сожалением произнесла Лысакова. — Рекламе нужны задорные детские мордашки, а не прыщавые рожи противных подростков. Последние никого не умиляют, а только раздражают. Нет, я рекламщиков понимаю: ну какая из меня сегодня Мальвина? Сам видишь.

Я смотрел на Виту и видел ее прекрасные глаза цвета небесной лазури. Глаза девочки из сказки «Приключения Буратино», и мое сердце снова колотилось, как погремушка в руке сумасшедшего.

— Почему ты ни разу мне не написала и не позвонила? — поинтересовался я, с трудом сдерживая дрожание голоса.

— А зачем? — засунула она в рот «Чупа-Чупс». — Что бы ты сделал? Удрал бы из-за меня из дому и перебрался в поселок Малые Комаринцы?

Я молчал, понимая, что Вита права, а потом, не выдержав, спросил:

— А что изменилось сейчас? Ты, наконец, вернулась обратно и опять пойдешь в нашу школу?

— Мамкин сожитель от нее сдристнул, и моя тахта освободилась, это во-первых. Бабка от меня устала и решила отфутболить по месту прописки, это во-вторых. А в-третьих, я поступаю в местный колледж на парикмахера. С такими оценками, как у меня, в десятый класс не берут.

«Принцесса моих детских грез теперь будет рядом со мной! — ликовал я. Какое счастье!» Для меня Вита так и осталась Мальвиной, чем-то недостижимым и непостижимым. Моя жизнь снова наполнилась смыслом. Я ждал наших встреч, как алкаш ждет открытия винно-водочного магазина. Меня не смущало ни то, что она курит, ни то, что матерится, ни то, что их ежедневная ругань с Фифой разносится через приоткрытое окно по всему двору.

После школы я бежал к колледжу парикмахерского искусства, чтобы встретить свою Мальвину и пригласить ее в кино или в кафе на мороженое, тратя при этом все свои карманные деньги.

Вита не отказывалась. Она царственно делала мне одолжение, стреляя глазками по сторонам в поисках кого-то постарше и побогаче.

Умом я понимал, что наши отношения — игра в одни ворота, но отказаться от них не мог. Словно заколдованный Пьеро, я видел в Мальвине только то, что хотел видеть, и на любую попытку меня вразумить реагировал крайне агрессивно. Мое сердце обволакивал липкий туман, а мозг и волю — какой-то дурман. Я больше не принадлежал себе, весь день жил исключительно той минутой, когда вновь увижу нескладную фигурку Виты в дверях колледжа и вручу ей шоколадку или меренгу — ее любимое пирожное из взбитых белков. Я бросил секцию плавания, стал пропускать занятия с репетиторами, которых родители наняли для моей подготовки в финансово-экономический университет.

Так продолжалось полтора года. Я любил Виту, а Вита ждала своего Принца на белом коне, который спасет ее от рутины, умчав в свой далекий прекрасный замок.

А потом, накануне Нового года, Мальвина вдруг исчезла. Без предупреждения, словно перенеслась в параллельный мир. Прождав в неведение три дня, я не выдержал и пошел к ней домой. Дверь открыл новый Фифин сожитель, лысый, пузатый мужик, который был изрядно навеселе.

— Вита? — переспросил он. — Так она это... разругалась с матерью. Собрала свой чемоданчик и свинтила... не то к бабке, не то к тетке, не то в Калугу, к двоюродной сестре... Поди разбери ее. Тяжелая девка... неуправляемая.

Я буквально прирос к полу. «Неужели она снова исчезла из моей жизни, не попрощавшись? — отчаянно стучало в висках. — Неужели я потерял ее навсегда? Неужели я никогда больше не увижу мою Мальвину?»

Мое сердце было обуглено. По ночам я тихо скулил в подушку, задавая себе вопрос: «Почему она снова так со мной поступила? Ведь можно же было хотя бы попрощаться»...

Дни шли за днями. Я окончил школу, потом и Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов. Основал в культурной столице собственную инвестиционную компанию, которая со временем стала довольно успешной. Домой, в Екатеринбург, я навещался нечасто, как утверждают настоящие зубры бизнеса — «деньги в отпуск не ходят». Да и что мне было делать на родине? После смерти отца я перевез маму в Питер, в собственный загородный дом.

И если с карьерой и финансовым положением у меня все было более чем в порядке, то с личной жизнью никак не ладилось. Нет, девушки у меня, конечно, были, но ни с одной из них не возникло желания создать семью. Может быть потому, что мне продолжала сниться Мальвина, сказочная девочка с кукольным личиком, носом кнопочкой, ярко-синими, в пол-лица, глазами, пухлыми розовыми губками и пепельными пушистыми локонами. Это было наваждение, морок, проклятье, наложенное на меня каким-то злым волшебником. Стыдно признаться, но я даже к бабкам-ведуньям пару раз ездил, чтобы те сняли с меня приворот. Они лили воск, читали заговоры на воду, жарили на сковородке соль — ничего не помогло: я продолжал бредить Мальвиной.

Однажды из Екатеринбурга я получил приглашение на встречу выпускников. Оказывается, прошло уже двадцать лет, как мы покинули стены своей школы. Несмотря на плотный рабочий график, я решил ехать — уж очень захотелось окунуться в атмосферу моей уральской юности. Я был искренне рад увидеть наших педагогов, поболтать с однокашниками, узнать, кто чего в жизни достиг.

После ресторана мы с парнями, вернее, уже с дядьками, решили купить дешевого вина и распить его в песочнице возле моего бывшего дома, как делали это двадцать лет назад. Смешно и глупо, но очень уж захотелось пошалить, «вспомнив детство».

Мы глотали прямо из горлышка примитивную бурду, хохотали, как ненормальные, и вспоминали, вспоминали, вспоминали:

— А помните, пацаны, как мы в седьмом классе принесли на физику ворону и пустили ее летать в надежде сорвать контрольную работу?

— А помните, как Вадька Ахромеев припер из дому ежа, а тот залез за батарею, а назад выбраться не смог, и мы его всем классом оттуда доставали?

— А помните, как нас завучка запалила под лестницей, когда мы пытались раскурить сигару Серегиного папашки?

На душе было легко и спокойно, как будто и не было этих двадцати лет, сдувших у многих из нас с головы волосы, накинувших нам по два десятка лишних килограммов, сделавших нас мудрее, терпимее, приземленнее. В этот вечер мы снова были пацанами озорного Б-класса, сидящими на краю песочницы, чокающимися бутылками с вином и ностальгирующими по нашему «золотому детству».

— Сдаем стеклотару, джентльмены! — раздался вдруг рядом скрипучий женский голос. — Не задерживаем человека при исполнении!

Мы дружно оглянулись. За нашей спиной неслышно материализовалась неухоженная тетка, не то дворничиха, не то бомжиха. Красное одутловатое лицо с мешками под глазами и глубоким шрамом на переносице, шея в складочку, мышиный цвет волос, жидкая «дулька» на плоском затылке. Желтые зубы, кустистые брови, потрескавшиеся губы. Ободранный лак на обкусанных ногтях. На вид ей можно было дать и сорок, и пятьдесят лет. В углу ее рта дымилась дешевая сигарета. В руках женщина держала синий хозяйственный мешок, в котором гремела стеклотара.

— Я к вам обращаюсь, мужики! — требовательно повторила она. — Сдаем стеклотару!

Мне показалось это забавным. Алкашка, собирающая по двору бутылки, чтобы завтра с утра их сдать в стеклотару и купить на эти деньги дешевого пойла, не просила выпивающих ускориться, она требовала. Не было в ее голосе ни смущения, ни неловкости, ни извинительных ноток, как это обычно бывает у попрошаек. Она чувствовала себя хозяйкой положения.

— О! Викуся! Какие люди! — признал тетку Андрей Комаров. — Подсаживайся к нам, а то без дам — это не юбилей, а банальная пьянка.

— Не откажусь сосуды расширить, а то башка сегодня весь день побаливает, — не заставила она повторять приглашение дважды. — А у кого юбилей-то? У тебя, что ли?

— У нас у всех, и у тебя в том числе, — ответил Комаров, протягивая ей бутылку вина и плавленый сырок. — Двадцать лет прошло, как мы окончили школу. Неужели не помните, пацаны, Витку-Мальвину? Она одно время училась вместе с нами.

От услышанного меня бросило в жар. Я не мог поверить в то, что эта тетка с внешностью типичной зечки, одетая в растянутый до невозможности свитер с Микки Маусом и бурые спортивные штаны, и есть та самая Мальвина, в которую я был влюблен всю свою жизнь.

Вика хлебнула из «ствола» и блаженно затянулась сигаретой. Оказалось, что после смерти матери она вернулась на проживание в свою старую квартиру. Ни мужа, ни детей у нее не было. Не было и образования с профессией. Зато был трехлетний тюремный срок за мошенничество и пристрастие к «зеленому змию», а на это нужны были деньги. Пришлось устроиться дворничихой.

От выпитого вина к горлу женщины подступили сентиментальность и грусть. В ее льдистых, широко поставленных глазах блеснули слезы. Было видно, что жизнь Мальвины сложилась совсем не так, как она мечтала и планировала. Принц на белом коне в ее жизни так ни разу и не промелькнул. Да что там принц, даже управляющий его владений, даже привратник...

— Ты не жалеешь, что не ответила в свое время на мои чувства? — задал я Вите на прощание много лет волновавший меня вопрос.

— Нет! — ответила она, не задумываясь. — Ты — герой не моего романа. Ты — Пьеро, влюбчивый, наивный, сентиментальный и... слабый. Способный лишь на стенания:

*Пропала Мальвина — невеста моя,
Она убежала в чужие края.
Рыдаю, не знаю, куда мне деваться.
Не лучше ли с кукольной жизнью расстаться?*

Меня же всегда привлекал его антипод — Арлекин, ловкий, пронизательный, находчивый, остроумный и, главное, — сильный. Он не спрашивает: «Можно ли тебя поцеловать?» Он молча целует. Он не интересуется: «Пойдешь ли ты со мной, если я тебя позову?» Он берет за руку и просто ведет за собой. Женщины уважают сильных и жалеют слабых.

Ты — хороший парень, но слабый. Я всегда знала, что брошу тебя, как только встречу сильного, поэтому и не стала морочить тебе голову.

— А если бы я сейчас сделал тебе предложение, ты бы улетела со мной в Питер?

— Опять «если»? — хохотнула она. — Да нет, конечно! Ты — не мой калибр. Уж лучше я до смерти буду мечтать о мужике, от которого сносит крышу.

— Давай я хотя бы денег тебе оставлю, — потянулся я к портмоне.

— Не стоит, все равно пропью, — выставила она вперед усыпанную цыпками руку. — Потратить их на что-то более полезное.

Мое самолюбие было здорово уязвлено. За эти двадцать лет я многого добился в жизни: стал шефом большого коллектива и хозяином элитной недвижимости. Я езжу на престижных иномарках, отдыхаю на лучших курортах, могу себе позволить многие дорогие удовольствия. И, несмотря на все это, Мальвина в очередной раз меня отвергла. Отвергла без малейшего сожаления, не позарившись на новые наряды, рестораны, путешествия и косметические салоны. Заявив, что я — не ее калибр. Для нее я так и остался одним из соседских пацанов, смотрящих на нее с обожанием.

Но самым странным в этой истории было то, что и Вита не превратилась для меня в дворничиху-алкоголичку. Она осталась в моем сознании все той же Мальвиной, гордым независимым существом, прибывшим к нам с другой планеты. Красоткой, каких на нашей планете нет и быть не может. А, значит, мой гештальт так и остался открытым. □

Пианист, концертмейстер и педагог, лауреат международных конкурсов и фестивалей, выступающий с сольными концертами в России и за рубежом, он исполняет произведения разных эпох и жанров. Знакомьтесь, это молодой и начинающий талант — Алексей Лимонов. Окончив училище и академию музыки имени Гнесиных с красным дипломом, он не останавливается на достигнутом. За его плечами — концерты в Большом и Малом залах Московской консерватории, Концертном зале имени Чайковского, Колонном зале дома Союзов, Калининградской и Астраханской филармониях, а впереди — много новых музыкальных свершений и побед.

Алексей Лимонов

Фото из личного архива

— Расскажите, пожалуйста, о своем детстве. С чем связаны самые яркие впечатления?

— Я родился в городе Шуя Ивановской области и с самого детства был увлечен музыкой. Когда ходил еще в детский сад, получил на Новый год в подарок игрушечное красное пианино, на котором я пытался под-

бирать разные мелодии, совершенно не зная нот. Благодаря такому неподдельному интересу основным моим времяпрепровождением на ближайшие несколько лет стала музыкальная школа. Мой первый педагог — Бонокина Ирина Николаевна, открывшая для меня мир музыки, — всегда отмечала тот факт, что мне

очень нравится выходить на сцену. А мою мотивацию заниматься подкрепляло активное участие в различных конкурсах и фестивалях, на которых я представлял не только свою школу, но и город.

— Помните ли, как приняли решение поступать в Москве?

— О, да! Вы удивитесь, но это было спонтанно. Как-то мама она спросила меня, не хочу ли я съездить в Москву и поиграть в Гнесинке? Мне показалось это любопытным, и уже весной мы присутствовали на дне открытых дверей. К сожалению, на тот момент у меня была «слабая» программа по сравнению с другими абитуриентами, поэтому все оставшееся до лета время я усиленно готовился к предстоящему поступлению. Я тогда не осознавал важность вступительных экзаменов и решил бросить вызов судьбе, сказав: «Если не поступлю, значит,

пойду в 10 класс и буду заниматься совершенно другим делом». Но все сложилось удачно!

— Алексей, чем запомнились переезд в столицу, жизнь в общежитии и обучение в Гнесинке?

— Для меня переезд в Москву оказался морально трудным, потому что так надолго и далеко я никогда не уезжал от семьи. Но благодаря этому я быстро повзрослел и научился самостоятельно решать много бытовых и личных вопросов. Жизнь в общежитии была той беззаботной порой, о которой все мои однокурсники вспоминают сейчас с особой теплотой! Вместе с тем, учеба в училище для меня связана со знакомством с Наталией Анатольевной Чекмазовой, которая занимает особое место среди моих педагогов. Ее творческой энергией и самоотдачей можно бесконечно восхищаться

ся. Я считаю, что она сыграла огромную роль не только в моем профессиональном становлении, но и воспитала меня как личность.

— Помните, как поступали в Академию Музыки имени Гнесиных?

— Поступление в Академию было уже осознанным решением. Те абитуриенты, которые, как и я, его принимали, готовились в течение года. Конкуренция была очень высокой, потому что из училища каждый выпускался с трудной и серьезной программой. Помимо конкурсного напряжения, сложность состояла в том, чтобы не расслабиться раньше времени. Дело в том, что вступительные испытания в Академию проходят в течение всего июля, а организованы они та-

ким образом, что сначала необходимо сдать общеобразовательные предметы (русский язык и литературу), затем теорию музыки, и только после этого сыграть специальность и ответить коллоквиум. Вспоминаю, как мне приходилось заниматься по 5-6 часов, в то время как друзья мне присылали фотографии на фоне моря и пальм. Но все оказалось незря — я вновь поступил на первый курс, только уже высшего учебного заведения.

— Два красных диплома — это дань творческим амбициям или стремление всегда быть на высоте?

— Скорее, это большое желание учиться. Вся учеба в Гнесинке настолько увлекательна и информа-

тивна, что большую часть дня проводишь именно в ней. Она стала для меня вторым домом, который заново осветил мою жизнь. И это связано, прежде всего, с замечательными музыкантами, у которых я учился: Дубов Андрей Сергеевич, Чуковская Ирина Владимировна, Чернявский Игорь Андреевич, Кандинская Татьяна Владимировна. Эти педагоги открыли мне такие выразительные возможности в игре, которые мне и в голову прийти не могли. Они расширили диапазон моих представлений о звуке, артикуляции, фразировке. Благодаря обучению у таких мастеров я нашел свой подход к творчеству многих композиторов.

— А какие ваши любимые композиторы? Пианисты?

— Мне всегда удавались сочинения композиторов эпохи романтизма, поэтому я много играл произведений Шуберта, Шопена, Шумана, Листа.

В училище меня серьезно воспитывали на музыке Баха, а в Академии приобщали к русской культуре в лице Рахманинова и Метнера. Из любимых пианистов я бы назвал Генриха Нейгауза, Владимира Ашкенази, Радугу Лупу, Давида Фрея и Екатерину Державину.

— Расскажите, пожалуйста, чем запомнилась служба в армии, и где вы ее проходили?

— Это еще одна страница моей биографии, которая возникла совершенно неожиданно. Как только я поступил в Академию, меня сразу же отправили служить. По распределению я оказался в патрульной роте под Москвой, где провел три месяца после присяги. Затем меня направили в Образцово-показательный оркестр войск национальной гвардии, в котором я научился играть на большом барабане, тарелках, ксилофоне, вибратоне и лире. Это был своего рода новый музыкальный опыт. Кроме того, духовой и симфонический оркестры очень часто гастролировали в такие города, как Южно-Сахалинск, Томск, Астрахань, Калининград и другие. Мы также выезжали за рубеж и выступали на сценах Кипра, Греции и Сингапура. Благодаря замечательному дирижеру Азату Шахмухаметову у меня была возможность играть с оркестром solo, в связи с чем приходилось много заниматься и совершенствовать исполнительское мастерство, чтобы держать себя в «форме». Со мной служили ребята разных специальностей: струнники, духовики, барабанщики, и за год у нас сложилась крепкая мужская дружба.

— Легко ли существовать пианисту после выхода из, пусть и престижного, заведения на «вольные хлеба»?

— Каждый год Академия выпускает высококвалифицированных спе-

циалистов. Что касается пианистов, то у нас есть много вариантов развития карьерного пути. Это может быть концертный исполнитель, который к концу вуза уже достаточно окреп, чтобы участвовать в международных конкурсах и заявлять о себе. Это ансамблевое и концертмейстерское искусство, которое дает возможность находиться на сцене с разными партнерами. И, конечно, педагогическая деятельность, без которой наша профессия невозможна. Я стараюсь совмещать все виды активности, потому что считаю, что одно дополняет другое. Мне кажется, каждому ученику ин-

интересен тот педагог, который сам постоянно творчески развивается. Это делает его педагогику жизненной и свободной от всяческих догм.

— Вы опровергаете своей личностью суждение о том, что пианист — это замкнутый человек, меланхолического склада характера, живущий своей уединенной жизнью. Участие в различного рода общественных мероприятиях и капустниках, экстравертность и открытость, дружелюбность и общительность — это ваши врожденные или приобретенные качества?

— Мне всегда нравилось выходить на сцену. Я очень люблю публику и своего зрителя, с которым долго могу разговаривать после концерта. Но, одновременно с этим, есть и другая сторона, о которой вы говорите. Если выход на концертную эстраду — это мгновение, то аскетичный период, состоящий из разучивания и осмысления программы, накопления своих духовных и физических сил, занимает огромный отрезок времени. Я очень трепетно и с большой преданностью отношусь к своей профессии, но это не исключает возможности быть экстравертом. Каждый человек индивидуален.

— Есть ли у вас композиции собственного сочинения?

— Я никогда не испытывал потребности к сочинительству. Но мне всегда было интересно слушать и исполнять музыку, которая создается сегодня современными композиторами. Среди них можно назвать Кузьму Бодрова, Ефрема Подгайца, Александра Чайковского, Михаила Воронцова. Их произведения звучны нашему времени.

— Вот уже третий год вы работаете в Детском музыкальном театре юного актера имени Федорова. Как устроивались? Нравится ли репетиционный и подготовительный процессы?

— Все началось с того, что мой знакомый хормейстер пригласил меня на спектакль «Сон о дожде». Это даже не спектакль, а некое действо, в котором проживаются песни, связанные с обрядами, праздниками, войнами и бытом русских деревень. Меня потрясло то, насколько глубоко и профессионально это было сыграно не актерами, а детьми. Уникальная особенность этого театра состоит в том, что во всех постановках участвуют только дети. Спустя какое-то время я узнал, что в это место требуется концертмейстер на постановку нового мюзикла «Волшебник изумрудного города». Так я и оказался в музыкальном театре.

— Трудно ли вам работать с детьми?

— Для меня дети, которые служат в этом театре, поистине самобытные. Они умные, воспитанные, искренние. С ними работают великолепные педагоги по вокалу, актерскому мастерству и хореографии, в числе которых художественный руководитель театра — Александр Львович Федоров. Юным актерам собрать зрительское внимание сложнее, чем взрослым, потому что на спектакли приходят их сверстники, которые не испытывают к ним пиетета. Юным артистам нужно встать со зрителями на один уровень, а затем подняться выше. Они должны сделать так, чтобы их слушали. Поэтому отношение к

каждому ребенку в этом театре как к взрослому.

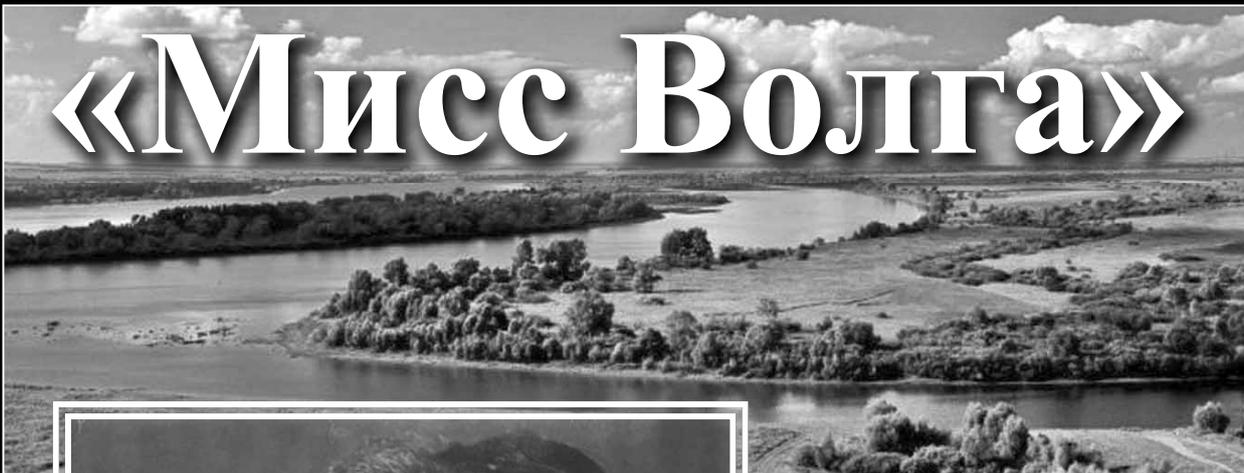
— Что для вас является главным в концертмейстерском искусстве?

— Театральное концертмейстерское искусство нуждается в гибкости мышления пианиста. Чаще всего складывается так, что не всегда есть ноты, не всегда они подходят к той или иной сцене, или вообще написаны в жанре другой пьесы. А если говорить об искусстве в целом, то самый главный его критерий для меня — это искренность! □

Беседовал **Дмитрий Соколов**

«Мисс Волга»

Ее имя знакомо каждому, кто родился и рос в России XX и начале XXI века. А если незнакомо имя, то уж песни-то известны абсолютно точно. Мало кто не слышал «Издалека долго течет река Волга...» И если такой человек найдется, то ему предстоит открыть для себя эту огромную величину по имени Людмила Зыкина.

Будущая певица родилась в Москве 10 июня 1929 года. Ее отец работал на хлебозаводе, мать — санитаркой в больнице. Дом был деревянным, да и все хозяйство было скорее деревенского толка: приходилось

ухаживать за огородом, собирать в близлежащем лесу грибы и ягоды, кормить домашних животных — куриц, поросят, уток, корову.

Поскольку родители, чтобы прокормить семью, работали много,

дочь часто оставляли с бабушкой, которая приезжала из деревни в Рязанской области.

Именно из семьи, где пели все, пошла любовь Зыкиной к музыке. В книге «Течет моя Волга» певица вспоминала: «Какие же были у моих родственников чудесные голоса! Позже в хоре имени Пятницкого, и на радио, и просто в деревнях встречала я сотни певцов и певиц. Но таких голосов, как в доме нашем, не слышала больше нигде! <...> У бабушки был альт, у отца — бас, у тети Паши — скорее всего, меццо. А вот у мамы был голос совершенно своеобразного тембра, высокий».

Наряду с пением Людмила научилась играть и на музыкальных инструментах — гитаре и гармонии. А еще прекрасно танцевала — при больнице, где работала мать, был кружок, который девочка посещала. Но мечтала она в те — предвоенные — годы совсем не о сценической карьере. Молодежь тогда грезила летчиками, и даже девчонки мечтали об авиации. В автобиографии певица писала: «Как и тысячи моих сверстниц, я бредила именами Чкалова, Байдукова... и, конечно, героинями-летчицами — Расковой, Гризодубовой, Осипенко... Играла и в волейбол, и в футбол, и в хоккей — ни в чем не хотела уступать мальчишкам. Летом с велосипеда не слезала. Сама его ремонтировала, разбирала и собирала, смазывала подшипники. <...> Обожала копаться в моторах». Ни-

что не говорило тогда о том, что этой девочке в будущем покорятся многие сцены мира.

Когда началась война, Людмиле было всего 12 лет. Отец ушел на фронт, больница, где работала мать, стала военным госпиталем, а сама девочка устроилась на завод, прибавив себе два года — на работу брали только с 14. Она стала ученицей токаря на Московском станкостроительном заводе. И работа пошла: «Чтобы управлять станком, подставляла скамеечку. Работать было интересно, но все время хотелось спать — я же еще и в школе училась, уроки допоздна готовила. Однажды, чтобы не заснуть, запустила еще соседний станок и стала переходить по очереди от одного к другому. Пришлось здорово попотеть. Но норму перевыполнила», — вспоминала она впоследствии.

Отец вернулся с войны в 1943-м, стал работать на хлебозаводе и дочку туда переманил. Однако надолго там Зыкина не задержалась: судьба свела ее с певицей Еленой Вяземской, которая услышала, как девочка поет, и пригласила Людмилу выступить вместе с ней перед сеансами в кинотеатре «Художественный» — быть на подпевках и танцевать. Она, конечно, с восторгом согласилась.

Когда война закончилась, Людмила стала часто бывать в местном черемушкинском клубе, где районная молодежь ставила спектакли

и давала концерты. Раз в неделю представление было платным, но все собранные средства шли на костюмы для труппы. Иногда, если ей удавалось накопить что-то со своей небольшой зарплаты, она устраивала себе праздник: шла в кинотеатр «Ударник», где перед сеансами выступала певица Капиталина Лазаренко.

Как-то, гуляя с подругами, Людмила увидела объявление о наборе в хор имени Пятницкого и поспорила на шесть порций мороженого, что пройдет отбор. Несмотря на то, что шел уже второй тур, ее согласились выслушать. И она прошла! Взяли всего лишь четверых из тысяч претендентов, и Людмила попала в эту четверку. Ну и мороженое выиграла, конечно.

Ее учителем стал композитор и дирижер Владимир Захаров. Поскольку никакого музыкального образования у девушки не было, ей приходилось много заниматься. Сама она вспоминала: «У Захарова я училась постигать «подходы» к песне. <...> Он осуждал слащавую приторность некоторых певцов, сетовал на их дурной вкус, излишнюю жестикуляцию, подвывания и тому подобные «украшательства», требовал максимальной строгости и простоты исполнения». Большое внимание на репетициях уделяли смыслу произведения — нужно было не просто петь, а «проживать» песню».

Именно вместе с хором Пятницкого Людмила Зыкина впервые по-

пала за границу — в 1948 году она выступила в Чехословакии на фестивале «Пражская весна». Также хор, а вместе с ним и молодая певица, много ездил по стране.

Но все внезапно оборвалось. В 1949 году неожиданно умерла мать, которую Люда очень любила, и от переживаний у нее пропал голос, поэтому все выступления пришлось прекратить. Но она была не из тех, кто надолго впадает в депрессию. Приняв тот факт, что петь она больше не может, Людмила устроилась в Первую образцовую типографию брошюровщицей. И съехала из дома: отец весьма быстро привел в дом новую жену, и Зыкиной пришлось довольно долгое время жить у родственников.

Так прошло два года, и вдруг голос вернулся — так же внезапно, как и пропал. В той же книге «Течет моя Волга» певица вспоминала: «... неожиданно для себя я что-то запела и поразилась — голос вернулся! Я тогда захлебнулась от счастья — пою! Не поверила себе, взяла повыше — звучит! Спела захаровскую «Куда б ни шел, ни ехал ты» — все в порядке!»

В хор имени Пятницкого Людмила уже не вернулась, но стала петь в хоре русской песни Центрального телевидения и радио.

Постепенно мастерство ее росло, и она стала задумываться о сольной карьере. Возможность появилась в 1960 году, когда в Москве проходил Всероссийский конкурс артистов

эстрады. Выступление имело успех, Зыкину заметили — она стала лауреатом конкурса, а вскоре ее пригласили на работу в Москонцерт. После первого выступления она плакала от счастья — наконец исполнилась ее давняя заветная мечта.

Однако ей не сразу удалось перестроиться с хорового пения на сольное — сказывалась привычка быть в коллективе. Она вспоминала: «Придя на эстраду, никак не могла отделаться от ощущения, что зритель в зале меня не слышит, потому что я была приучена петь пе-

композиция «Оренбургский пуховый платок» — о любви дочери к матери. Песня на стихи поэта Виктора Бокова стала одной из самых популярных в ее репертуаре.

Людмила Георгиевна не переставала учиться. Памятуя о том, что музыкального образования у нее нет, а нужно было осваивать новый материал, работать с композиторами, она посещала занятия в Московском музыкальном училище имени Ипполитова-Иванова и постепенно выстраивала свой сценический об-

---

В

середине 1960-х в репертуаре Зыкиной появилась песня «Течет река Волга». Она вспоминала: «Чуть ли не все ее перепели, а я все никак не могла решиться. Но наступил какой-то миг, и я почувствовала, что не могу ее не спеть». Песня стала визитной карточкой певицы, а западные СМИ называли ее «Мисс Волга»

ред микрофоном тихо. Так на ходу приходилось перестраиваться: ломать устоявшиеся привычки, нарабатывать приемы пения».

Репертуар певицы в первые годы состоял в основном из песен о нелегкой женской судьбе: «Слезы», «Мне березка дарила сережки», «Твой отец». Ей самой не хватало лирики, серьезных песен. Несколько лет ушло на то, чтобы пересмотреть программу: теперь вошли песни «Матушка, что во поле пыльно», «Тонкая рябина», «Вечер поздно из лесочка». Вскоре появилась и

раз: появлялись костюмы, в программе использовались не только музыкальные композиции, но и стихотворные.

В середине 1960-х в репертуаре Зыкиной появилась песня Льва Ошанина «Течет река Волга». Стоит отметить, что первым эту песню спел актер Владимир Трошин в фильме «Течет Волга». Людмила Георгиевна вспоминала: «Чуть ли не все ее перепели, а я все не могла решиться — казалось, у меня нет ровного звучания в низком и высоком регистрах. Шло время.

Наступил какой-то миг, и я почувствовала, что не могу не спеть ее». Песня стала визитной карточкой певицы, а западные СМИ называли ее «Мисс Волга». Когда певица оказалась за границей, с ней мечтали спеть коллективы, о которых она знала только по рассказам и фотографиям. Однажды на гастролях к ней подошли солисты группы «Beatles». Ливерпульская четверка попросила исполнить вместе хотя бы одну песню.

«Битлы» захотели со мной спеть. Сами подошли, познакомились и спели на русском один куплет песни, единственный, который знали: "Вот мчится тройка почтовая"».

Музыканты подарили ей серебряный крестик, который Зыкина долгое время повсюду возила с собой.

В 1977 году она окончила Государственный музыкально-педагогический институт имени Гнесиных, после чего стала преподавать в Московском государственном институте культуры на кафедре народного хора.

Ее семейная жизнь между тем текла параллельным курсом. Замужем артистка была четыре раза, но ни один из браков не принес ей детей. Это был сознательный выбор Людмилы Георгиевны: рожать «для нянек» она не хотела, а помыслить о том, чтобы даже на короткое время отказаться от карьеры, не могла.

Ее первым мужем был инженер автомобильного завода Владлен

Позднов. Они познакомились в типографии, в сложный для Зыкиной период, когда у нее пропал голос. Но когда, во многом благодаря заботе мужа и его теплоте отношению, голос вернулся, Людмила стала много ездить на гастроли с хором. Это никак не укрепляло брак, и вскоре супруги расстались.

Вторым мужем певицы стал фотокорреспондент журнала «Советский воин» Евгений Свалов. Они познакомились в троллейбусе: Зыкина возвращалась с репетиции и села напротив будущего супруга. Ему девушка сразу же понравилась, и журналист решил проводить ее до дома. Предложение было сделано буквально через пару месяцев после знакомства. Но и этот брак продлился недолго.

Третьим мужем Людмилы Георгиевны стал преподаватель иностранных языков и личный переводчик патриарха Алексия I Владимир Котелкин. Это был достаточно длительный союз — вместе супруги прожили десять лет. Однако и этот брак закончился разводом.

Зыкина понимала, почему мужа уходят от нее: ежедневные репетиции, работа за полночь, уставшая жена, посвящающая себя не домашнему очагу, а творчеству.

В 1975 году певица познакомилась со своим четвертым мужем — баянистом Виктором Гридиным. Через два года она основала собственный ансамбль, который и возглавил ее муж. Несмотря на то, что

к моменту знакомства с Людмилой Георгиевной Гридин был женат и имел двоих детей, он оставил семью ради певицы. Это был самый долгий брак — 17 лет, но и он распался в 1993 году.

Ей часто приписывали романы с влиятельными персонами. Так, по Москве гулял слух о том, что Зыкина — тайная жена недавно овдовевшего члена Политбюро ЦК КПСС Алексея Косыгина. Сам Косыгин историю воспринял с юмором. Проходя мимо певицы, он как-то пошутил: «Ну, как успехи, невеста?»

Еще одна большая любовь Людмилы Георгиевны — высокопоставленный чиновник из Молдавии. Его репутация должна была остаться незапятнанной, поэтому о свадьбе речь не шла. Но когда Зыкину спрашивали, была ли в ее жизни самая сильная любовь, она отвечала: «Была. Одна — на всю жизнь. Но я не могла с этим человеком соединиться, потому что он был несвободен. А ведь он меня любил, обсыпал черешней с ног до головы. Черешней! Ты понимаешь, что это такое?»

Когда в жизни Людмилы Георгиевны случались личные неудачи, она с головой погружалась в работу. Русский народный ансамбль «Россия», созданный Зыкиной в 1977 году, продолжал гастролировать. Певица вспоминала: «Темп мы взяли немислимый: к началу 80-х годов вышли на уровень 100–120 концертов в год! Умом и сердцем чувство-

вала, что направление и ритм взяты правильно». Ансамбль принял участие в программе Олимпиады-80 в Москве.

В 90-е годы Зыкина уже реже выходила сцену: под фонограмму петь, по ее собственным словам, не умела, и предпочитала отменить концерт, нежели разочаровать зрителей.

За время ее творческого пути история в России менялась неоднократно, но Зыкина всегда была в фаворе у действующей власти. Причем, судя по ее характеру, во все к этому не стремилась — просто делала то, что нравилось самой. При этом была любимой певицей Никиты Хрущева и Леонида Брежнева, дружила с министром культуры Екатериной Фурцевой, с которой они вместе ходили в баню. После смерти Екатерины Алексеевны на время похорон Людмила Георгиевна отменила свои гастроли.

В начале нулевых у певицы начались проблемы со здоровьем. 10 июня 2009 года она отметила 80-летний юбилей, получив поздравления и орден «За заслуги перед Отечеством» I степени от президента Дмитрия Медведева. А уже через три недели ее не стало. Похоронили Людмилу Георгиевну Зыкину с воинскими почестями на Новодевичьем кладбище в Москве. В том же году ансамблю «Россия» было присвоено имя Людмилы Зыкиной. □

Поэтесса из Усмани

В Липецкой области на небольшой одноименной речушке раскинулся городок Усмани. Возник он еще в 1645 году как крепость на Белгородской засечной черте. Верой и правдой служилые люди охраняли здесь южные рубежи Российской державы от набегов крымских татар и ногайцев. Много повидал этот небольшой городок, а список знаменитостей, родившихся в нем, можно продолжать бесконечно — десятка три-четыре наберется. Но каким-то образом «выпала» из этого списка поэтесса Ольга Яхонтова...

Родилась Ольга Иосифовна в 1883 году в семье городского нотариуса Иосифа Адамовича Шеппа. Девочка получила домашнее образование, так как в Усмани не было в то время гимназии, она находилась за сотни верст, в губернском Воронеже. Здесь и решено было продолжить обучение Ольги. Училась она в Мариинской женской гимназии, кото-

рую окончила в 1900 году. По окончании Мариинки Ольга вернулась в родительский дом. И надо было так случиться, что именно в Усмани она встретила своего единственного дорогого человека. Им оказался И.Ф. Яхонтов. Иван Федорович, педагог по образованию, стал вскоре инспектором земских училищ Усманского уезда Тамбовской губернии. Он не слыл ни революционером, ни либералом, просто был честным, добропорядочным человеком. Но всеми силами старался поддерживать талантливых учеников. Благодаря ему немало выходцев из крестьянских семей, народных самородков, учились в высших учебных заведениях. Среди них был и крестьянский паренек из захолустного села Берзнеговатки Н.И. Пчельников. Позднее Никита Игнатьевич внес огромный вклад в становление советской артиллерии — стоял у истоков радиолокационного оружия, и «дорос» до звания академика-секретаря Артиллерийской академии имени Дзержинского. По воспоминаниям родственников и сына Юрия, Никита Игнатьевич всегда с теплотой вспоминал супругов Яхонтовых.

Живя в Усмани, Ольга начала писать стихи. Большинство из них были посвящены теме любви. Она нигде их не публиковала, читала только супругу и в близком кругу друзей.

*Розы расцветшие, небо лазурное,
Песнь соловьиная страстная*

*Грезы волшебные, счастье
безумное,
Жажда любви необъятная!
Листья завядшие, краски
потухшие,
Жалоба ветра тоскливая,
Сумерки хмурые, сны обманувшие,
Греза о счастье разбитая!..*

Причем все свои лирические стихи Ольга Иосифовна посвящала любимому мужу:

*Я вся еще полна недавней нашей
встречей,
Еще в душе моей трепещет
счастья луч,
И слышатся чарующие речи,
И поцелуев след томителен и жгуч...
Я вся полна тобой, и радости
безумной
Не в силах скрыть: ликую и пою,
Я грезю живу несбыточную,
чудной,
И все поет во мне: «Люблю тебя,
люблю!»*

А вот эти поэтические строки, думаю, не оставят в покое даже самого равнодушного и черствого:

*Зачаруй меня нежной лаской,
Ты зажги меня страстью своей,
И волшебной, несбыточной
сказкой
Убаюкай меня поскорей!
Возврати мои светлые грезы,
Мое сердце от сна пробуди,
Дай забытые, сладкие слезы,
Дай восторг мне и радость
любви!*

*Дай упиться мне счастьем
свидания,
Зачаруй меня лаской своей!..*

Иван Федорович постоянно говорил жене о публикации ее стихов и, в конце концов, уговорил Ольгу Иосифовну. В 1908 году в Воронеже в товариществе «Печатня С.П. Яковлева» вышла ее единственная прижизненная книга «Песни о любви. Стихотворения». В этом сборнике отразилась вся теплота и глубина чувств двух любящих сердец:

*Для тебя одного только, милый,
Мое сердце сильнее забилося,
Для тебя лишь неведомой силой
Чувство спавшее вдруг
пробудилось;*

*И душа встрепенулась, ликуя,
Как природа под вешнюю лаской,
И тебе одному лишь пою я,
Очарована дивною сказкой.
Моей песне ты внемлешь так
чутко,*

*Ты охвачен ответною
страстью;*

*А в душе моей сладко и жутко:
Как дитя я поверила счастью!*

Юность, прошедшая в Воронеже, конечно, оставила в ее жизни и творчестве определенный след. Ольга хорошо была знакома с творчеством самобытных воронежских

поэтов А.В. Кольцова и И.С. Никитина, даже написала в 1909 году стихотворение «Гимн И.С. Никитину», который часто бывал в Воронеже.

Сама она, пережив октябрьские события, всегда находилась в гуще воронежской жизни: принимала участие в создании Союза женщин в городе, преподавала в одной из воскресных школ для женщин.

Умерла Ольга Иосифовна 8 марта 1923 года. И похоронили ее, как она и просила, в родной Усмани.

После ее смерти, уже в 1925 году, в столице вышел новый сборник стихов, который назывался «Снегири». В одном из стихотворений, вошедших в этот сборник, есть очень лирические, проникновенные и выстраданные строки:

*О, если бы забыть, о, если бы
забыться,*

*И сердцу вновь свободу возвратить,
Чтобы оно могло спокойно, ровно
биться,*

*Не тосковать, не ждать и не любить!..
О, если бы забыть, о, если бы
забыться,*

*Чтоб возвратить душе утраченный
покой,*

*И не любить бы так, к тебе так
не стремиться,*

*Не быть твоей безвольною
рабой!.. □*

КУНЦЕВСКАЯ

— Алло! Я в метро, не могу говорить. Перезвоню.

— Опять перезвоню?!

Он всегда был чем-то занят, и иногда ей казалось, что «не могу говорить, перезвоню» — это единственная фраза, которую он знает.

«Хочешь кофе?» — «Не могу говорить, перезвоню». — «Ты сегодня задержишься?» — «Не могу говорить, перезвоню». — «Ты меня любишь?»...

Если бы у нее хватило храбрости задать ему этот вопрос, ответ наверняка был бы таким же — «не могу говорить, перезвоню».

Ей хотелось закричать, выбросить в воздух всю накопившуюся злость на этого... «Перезвоню».

«Если бы в вагоне не было людей, я бы точно это сделала», — промелькнуло у нее в голове. А еще она запустила бы мобильником в окно напротив и с удовольствием смотрела бы, как он, развалившись от удара о толстое стекло, разлетается в разные стороны, и вся его электронная требуха, кувыркаясь в воздухе, падает на сиденья и пол вагона.

Но она, конечно, этого не сделает. Почему?..

Во-первых, потому что она хорошо воспитана и законопослушна, во-вторых, ей жалко свой новенький Samsung, поэтому, вместо того чтобы разнести его вдребезги, она выместила свою злость на кнопке выключения, с силой нажав ногтем указательного пальца. Мобильник поспроотивлялся мгновение, вздрогнул и погас...

«Все. Пусть теперь он меня ищет...и волнуется», — злорадно подумала она.

Хотя вряд ли это произойдет. Слишком рассудительный и спокойный тип этот гражданин «Перезвоню»...

Она посмотрела по сторонам. В вагоне было просторно, светло и как-то спокойно. «Осторожно, двери закрываются», «Находясь на эскалаторе, стойте справа, проходите слева»... Двигаешься себе из пункта А в пункт Б, все продумано, точно, правильно. Красота! Для нее, человека, который лучшие часы своей жизни проводит в бесконечных пробках, эта дневная поездка в метро до Кунцевской была перерывом в ежедневном марафоне, который начинался в очереди за кофе без лактозы и вегетарианским сэндвичем, продолжался выполнением идиотских указаний начальника и заканчивался звонками этому «Перезвоню».

Она понимала, что он много работает, действительно тащит на себе всю фирму, но ей иногда так хотелось, чтобы он пришел домой раньше нее, сидел бы на диване и смотрел какой-нибудь футбол или хоккей...

Она никогда не планировала эти поездки. Просто наступал день, когда приходило время ехать в Кунцево, и она звонила на работу, брала отгул, спускалась на «Смоленскую» и ехала в Кунцево. Шестнадцать минут без пересадок. Ни минутой больше, ни минутой меньше... Брала с собой только альбом в потертой дерматиновой обложке, который выпросила у матери, и, удобно усаживаясь в углу вагона, гладела в окно или рассматривала старые фотографии.

Прабабушку она любила и хорошо помнила. Они с дедом жили в Кунцево, в доме из толстых бревен, куда переехали в конце сороковых с Алтая. Прадед вернулся с войны весь израненный, без глаза и трех пальцев на левой руке, с синим от пороха лицом. Будучи инвалидом первой группы, он устроился на работу в какой-то фотосалон. Фотографировал и развозил восстановленные или увеличенные фотографии по деревням. На это они и жили.

Прадеда она не знала, он умер до ее рождения, но фотографии его сохранились. Подтянутый, небольшого роста мужчина в галифе, кителе, застегнутом на все пуговицы, и офицерских сапогах.

Дом в Кунцево, судя по фотографии, был большой, из толстых бревен, но состоял почему-то только из кухни, двух комнат и большой застекленной веранды с кроватью, на которой лежала толстая перина и такое же толстое одеяло с подушками.

Большой сад с высокими деревьями у забора охраняла Найда, немецкая овчарка. Вот она в альбоме гавкает на кого-то...

Вообще здесь на удивление много фотографий. Аккуратно вставленные в фигурные прорези по краям страниц, они рассказывали историю жизни людей, многих из которых уже давно не было в живых, а некоторых она вообще не знала. И хотя на фотографиях у всех довольный вид, смотреть на них, счастливых, было немного грустно и странно. Какой-то толстый красавчик лет пяти вдруг оказывается твоим отцом, смущенно улыбающиеся фотографу девушки — какие-то его тети, которым сейчас по девяносто, и живут они в разных концах планеты...

«Осторожно, двери закрываются, следующая станция «Киевская», — проговорил красивый женский голос.

Где они берут таких? В обычной жизни она никогда не встречала людей с такими голосами и про себя подумала: «Это как встретить манекенщицу с длинными ногами в булочной на углу».

Как-то они с «Перезвоню» пошли на «Кармен». Дикая скукота в очередной раз смотреть, как ревнивый Дон Хозе из ревности убивает цыганку Кармен, но к ним приехали гости, которые никогда не были в Большом, и у нее не было выбора. Пришлось потратить кучу денег и несколько часов бороться со сном в полутемном зале.

Так вот там, в перерыве, среди толпы мужчин в мятых пиджаках и женщин в длинных платьях, в сопровождении какого-то серого типа стояла удивительно красивая девушка на каблуках-шпильках и в коротеньких шортах, которая возвышалась над пьющей и жующей толпой. У «Перезвоню» челюсть отвисла, когда он ее увидел.

«А, по-моему, я не хуже», — подумала она и почему-то вздохнула.

Все пассажиры, как один, сидели, уткнувшись в свои мобильники, кто-то, улыбаясь, смотрел фильм или с белыми запятыми наушников в ушах кивал в такт музыке, и ей вдруг пришла в голову мысль, что, если бы она и решилась шарахнуть мобильником в окно, то никто бы, наверное, не обратил внимания...

С «Перезвоню» всегда было непросто, и хотя за четыре года, что они вместе, произошло много хорошего, она никогда не чувствовала, что он полностью принадлежит ей. У «Перезвоню» было много друзей, с которыми он или служил в армии, или учился в институте, или с прошлой работы, или с нынешней, с которыми он регулярно уходил на футбол, или выпить пива, или навестить общего друга, или просто «срочно по делу», оставляя ее вечером одну в компании телевизора...

В эту поездку в Кунцево она планировала погулять в районе, где когда-то работал кинотеатр «Бородино». Ее отец, замечательный рассказчик, вспоминал, как он мальчишкой один раз пошел на «Ричарда III»

и потом долго боялся темноты, представляя, как зловещий горбун убивает всех на своем пути к престолу.

Она не знала, почему ее тянет в этот старый спальный район советской Москвы. Наверное, из-за фотографий в альбоме: коричневая лампа из бакелита на столе, часы «Маяк», которые были в каждом доме, кукла Аленка, внутри которой находился какой-то хитрый механизм, и она умела открывать глаза и произносить «Ма-ма». А еще из-за странного очарования длинных панельных и кирпичных домов с клумбами, бабушками и мамами с колясками у подъездов — казалось, что за целую жизнь здесь ничего не изменилось...

«Осторожно, двери закрываются, следующая станция «Студенческая», — снова произнес красивый женский голос.

«А вдруг он меня ищет? Может, волнуется?» — подумала она, и ей вдруг захотелось включить мобильник. Она посмотрела на темный экран и... не включила.

«Волнуется... Ха! Сидит, наверное, на очередном совещании и даже не думает волноваться. Небось вспомнит обо мне только вечером, когда откроет холодильник: «Заяц, а что у нас есть пожрать не вредного?..»

Двери вагона открылись, и в него, о чем-то оживленно переговариваясь, вошли несколько парней и девушек. Один из парней, высокий, небритый, громко рассказывал что-то смешное, а остальные его слушали и потом все дружно рассмеялись.

«Весело им», — почему-то с завистью подумала она.

Высокий, видимо, довольный собой, обвел вагон безразличным взглядом, вдруг наткнулся на нее... и заинтересовался.

«Еще чего, размышлялся», — подумала она, закрыла альбом и положила его в сумку.

«Кунцевская» была уже близко.

Она смотрела, как за окном, будто на театральной сцене, появлялись и исчезали высокие жилые дома, столбы и провода электропередач, склады и крыши хозяйственных построек, машины, люди на платформах, автомобильные и железнодорожные развязки — персонажи удивительного спектакля, рассказывающие историю вечного города по имени Москва, в котором переплелось прошлое с будущим и настоящим.

Это непрерывное движение вдруг успокоило ее, прогнало злость на гражданина «Перезвоню».

«Осторожно, двери закрываются, следующая станция «Кунцевская»...

Она поднялась, подошла к двери и, повесив сумку с альбомом на плечо, взялась за поручни перед выходом.

«Может, я зря? Если бы что-то было по-настоящему не так, я бы сразу заметила. На самом деле я тоже не подарок. Взять хотя бы мои поездки... Ведь «Перезвоню» никогда ничего не говорит, хотя знает, что я еду сюда. Да я никогда и не скрывала. Если задуматься, довольно странная привычка все бросать и ехать в Кунцево...»

Выйдя на перрон «Кунцевской», она села на вогнутое сиденье скамейки, посидела немного, задумчиво рассматривая покрытие пола платформы, и вдруг решила:

«Поеду-ка я назад. Может, «Перезвоню» вернется сегодня раньше, а меня нет».

— Маша! — неожиданно раздался знакомый голос.

Она подняла голову и увидела перед собой его, гражданина «Перезвоню» с большим букетом цветов. Эти цветы совершенно не вязались в ее голове с его привычным обликом.

— Ну что это такое?! Твой мобильник не отвечает! Хорошо еще, я знал, что ты поехала на метро, — произнес он каким-то странным голосом, как будто действительно волновался.

Она непонимающе посмотрела на него:

— Почему ты здесь, Максим? Что случилось?

Максим вдруг неуклюже встал на одно колено.

Где-то сзади остановился поезд. Выходящие из него люди бросали в их сторону недоуменные взгляды, некоторые улыбались. А Максим, не обращая ни на кого внимания, смущенно посмотрел на нее снизу вверх, засунул руку в карман куртки, вытащил маленькую красную коробочку и без слов протянул ее Маше... □

Ольга Бугаева

Островок счастья

В детстве и отрочестве жизнь людская представлялась мне ярким беззаботным полотном. Шли годы, менялась жизнь, и менялись мои представления о ней.

В руках старая фотография, помутневшая от времени, на обороте надпись «Самотлор, 1982 г.». Вглядываюсь в лица. Папка... а это... И память возвращает меня в то далекое лето, где-то под Нижневартовском. Папа, уступив моим слезам, взял меня с собой в геологическую экспедицию. Тогда, в 12 лет, это было верхом счастья.

Отец наш был гидромелиоратором. Само это слово мне тогда казалось трудно выговариваемым, да и вообще несерьезным, поэтому я всем врала «Мой папа ге-о-лог». Врала я отчаянно, вдохновенно, на ходу сочиняя небывалые про драгоценные камни, погони... При приближении мальчишек я придавала ситуации особую секретность: мой голос становился приглушеннее, сложенные домиком ладони прикрывали рот, и, склонившись к подружке, я переходила на шепот.

Но мои представления о профессии геолога тем летом рухнули, и энтузиазм мгновенно погас, как только я увидела их тяжелый ежедневный труд: однообразные занятия, неустроенный быт... Но я им помогала на совесть. Не только потому, чтобы не позорить отца, еще и потому, что многое хотелось попробовать самой.

Что такое полевой дневник, я знала. Все, что находят, исследуют, наблюдают, все сведения о маршруте записываются в этот дневник. Его пропажа была сродни разве что катастрофе. Это означало, что все усилия экспедиции пропали зря, «сизифов труд», и весь маршрут надо будет проходить снова, вот только восстановить все до скрупулезной мелочи практически невозможно. Вот поэтому его берегли пуще ока, и ни один участник экспедиции никогда не отправлял дневники со случайными людьми вместе с багажом. Все записи в нем делались исключительно карандашом.

В группе геологов был егерь — дед Игнат, искусный сказитель. Он любил тайгу и много рассказывал о ней. А при виде чужаков плечи его разворачивались во всю ширь, спина становилась прямой, и, невысокий от рождения, коренастый, он казался богатырем. Слова становились холодными, взгляд колючим. Всем своим гордым видом дед Игнат давал понять, кто здесь хозяин.

— Это наследственное, потому как понима-а-ем, малейшая оплошность — в тайге ли, на реке — верная погибель, этот край быстро образумит, — объяснял старик.

Во время коротких вылазок в тайгу он знакомил меня с таежным царством. В то, что на Ивана Купалу расцветает папоротник, под которым зарыт клад, верил каждый ребенок. И только став взрослой, я узнала, что это всего лишь красивая сказка — папоротник никогда не цветет. Я благодарна деду Игнату за то, что не развеял тогда этот миф.

— А вот растение княжик сибирский, в наших краях его называют сибирской лианой, удивительно похоже на девушку с опущенной вниз головой, разглядывающую что-то под ногами, — вот оно-то не простое, с загадкой растение, — хитро улыбался дед.

Вертя в руках цветок, аккуратно отодвигая повисшие вниз длинные узкие белые лепестки, как будто убирая прядь с лица девушки, он рассказывал очередную красивую легенду.

— А еще — это верное лекарство от головной боли. Вот поедешь домой, возьмишь с собой, я обскажу, как заваривать...

Запомнился и бригадир геологов Степан Ильич. Серьезный, молчаливый, вечно склоненный над записями. Как сейчас вижу его крепкую, широкую руку, вынимающую карандаш из-за уха. Карандаш, описав в воздухе полукруг, замирает, потом стремительно опускается вниз, и вот уже деревянный человечек скользит по бумаге. Речь его была неспешной, слова он произносил чинно, будто взвешивая, и они, слетая с его губ, становились удивительно емкими и точными.

Помню и Ивана, он был не то биолог, не то химик. Суматошный какой-то. Все время суетился, пытаюсь успеть все и сразу. Даже поздним вечером, когда дневные заботы и бытовые хлопоты оставались позади, и за ужином, перед сном, можно было расслабиться, он всегда ел торопливо, порой вскакивая и доедая пищу уже на ходу, — спешил то силки на зайца проверить, то еще куда-нибудь. Будто неведомая сила какая его влекла, поднимала и крутила, как волчка на круговерти. Бабушка про таких людей говорила «заполюшный». Таким он и был. А сколько раз приходилось видеть на нем неправильно надетый свитер! Меня это всегда смешило. Но особенно смешил его говор, с постоянно выскакивающей частичкой «та», которая выдавала жителя южных областей. От него я узнала, что растения и цветы тоже работают на разведку — помогают определить, какой клад зарыт под ними. Не тот, что зарыли разбойники и бандиты, а тот, что спрятала сама мать-природа. Например, жекняжик, когда под ним залежи меди, разрастается быстрее своих сородичей, цветок его становится крупнее, а листья приобретают красновато-бурый оттенок, могут и вовсе почернеть. А у сон-травы, при избытке никеля в

почве, наоборот, красивый крупный цветок становится мелким, даже семена его пропадают. Вот такие секреты выдают растения геологам.

Был в группе и геолог Ромка — молодой, высокий, поджарый, с белозубой улыбкой на загорелом лице, весельчак и балагур, каких поискать. Через плечо висит холщовая сумка на ремне. Он только что из тайги, куда всегда ходил со своим верным другом — псом Бураном. Таким — смеющимся, белокурым, с растрепанными ветром волосами, — он и остался в моей памяти. Однажды я случайно увидела на столе Ромкин раскрытый ежедневник и застыла в оцепенении. Оказывается, он отлично рисовал. Я же рисовать совсем не умела, но до того самого момента особой печали по этому поводу не испытывала. На страничках его блокнота порхали диковинные птицы, причудливые цветы то прятались на полях, то выглядывали между слов, написанных красивым каллиграфическим почерком, то, стараясь прикрыть кончиком лепестка букву, свисали над ней в задумчивости. Правый нижней уголок странички охраняла кобра с поднятой передней частью и раздутым капюшоном. Тело, скрученное в горизонтальную восьмерку, находилось в самом низу страницы, под текстом, а та часть приподнятого тела с раздутым капюшоном заступала на боковое поле. Вот эта кобра и вызвала мое восхищение. Она была настолько живой и реалистичной, что, казалось, даже слегка покачивается и готова к молниеносному броску, стоит только шагнуть к ней навстречу. Зрелище было завораживающим, хотя нарисована змея была простым и коричневым карандашами. Я услышала за спиной голос Ромки:

— У тебя есть шанс ретироваться. Кобра всегда сначала предупреждает и только потом делает бросок. Что, нравится змея?

— Ром, она прямо как живая, как настоящая! Как тебе все это удается?!

— Чудная, ты Оля, тебе бы птичками да цветочками любоваться, а тебя змея очаровала. А рисовать я всегда любил, тетка научила всем премудростям, она у меня в «художке» преподает. Это моя отдушина.

Ромка достал карандаш, открыл блокнот на чистой странице и положил прямо передо мной. Рисовать я совсем не умела, но храбро взяла карандаш, нисколько не стесняясь своей бездарности по рисованию, и нарисовала горизонтальную восьмерку на всю ширину страницы...

Следующие дни, вплоть до самого отъезда, я корпела над папиным блокнотом. Ромка иногда наблюдал со стороны, а иногда подходил, поправлял какую-нибудь деталь своим карандашом, объясняя мне, где нужно сильнее надавливать, а где слегка касаться, учил держать карандаш под разными наклонами.

Стоит ли говорить о том, что на День учителя в школьной стенгазете над поздравительными стихами парили листья, и изящные лепестки цветов мирно покоились на именах учителей? Я дорисовала это тайком, когда осталась убирать класс после уроков. Учительница рисования и черчения, выясняя, кто рисовал простым карандашом, чтобы похвалить и поставить пятерку,

не поверила мне, но потом на уроке извинилась и похвалила. Но это будет потом, осенью...

Вертолет выплывал из багряного заката, но еще задолго до его появления над тайгой раздавался глухой гул. Уезжать совсем не хотелось. Хотелось спрятаться, затаиться где-то за деревьями, каким-нибудь чудом отодвинуть отъезд. Я отчетливо вижу ту поляну, залитую лучами скупого северного заходящего солнца, напоенную запахами сырой земли, с растекающимся в воздухе хвойным горьковато-терпким ароматом; стоящих на поляне людей рядом с папкой; тот день, уносивший последние мгновения летней свободы и первую любовь. В копилке души остался зеленый островок счастья и те люди, с которыми я провела целый месяц. Каким невыносимо прекрасным видится мне сейчас, сквозь призму времени, тот день, в трепыхающемся сиреневом сумраке заката...

Домой я вернулась повзрослевшей, худой, «наполовину съеденная мошкой», — охала бабулечка. Привезла подружкам гостинцы — кедровые шишки. Сибиряки рассказывали, что никакие ураганные ветра, никакие дожди не собьют эту шишку с ветки, пока она не созреет.

И уже дома, засыпая, слышался мне сердитый голос егеря:

— Разве оне люди? Человек-то, он для добра на землю приходит, а эти — гнилое семя, и душонка их подлая, — сетовал он на браконьеров.

И я, уютно свернувшись под одеялом, проваливалась в сон, думая о том, что следующим летом обязательно попрошусь в гости к деду Игнату.

«Подлость появляется там, где совесть умирает», — сказал однажды дед Игнат, когда мы разговаривали о жизни. И мне запомнились эти простые, правдивые слова, запомнилось то, каким тоном они были сказаны. Это вообще было время осознания многих вещей. Ночью, когда горит костер, небо и звезды кажутся намного ближе, чем в вечернем сумраке, в голове роятся разные мысли, и порой, к тому моменту, когда гасло пламя, многие ответы приходили сами собой. Мне было всего 12 лет — пограничный возраст детства с отрочеством. Именно после этой летней поездки я ответственнее стала относиться к домашним обязанностям, к учебе. Именно тогда зародилась у меня любовь к искусству. Я пропадала в библиотеке, рассматривая в художественных альбомах иллюстрации и полотна великих художников, читала их биографии. Это было самое счастливое лето в моем детстве.

Кто знал, что спустя годы река жизни, сделав огромный зигзаг, вернет меня на этот островок счастья... Здесь у меня родятся сын и дочь. Здесь пройдут самые счастливые моменты моей жизни. Воспоминания всегда возвращают меня мыслями к тем людям, в то далекое детство, которое плавно перешло в отрочество... □

Борис Рябухин

СТОЮ У МОРЯ В НЕПОГОДУ

Стою у моря в непогоду
Порой ночной.
Глубок и зыбок, и тревожен
Мрак предо мной.

А ветер тучи разрывает
И в даль несет.
Лишь изредка в провалах неба
Звезда блеснет.

Вздыхает, мечется, скрежещет
Громада волн.
В груди прибою вторит сердце
И рвется вон.

Вот жизнь моя — кипит и плещет,
Свой труд верша.
Лети без страха в эту бездну,
Моя душа!

АЛЛЕЯ

Аллея в небо уходила,
Роняя мишуру ветров.
Животворящие стропила
Несла из городских голгоф.

Горела в истощенных кронах
Лучей терновых благодать.
Шуршал под крестным ходом ворох
Надежд, уставших трепетать.

ПЕРЕЛЕТНЫЕ ГОДЫ

Перелетные годы мои,
заповедные годы,
Возвращаетесь вы,
лишь оттаит немного душа.
Озарятся надеждой
ее омраченные своды —
И смогу я опять
разглядеть ваш полет не спеша.

Неуемные годы мои,
улетели из дома.
Но вдали от земли корневой
не обжили гнезда.
Все чужим остается,
что не было с детства знакомо.
Вас едва узнаю,
и меня изменили года.

Позабылась родня
под цветущими в небе крестами.
Покосившийся дом
продала постаревшая мать.
И куда ж вы вернетесь
с окрепшими в грозах птенцами?
Вы кружите, кричите —
покинутых мест не занять.

Почему и ношу я
дыхание Волги по свету.
Перелетные годы,
весенней порой налегке
Возвращайтесь ко мне
издалека по вещему следу,
Так — как волны с истока
до устья летят по реке.

В ХОЛОДНОМ ОГНЕ

Я розу покинул — она умерла.
Зачем расцветала? Зачем-то жила.

Чуть плеву поранил, раскрывшись, бутон.
И алою ранью окрасил свой тон.

Ценила росинку и солнечный блик.
Могла с наслаждением цвести каждый миг.

А чтоб от срывающих рук ускользать,
Готова и зубки-шипы показать.

Чтоб вздрогнуть, услышав восторг, в свой черед:
«Какая красивая роза цветет!»

Чтоб губ лепестками касаться слегка
И свой аромат оставлять на щеках.

Когда же до крика расцвет изойдет,
И роза завянет, и запах замрет.

И долго сгорать ей в холодном огне,
И пепел печали — вся память о ней.

Я розу покинул — она умерла.
На радость, страданье и славу жила.

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

О чем скорбит душа моя,
О чем томится?
О том, что вскроет вешний лед
Волненье вод?
О том, что вознесется дух
До неба птицей
И беззащитно всем мирам
Грудь распахнет?

О чем грустит душа моя
И что так ропщет?
В глазах скрывает божий страх
Или испуг?
Боится обнажить себя
Осенней рощей,
Подставив наготу ветвей
Хлестанью вьюг?

О чем болит душа моя
В потемках тайных?
О том, что через этот лес —
Дорога в ад?
Где топи похоти и грез,
Пороков стаи,
Где хищный клюв, змеиный яд
И волчий взгляд...

О чем скорбит душа моя
До гула в сердце?
Не от того ль со всех сторон
Вечерний звон?
За скорбь всех радостей земных
Я натерпелся,
За радость всех земных скорбей —
Вознагражден!

ДУРОЧКА ИЗ ПЕРЕУЛОЧКА

Глава 1

С тех пор, как Лаура выскочила на асфальт прямо из окна филармонии, расположенного на втором этаже старинного здания, и исчезла в неизвестном направлении, я не находила себе места. Вероятно, тогда она сразу же уехала из города, взяв небольшой саквояж, с которым перемещалась, судя по ее образу жизни, по многим городам, а заодно прихватив с собой и несколько тайн, загадок, которые мне, признаюсь откровенно, очень хотелось бы разгадать. Да что мне! Я думаю, что весь угрозыск нашего небольшого провинциального города — между прочим, областного центра — в знак благодарности ежедневно дарил бы ей цветы и стоял бы, коленопреклоненный, у ее ног, если бы она задержалась хоть на полчаса и поведала, кто и зачем убил вздорного, часто пьяного пожилого вахтера и администратора филармонии, скользкого пройдоху средних лет, который, попавши в сети, как маленькая рыбешка, всегда находил путь к ячейке и вырывался на свободу, но тут его вырубил раз и навсегда, а в ячейку уплыли баснословные деньги, приготовленные для звезды эстрады, соблаговолившей согласиться дать у них один концерт и назвавшей космическую сумму, которая и была собрана с помощью местных бизнесменов, равнодушных к данной звезде. Но Лаура исчезла, и занавес этого трагического спектакля тогда так и не был открыт. А кто, судите сами, мог это сделать? В то самое время, вечером, в филармонии, занимавшей два

этажа четырехэтажного дома в самом центре города, кроме администратора и Лауры, работавшей там пока неофициально в качестве пресс-секретаря и освещавшей в газете филармонические концерты, творческие планы, словом, все их до-ре-ми-фа-соль-ля-си, больше не было ни души! Если не считать, естественно, вахтера, который призван был не пускать посторонних не только в филармонию, но и в фирму, торгующую самыми различными гадальными картами и расположенную на третьем этаже вместе с природоохранным комитетом, которому принадлежал и четвертый этаж. Лишь один кабинет этого комитета находился внизу, рядом с главным входом в здание, и в этой небольшой комнате располагался ксерокс, факс и еще какая-то аппаратура. Так что на территории филармонии был еще один человек — оператор Надя, имевшая непосредственное отношение к убитому вахтеру Василию Евдокимовичу Хромову — была его родной дочерью и в самое ближайшее время собиралась сменить фамилию и выйти замуж за Павла, хорошего парня, уже не первый месяц обивающего ради нее пороги этого здания.

Именно Надя, задержавшаяся на своем ксероксе из-за срочного задания, и обнаружила труп отца. Она не слышала криков, шума, возни, и это было естественно — работала аппаратура, к тому же у нее было открыто окно, выходящее на улицу. Два или три раза — Надя точно не могла вспомнить — она отлучалась, ходила на третий и четвертый этажи, относила напечатанные бумаги, брала новые задания. Застывшая фигура отца, сидящего за столом возле входа и низко опустившего голову, ее не удивила и не встревожила — он часто сидел именно так, когда был пьян, и в эти минуты лучше было его не трогать, впрочем, последнее время таким он бывал редко. Надя по-своему любила отца и когда, закончив работу, собиралась домой, по пути погладила отца по склоненной голове, прошептала: «Пока, па, проснись, выпусти меня!» И тут голова вдруг упала, как-то звонко ударилась об стол, и она увидела на его спине какой-то длинный черный предмет, торчащий из серого свитера, который она связала ему совсем недавно, когда научилась вязать. Она дотронулась до него, и под ее пальцами рукоятка ножа слабо качнулась...

Надя закричала так громко, что ее начальник и зам тут же сбежали вниз и стали звонить в полицию и «Скорую помощь».

И в эти самые минуты Лаура выпрыгнула из окна второго этажа, медленно прошла шагов двадцать и скрылась в парке, который тянулся отсюда километра на два. А известно все это стало по очень простой причине — напротив, окна в окна, жила Лида, подруга моей коллеги Анны Сергеевны, чей неверный муж работал в охране природы, и она, взяв больничный лист, уговорила Лиду предоставить комнату в ее пользование, вооружилась би-

ноклем и ежедневно выслеживала своего «благоневверного», чтобы, как она потом говорила, знать, с кем и какими методами бороться. Бинобль сразу уловил «полет» Лауры! Анна Сергеевна нисколько не удивилась, но сразу же отмела ее как подозреваемую — слишком толста, ее муж любил легких и стройных. Но все-таки попросила подругу рассказать об этом полиции. Так что в тот же вечер там появились первые ценные показания...

Естественно, после этого все — и угрозыск, и филармония, и вся эта несчастная охрана природы бросились ко мне — у кого еще можно было и узнать что-либо о Лауре, как не у меня — возможно, единственного человека, который ее понимал и любил! Но, увы, после очередной ее скверной выходки несколько дней назад я рассталась с Лаурой, и, как мне казалось, навсегда!

На следующее утро уборщица, открыв кабинет администратора филармонии, обнаружила его самого окоченевшим в луже крови. И это было уже второе убийство. А, может быть, и первое, а вторым был вахтер?.. Убийство администратора в кабинете, находящемся недалеко от кабинета Лауры, вероятнее всего, и заставило ее выпрыгнуть из окна. И вот тогда-то следствие вплотную занялось ею, подозревая, что она могла быть не только нежелательным свидетелем, но и убийцей! Правда, убит администратор был двумя выстрелами в голову из пистолета Макарова, но самого пистолета не обнаружили. Мне было велено рассказать о Лауре все, что знаю. Я честно предупредила сыщиков о том, как это много, и, вместе с тем, как мало! Поначалу они только усмехались, но после нескольких часов моего рассказа эти усмешки надолго сошли с их лиц...

Глава 2

Лаура — вовсе не Лаура, хотя она настаивала на этом имени, ее настоящее имя — Лора. Появилась она в нашем городе три месяца назад, обошла все редакции — радио, телевидения, газет, и везде просила работы. Естественно, мы спрашивали у нее, почему она оказалась в столь отчаянном положении, и слышали одно и то же — про мужа, которого она не любила, а потому в один прекрасный день гордо ушла от него в чем была, оставив ему огромную квартиру в центре Питера. Ушла, куда глаза глядят, а глядели они, как выяснилось, на наш город. Далее шли какие-то бредовые рассказы о двух тетках, единственных кровных ее родных, которые жили — вы только подумайте! — в Англии, и были баснословно богаты! Одна владела фермами, домами, имела много земли, у другой просто водились деньги, и главное — они обе были бездетны и уже сейчас завещали все свое имущество ей, Лоре Всеславской! Мы все немели от таких откровений,

которые совершенно не вязались с ее обликом — про английские сокровища рассказывала нам толстая, довольно безвкусно одетая дама с вечно грязными волосами и спущенными колготками! Но немые сцены переходили в откровенный хохот, когда Лора объявляла, что знает несколько языков — английский, немецкий, французский, испанский... В нашем городе мало кто рвался за рубеж, языками не увлекались, и проверить ее знания никто не мог. Попыталась одна я, неожиданно спросив ее по-немецки, кто сегодня дежурит по газете:

— Вер фельт хойте орднер, Лора?

Она, не моргнув глазом, тут же ответила:

— Хойте фелен Коревко и Гридина!

Она мне ответила правильно, и тогда я, помню, призадумалась, но тут же выбросила все это из головы, потому что, как всегда, у меня была масса дел.

Не хочу, чтобы думали, будто мы были жестоки по отношению к Лоре. Не раз уговаривали мы редактора взять ее в штат, но он был неумолим, отвечал, что ее не понимает, ей не верит, и что вообще ее вид не подходит для нашей вполне преуспевающей газеты, к тому же он был убежден, что Лора ленива, и отчасти это было правдой. Но задания что-либо написать для газеты он ей давал и время от времени печатал, не забывая платить приличные гонорары, которые и позволяли ей кое-как существовать. Надо сказать, что поначалу она довольно часто бывала у всех нас дома, но получилось так, что мои коллеги как-то очень быстро под разными предлогами избавились от ее посещений, чего нельзя было сказать обо мне — я этого сделать не смогла. Она приходила к нам, просиживала вечера, заговаривая нас с мужем до полуобморочного состояния, и наши дети засыпали под жужжание ее голоса. Потом у нее появилась нехорошая привычка приходить в дом тогда, когда мы были на работе, дочь или сын ее впускали, и она ходила вдоль наших книжных полок с висящей на руке открытой сумкой, принимавшей в свои недра понравившиеся ей книги... Естественно, на место они уже никогда не возвращались... Мы заметили это, когда уже лишились немалой части своей библиотеки, и положили этому конец. Думали, что положили. До того момента, когда я как-то пришла домой с работы пораньше и застала плачущую дочку, которая сразу набросилась на меня с упреками:

— Как ты могла! И папа! Как вы могли сделать такое! Я ее так любила! И люблю!

— Господи... ты о чем? Что случилось? Что мы могли?

— Как вы могли продать тете Лоре мою любимую картину! Девочку с мальчиком в деревне... И с удочками...

Мне показалось, что сердце мое вырвалось из груди и ударилось обо что-то твердое, внутри все похолодело. Я медленно прошла в комнату, где висела горячо любимая всеми нами старинная картина, доставшаяся мне в наследство от бабушки, и, увидев пустую стену, тихо спросила:

— Как это случилось?

Моя умная дочь, кажется, начала все понимать. А, поняв, обратила вину за происшедшее на себя.

— Мамочка! Я... Господи, что я наделала! Она пришла с рюкзаком и сказала, что вы продали ей картину за сто рублей и что она должна немедленно ее забрать, а вечером принесет деньги... Я не хотела отдавать, но она сказала...

Я тотчас же позвонила мужу на работу. Он побежал домой к Лоре, но... опоздал — машина с вещами, которые она успела приобрести, уже отъехала на вокзал, откуда эти вещи багажом должны были отправиться якобы в город, где ей удалось найти работу. Но именно в это время мы нашли ей работу в филармонии, и она согласилась остаться, клятвенно пообещав мне вернуть картину...

Думаю, мои коллеги могли бы многое добавить к этому рассказу, но я не буду утомлять читателя, ибо добавления эти лишь подчеркивали бы ее способность к авантюрам.

Когда я все это рассказала в полиции, сыщики сразу посчитали ее преступником номер один, убившим администратора и скрывшимся с пятьюдесятью тысячами долларов под мышкой. А заодно, очевидно, прихлопнувшим и сторожа. Ему — нож в спину, администратору — пулю, и — вниз... Но все это было настолько нелепо и неправдоподобно, что я тут же начала, помимо своей воли, собственное расследование. Вернее, мой благой порыв привел меня в филармонию и в комитет охраны природы и я, убедив начальство этих организаций в необходимости действовать параллельно с полицией, посоветовала пригласить для этой цели великолепного частного детектива Валентину Васильевну Орлову. Я очень долго описывала им о раскрытых ею преступлениях, подсовывала газетные статьи об ее подвигах, и они, трезво оценив ситуацию, решили внять моему совету и дали добро на участие Валентины в этом темном деле. Тогда я тут же набрала номер Валентины, но услышала по автоответчику, что она уехала на региональное совещание, и пришлось оставить ей свое сообщение. Потом я позвонила ее другу, начальнику их угрозыска полковнику Владимиру Ивановичу Комову, и узнала от него, что совещание закончится завтра. Значит, приехать сюда она сможет через два дня. За это время необходимо собрать для нее как можно больше материала. И я, взяв в редакции давно заработанные отгулы, приступила к расследованию этих загадочных преступлений, вернее, к сбору данных...

Глава 3

В первую очередь я обратилась в наш доблестный уголовный розыск к заместителю начальника Леониду Гавриловичу Серженко, который вместе с экспертом-криминалистом Татьяной Марковой побывал на месте преступления. И Серж, и Татьяна давно меня знали, не раз были героями моих статей, не раз мы вместе проводили какие-то проверки, рейды по притонам, и я имела все основания рассчитывать на их искренность и открытость. Но оказалось — не тут-то было. Что-то у них там заклинило — я думаю, сказались моя дружба с Лорой. Мне пришлось припомнить им все свои добродетели, чтобы они, наконец, раскололись. Кстати, это произошло, когда я упомянула о Валентине Орловой — оказалось, что Серж ее знает, они вместе расследовали какое-то сложное дело. Я же похвасталась, что мы росли в одном дворе, учились в одной школе и сохранили привязанность друг к другу до сих пор. Так что исключительно «по благу» я получила следующие сведения. Нож, которым убили Василия Евдокимовича Хромова, был не обычным, какие продаются в магазинах, — его сделали на заказ из очень прочной стали. Ручка же была обыкновенной — черной, пластмассовой. Никаких следов, отпечатков пальцев не осталось — очевидно, убийца действовал в перчатках. В столе Хромова валялся небольшой засаленный детектив под названием «Как украсть миллион». Остальное содержимое стола не наводило ни на какие определенные размышления.

— Вас в этих вещах ничего не удивляет? В этих вещах? — неожиданно спросила меня Татьяна.

— Ну... разве что эта бабочка...

— Вот-вот... Конечно, это может ни к чему не привести — предположим, артист перед выступлением или после него в порыве освобождения от лишней обузы бросил вахтеру на стол эту бабочку...

— Она могла принадлежать и убитому администратору...

— Хм... Могла, конечно. Но, думаю, не принадлежала. Слишком большая. А администратор — человек щуплый, роста невеликого. Такая бабочка выглядела бы на нем просто смешно.

Я с ней согласилась. Далее мне рассказали об администраторе, Тапочкине Борисе Демьяновиче, который был обнаружен плавающим в луже крови рядом с открытым и пустым сейфом. Пуститься в это «плавание» помогли ему две пули — одна попала в висок, другая пробила аорту. В столе у Бориса Демьяновича был полнейший порядок — там лежали чистые и несколько заполненных бланков договоров на проведение концертов местных артистов, а также договор с эстрадной знамени-

тостью, для которой и была собрана огромная сумма денег, а еще также весьма интересная папка с тесемочками, на которой скромно, в уголочке, значилось: «спонсоры».

Секретарша директора филармонии сообщила, что Тапочкин в конце рабочего дня отправился домой, он жил неподалеку. Что привело его обратно — неизвестно. Но что-то привело! О чем-то он вспомнил и вернулся! Было что-то срочное! На телефонном автоответчике не обнаружилось никаких записей. В филармонии. Дома же автоответчик не был так чист и пуст: «Ты, дерьмо собачье! Не смей больше так делать! Иначе прощения не будет! Вспомни, падла — ... кровь!..» Какая кровь, было не разобрать, потому что обладатель сердитого мужского голоса, почти баса, именно в это время откашлялся. Что ж... Очевидно, Борис Демьянович сделал то, чего ему не надо было делать, был предупрежден о готовящейся расправе и получил за это две пули. Впрочем, этому предупреждению на автоответчике полиция не придавала особого значения — умный и ловкий преступник, а этот «мистер икс», которому так прекрасно удалось его преступление, был именно умен и ловок, не будет размениваться на подобные предупреждения в базарном стиле. Я же сделала для себя главный вывод — Тапочкин влез в какое-то дело, где его никто не ждал, и хотел проявить там инициативу. А инициатива, как известно, наказуема. Вот его и наказали.

Анну же Сергеевну, очевидицу «полета» Лоры, разговорить пока не удалось — она очень боялась, что ее муж узнает о слежке с биноклем, и не знала, как выкрутиться из этого положения.

Я пришла к ней домой, чтобы уговорить выбросить бинокль. То есть не совсем, а выбросить его из головы. Просто Анна Сергеевна пришла в гости к своей подруге Лиде, и обе женщины сидели за столом так, что им видно было здание филармонии...

— Действительно, неужели мы не можем с Лидкой просто вот собраться и вспомнить прошлое!.. — спокойным тоном произнесла Анна Сергеевна.

— Наконец-то! — облегченно воскликнула я. — Итак, вы сидели, вспоминали...

— И тут она выпрыгнула! Прямо на асфальт — хрясть!

— Да подожди ты со своим «хрясть»! Что перед этим-то было? Что ты заметила?

— Она упала как мешок картошки... И поползла...

— О, господи! А перед этим?

— А перед этим ничего не было... То есть... Ну, понимаешь, мне позвонили домой и каким-то жалким голосом сказали про Мишу и какую-то Клеопатру... То есть Клаву, но все якобы зовут ее Клеопатрой... Что они встречаются по средам... Что иногда она приходит к нему на работу, потому что как-то связана с ней... Вот я и засела... проследить...

— Вспоминай, пожалуйста, поэтапно... Во сколько ты засела?

— В пять часов... У Лидки, кстати, еще не затопили, батареи холодные, а у них, видать, уже включили отопление, потому что окно на первом этаже было открыто... Ну, где ксерокс у этой Надьки... Два раза к Мише заходила, документы приносила. Больше никто не заходил, ну, Клеопатры той не было, может, наврали мне... Сам Миша один раз вышел из кабинета, наверное, в туалет.

— Или к начальнику своему. Или к Наде...

— Нет! Начальник у меня тоже просматривался. Сидел, да все коньячок потягивал. Писал что-то. Доклад вроде он должен был скоро делать на сессии... И к Надьке — нет. В туалет или к картежникам. У них там как раз свет зажегся. В левом окне. Я их никого не знаю, назвать не могу. Потом к ним пришел какой-то мужчина, не хилый такой, в темном плаще, и шторы задернул. А когда он шторину задергивал, мне показалось, что дверь за его спиной открылась. Я и подумала — не Миша ли мой туда заглянул. Они в шахматы там часто играют, он рассказывал.

Анна Сергеевна замолчала, делая передышку, а потом, не дожидаясь моего подталкивания, неожиданно заявила:

— А дальше... Дальше какое-то время вообще ничего не происходило. Затем вроде окно у Лорки стало распахиваться... И мне показалось, что внизу справа, возле двери, что-то промелькнуло... — Словом, думаю, какая-то баба что-то в это окно передала!

— Наде?

— Или ее папашке! Ведь его за что-то убили! Что-то они там замышляли, а? Или, наоборот, приняла оттуда какую-то вещь...

— Вот тебе раз! И у картежников, значит, кто-то был. Тоже новость. Считается, что они все до единого к моменту трагедии уже смылись... А ты, кстати, Мишу своего не спрашивала, кто там обретался?

— Не спрашивала. Мне же себя выдавать не хочется!

— Ах, да, да, партизанка ты наша... Давай дальше.

— Не прошло и трех минут... ну, может, четырех, как наша загадочная Лора распахнула пошире окно и шмякнулась на асфальт.

— Опиши-ка этот момент подробнее, прошу!

— Да и описывать-то нечего! Окно — раз, она — хрясть!

— Опять хрясть! Ну, вспомни — может, кто-то еще был в ее комнате? Или в соседних.

— В соседних свет не горел. Может, в темноте кто скрывался — не знаю.

— Она выпрыгнула, а окно так и осталось открытым, да?

— Окно? Хм... Нет, его кто-то закрыл. Но кто — я не видела, за Лорой следила.

— Становится все интереснее...

— Да ведь Лидка тогда как раз вернулась! Она с улицы этот полет видела. Может, заметила, кто и окно закрывал? Давай ей позвоним.

Мы позвонили. В принципе, Лида была не слишком наблюдательна, одно она увидела четко — окно закрывал мужчина. Причем закрыл обе створки сразу, не посмотрев вниз, погасил свет и, по всей видимости, ушел. Знала ли она этого человека? Скорее всего, нет. Но... расстояние было велико, с такого расстояния его можно было принять и за сторожа, и за администратора, и, может, за какого-то неизвестного нам пока маньяка, который, воткнув нож, выпустив две пули и уведя энную сумму денег, благополучно ретировался в неизвестном направлении...

День кончался, я шла домой по центральной улице, обдумывая полученную информацию, как вдруг ощутила на себе чей-то тяжелый взгляд и остановилась, внимательно оглядывая прохожих — чужие лица, озабоченные, не улыбающиеся... удивительно, как мы это хорошо умеем! Я медленно пошла дальше, и этот взгляд последовал за мной... Хочу предупредить, что я — человек, настроенный мистически, и верю в то, что во сне моя душа бродит по всему мирозданию, что мертвые не умирают насовсем, а переходят в иную жизнь, что человеку во всем помогает его предвидение, которое, вероятнее всего, кроется в нашем подсознании — самое простое объяснение, либо в своеобразном банке данных Вселенной... Я резко обернулась и, увидев этот взгляд воочию, закачалась, стала задыхаться и, чтобы не упасть, прислонилась к витрине игрушечного магазина. Этого взгляда не могло существовать, душа умершего не должна так смотреть!. Она может пребывать рядом, коли этого хочет, но быть незримой, словно дуновение ветерка... Однако душа администратора, очевидно, еще не успела привыкнуть к своему новому состоянию и, оторвавшись от «родного сообщества», терроризировала меня своим взглядом! В следующее мгновение видение вдруг растаяло в воздухе... Мне стало немного легче, и, решив держать себя в руках, я твердым шагом двинулась дальше.

И все же, прежде чем входить в свой полутемный двор, я решила подождать, пока не появится какой-нибудь сосед с собакой больших размеров. Таких собак в моем доме живет больше, чем людей, и я, тотчас же присоединившись к молодому мужчине с красивым догом, уже считала себя в полной безопасности. Не успели мы открыть дверь, как вдруг пространство у детской песочницы пересекла знакомая фигура... Дог, глядя в ту сторону, тоже насторожился — собаки хорошо чувствуют невидимые нам сущности... Я встряхнулась, взяла себя в руки, быстро поднялась на свой этаж и нырнула в родную квартиру за огромной железной дверью... Сказав «нет»

всем своим галлюцинациям, села за письменный стол и быстро записала добытую мной информацию на разных листах — один посвятила вахтеру Хромову, другой — администратору Тапочкину. Мне хотелось, чтобы Валентина сразу по приезде вошла в курс дела. В это время я еще не знала, что уже на следующее утро мне придется брать еще один чистый лист — третий по счету...

Труп инженера местной радиостудии Алика Токарева обнаружили студенты, спешащие из общежития в пединститут самым коротким путем — через парк.

Алик лежал возле березки, обняв ее одной рукой — как было установлено позже, несколько ножевых ударов, один за другим, последовали в те минуты, когда он стоял, не совсем трезвый, и, словно внимая Есенину, обнимал березку... Не совсем трезвый — это я мягко сказала. Алик любил выпить, но делал это исключительно после работы и вне стен радиостудии. А если совсем честно, то он мог напиться до беспамьтства, из-за чего с ним и рассталась его первая жена. Но человек он был добрый, открытая душа, к тому же очень симпатичный, поэтому без проблем женился второй раз на женщине, которая знала все его слабости и не собиралась объявлять им войну — она его жалела. К тому же он был прекрасный знаток музыки, весьма интересный собеседник, и даже те, кого раздражало его пьянство, его уважали. Он был не способен на подлость, на какое-то действие, рождающее месть, — и тем непонятнее, загадочнее была его смерть. Студенты тут же вызвали полицию и «Скорую помощь». Стражи порядка из районного отделения оказались очень внимательны, зафиксировав все детали происшествия, следы вокруг трупа — мужских ботинок сорок первого размера и женских ботинок на довольно изящном каблучке — тридцать седьмого размера, также женский носовой платок с кружевом — он был пропитан Аликиной кровью. Самого орудия убийства не нашли — похоже, убийца или убийцы прихватили его с собой... Обо всем этом был поставлен в известность угрозыск и все, о чем я сейчас рассказываю, поведали мне Серженко с Татьяной. Причем Серж закончил свое повествование так:

— Еще один «жмур»... И опять твой знакомый... Что бы это значило, а?

— Бэ! — ответила я, потому что мне нечего было ответить. А еще потому, что Алик мне всегда нравился, а несколько знакомых мне женщин после его развода с женой искренне надеялись, что он обратит на них свой взор, и я их понимала...

Татьяна, произведя разведку местности, вдруг сделала неожиданное дополнение: Алик, по ее мнению, умер не сразу — он довольно долго боролся за жизнь, пытался ползти, и, возможно, при этом ему кто-то помогал... Ско-

рее всего, обладательница обуви тридцать седьмого размера. Но почему эта добровольная помощница вовремя не обратилась в полицию или в «скорую»? Версию Татьяны подтвердил и врач, он указал время смерти — между девятью и десятью часами вечера... То есть в те же часы, а, возможно, и минуты с помощью убийцы оставил сей бранный мир и администратор филармонии. Жена Алика, Рая, тоже работавшая на радиостудии, ушла в тот день пораньше домой. Причем сослуживцы видели, как минут через десять после ее ухода Алик ринулся за ней, чтобы догнать, но на улице ее уже не было видно, и он вернулся в аппаратную, бормоча: «Надо же... надо же... не успел ей сказать...» Что именно он хотел ей сказать, так и осталось тайной.

Вот с этим багажом трагических и загадочных событий я и встретила Валентину. То есть — ее встретили мы, потому что Серж тоже не хотел упускать такой возможности.

Жена Сержа была балерина с точеной фигуркой, умница и красавица, но он не выдержал, и, озорно блеснув глазами из-под широченных, мохнатых бровей, восхищенно проговорил:

— Э-э-эх, Валентина Васильевна, встретиться бы нам с тобой... лет этак пятнадцать назад!

— А чего это вы, Леонид Гаврилович, меня в старухи записываете?

— Ха-ха... Извини... Просто я женился пятнадцать лет назад...

— Тогда понятно!

Я уговорила Валентину поселиться у меня, поскольку в эти дни вся моя семья пребывала в деревне у родственников, выростивших небывалый урожай. Она согласилась, мы все поехали ко мне, и я сразу вручила ей свои записи, тут же устно дополненные Сержем, и стала отвечать на бесконечные Валентинины вопросы. Колесо закрутилось...

Глава 4

Наполненная необходимой информацией, Валентина пришла в филармонию вместе со мной. Мы заранее нарисовали схему здания, наметили кабинеты, которые необходимо осмотреть. Мне было интересно все, на что Валентина обращала внимание, и в иные моменты я просто недоумевала — ну зачем, например, еще только подходя к дому, она сняла с наружного подоконника кабинета, где работала Надя, какие-то полусгнившие нитки, ведь ясно было, что они болтались тут сто лет. Кстати, осмотр мы начали именно с Надиного кабинета. Выразив ей свои соболезнования и увидев, что девушка еще плохо владеет собой, Валентина решила ее отвлечь и попросила показать, как работает вся имеющаяся в ее распоряжении аппаратура, что она сразу и сделала. Моя подруга изъяла несколько листиков

из ксерокса, компьютера, а также из лазерного принтера, осмотрела шкафы, столы и выразила недоумение по поводу того, что в день убийства здесь было открыто окно, хотя на улице не жарко, а для проветривания хватило бы и форточки. Надя пояснила, что работает здесь и уборщицей, моет полы в нескольких кабинетах, в том числе и в своем, а тряпки вывешивает сушить на подоконник.

— Интересные у вас какие-то привычки, Надежда Васильевна... Ладно, оставим этот тряпочный разговор, расскажите лучше о своем отце.

— Об отце? — переспросила Надя.

— Странно. Вы словно удивляетесь моей просьбе. Но ведь, насколько я знаю, вашего отца убили... Извините, что мы вынуждены разговаривать с вами сразу после похорон...

— Да... — Неожиданно Надя резко села, почти упала на стул — мы с Валентиной еле успели ее подхватить, чтобы она не свалилась на пол.

— Мама... мамочка, — прошептала девушка и, как нам показалось, потеряла сознание. Я тотчас побежала наверх, в охрану природы, к Надиным сослуживцам, которые, прихватив нашатырь и еще какие-то лекарства, полетели ее спасать. Валентина хлопала Надю по щекам и, насколько могла ласково, приговаривала:

— Надюша! Надюшенька, вы меня простите... Все будет хорошо...

Женщины дали ей понюхать нашатырь, потеряли чем-то виски, и Надя вновь прошептала:

— Мама... Мамочка...

— У нее ведь мать в больнице, знаете? Сотрясение мозга, — сказала нам одна из женщин. А узнав, что наш приход сюда связан со следствием, шепотом добавила: — Главное, мать не помнит, что случилось. Говорит, с лестницы упала... Она действительно упала, но, наверное, потому, что ее ударили... По крайней мере, Надя так думает. И боится. Говорит — может, нам за что-то мстят? Отца убили, на мать покушались... Хорошо, что Надежде Пашка встретился! Он, как-никак, спортсмен, футболист, им хорошо платят. Дом свой есть в деревне. Отец там и живет, индюков вроде как разводит, чуть ли не ферма у него там индюшачья. Мы за Наденьку все рады. Ну, вот она вроде и отошла.

Надя открыла глаза и, поняв, что женщины хлопчут вокруг нее, попыталась улыбнуться.

— Наденька, вы меня простите, пожалуйста, — начала, было, Валентина, но тут на нее все зашикали, потому что девушка, вдруг вспомнив что-то важное, обвела всех встревоженными глазами и четко произнесла:

— Вам не за что просить у меня прощения. Мне стало плохо... после кофе... Я кофе выпила перед вашим приходом... И стала как ватная...

У него был такой странный вкус... О, господи! — Наде опять стало плохо. На этот раз ее затошнило.

— Надо немедленно вызвать «скорую»! — сказала мне Валентина и, когда я принялась звонить, спросила у Нади: — А где этот кофе?

— Я... остатки вылила... И кофейник вымыла. Подумала — больше этот кофе все равно пить не буду...

Дежурный врач на «скорой», расспросив, в чем дело, проинструктировал меня, как промыть желудок, и предупредил, что машин нет, поэтому приехать не сможет. Я смирилась, положила трубку и сказала, что помочь пострадавшей можем лишь мы сами. Валентина же словно меня не слышала.

— Жаль, что вылили, — довольно резко сказала она, но, заметив осуждающие взгляды, смягчилась. — Я ведь о чем подумала в связи с вашим кофе — вдруг готовилось еще одно преступление? Исследовав жидкость, мы могли бы это знать точно... А теперь...

— Да я как-то... — начала Надя, но опять умолкла.

— И правда, Надежда, зачем вылила-то? — спросила та женщина, что рассказывала нам о Надиной матери и подозрениях ее самой насчет мести всей их семье.

— Не знаю... Я как во сне была... Ох, как тошнит!

Надя встала и медленно пошла в туалет. Женщины бросились, было, за ней, но она, взяв приготовленную ими банку с кипяченой водой, остановила их, сказав:

— Я сама. Еще не хватало, чтобы вы на это смотрели!

Вернулась она с мокрым лицом, достала из своего стола полотенце и медленно вытерлась, а все смотрели на это и не могли оторвать от нее глаз, потому что каждый чувствовал — что-то здесь не так, что-то за этим кроется, какая-то загадка, но вот какая? Кто и почему хотел отравить эту худенькую беззащитную девушку с тонкими пушистыми волосами, похожими на пух только что вылупившегося птенца? Кому она помешала?

— Надя, когда нам лучше поговорить — о вашей семье, об отце, о маме?

— Когда хотите...

— Тогда мы пройдем пока в другие кабинеты, а через час-два вернемся к вам. Хорошо?

— Хорошо...

— Думаю, что вы к тому времени придете в себя.

— Да. Одно из двух.

— Что — одно из двух?

— Или приду в себя, или же этого не случится уже никогда! — почти шепотом выдавила из себя Надя, как-то странно оглядываясь вокруг. Не сошла бы она с ума от всех этих трагедий, подумала я, и поспешила вслед за Валентиной выйти из кабинета.

— Ну что, Валя, теперь — в филармонию?

— Нет, нет, сначала отработаем охрану природы — Надя ведь в этом комитете работает, выясним все до мелочей...

Я не стала спорить, потому что давно знала, как Валентина настраивается на расследование, на поиск преступников, на результат! Вернее — как она настраивается на победу. Серж, провожая нас накануне, заметил, что Валентина, по его мнению, перелопачивает слишком много мусора, то есть собирает огромное количество фактов, которые позже оказываются ненужными. Она возразила ему строками известной басни про петуха и жемчужное зерно, которое тот «нашел, навозну кучу разрывая»...

Я очнулась от своих мыслей тогда, когда мне протянули чашку с чаем — боже, мы уже сидели в комитете охраны природы и слушали рассказы женщин о Наде!

— Она в отца... А Дина — красавица! Статная такая, волосы замечательные! Ну, глаза узковаты — отец-то у нее татарин, мать русская. С Васей-то они вроде неплохо жили. Ему все завидовали — такую красавицу отхватил! Он злился. Но ее любил, это уж точно!

— Любил, да пил... — откровенно сказала другая женщина. — И не возражайте! Я с ними в одном дворе жила, пока квартиру не получила новую. Так он эту Динку гонял — будь здоров!

— Да когда это было-то, Люда! Ты уж лет десять в новой квартире живешь...

Минут за пятнадцать до нашего застолья мы с Валентиной узнали о том, что Дина встретила Васю четверть века назад — тогда он был военный, работал в какой-то секретной организации. Их брак многие считали удачным, несмотря на то, что Хромов по прошествии нескольких лет был изгнан со службы за появление в нетрезвом виде. А вид этот возник у него под влиянием неожиданно объявившихся денежных друзей, которым, возможно, надо было узнать кое-какие секреты, связанные с работой Василия Евдокимовича, но так и не узнали, переборщив с алкогольной атакой на него. Как только Хромова разжаловали, друзья исчезли, но привычка к спиртному вцепилась в него навечно, и он не мог избавиться от этой прилипалы... Но на работе Василий Евдокимович почти не пил, а если такое случалось, то Надя звонила матери, и они вместе отводили его домой, никогда прилюдно не ругались, не обзывали его пьяной свиньей или еще как-нибудь. Словом, жили хорошо, покорно тянули свою не такую уж тяжелую ношу.

— Не знаю, не знаю... У Динки этой глаза так и бегают, — заметила явно скептически настроенная Люда.

— Что ты хочешь этим сказать? — заволновались подруги.

— Ну... может, у нее был... любовник... Он Васю и кокнул, чтоб не мешал!

— Думай, что городишь-то, Людка! Язык без костей! — в сердцах упрекнула ее самая старшая из женщин.

Валентина, чтобы разрядить обстановку, попросила рассказать о Наде. Женщины говорили наперебой — и только хорошее! Тихая. Скромная. Трудолюбивая. Не очень счастливая. Почему? Да как-то молодых людей вокруг нее не было. Пусто. А ведь не красавица, но приятная, фигура хорошая. А вот, поди ж ты... Наконец появился этот Павел. Хотели свадьбу уже через месяц играть, да теперь траур, нельзя, видимо, отложат...

— Как конфетку вы ее расписали, — вновь вступила в разговор Людмила. — А она — себе на уме. И любопытна — чересчур... Она ведь и у картежников убирается, в их кабинете. Как-то, уже поздно было... мы отчет делали, сидели чуть ли не до ночи... я иду по коридору, смотрю — тишина, дверь приоткрыта, свет горит... Я заглянула, а Надька над ящиком открытым стоит, бумажку какую-то оттуда вытащила и расправляет...

— Ну, мало ли... Это еще ни о чем не говорит, — заметила старшая. — Может, случайно что-то интересное попало...

Дальнейшие наши хождения по охране природы ничего не дали, лишь Михаил Донатович уверил нас, что в тот злополучный вечер он никуда не отлучался — не до того было, срочно готовили выступление шефа на сессии. Лишь на две-три минутки заглянул в кабинет к картежникам, где был менеджер Гера, но, только начав шахматную партию, они ее тут же и бросили.

Спустившись вниз, мы отпустили женщин, дежуривших возле Нади, и стали слушать ее нудный рассказ о своей семье. Девушка еще, видимо, не пришла в себя и была вялой, бледной. Я подумала, что это еще действует отравленный или же просто с истекшим сроком годности кофе, и предложила ей все-таки обратиться к медикам, но она ответила, что незачем. Оживилась Надя лишь тогда, когда мы спросили про ее жениха. Она взалхлеб рассказывала о Павле, его спортивных успехах, об его отце, который вырастил мальчика практически один — мать рано умерла. О том, что у этой семьи крепкое хозяйство, и это хорошо, как раз то, о чем она мечтала — заниматься каким-то своим доходным делом, а не быть рабой, в услужении, за копейки, как сейчас... Папа очень радовался за нее, но теперь свадьбу придется отложить. Они еще не решили, на какой срок, сначала мама должна выздороветь...

Когда мы вышли от Нади, у меня уже не было сил куда-либо идти. Но директор филармонии Зинчук нас давно ждал. Более того, определив по нашему виду, что мы сейчас чувствуем и чего хотим, попросил свою секретаршу организовать нам обед, что и было сделано очень быстро. Обед оказался очень вкусным, и у нас как бы открылось «второе дыхание».

— Понимаете, я уже объяснял нашим оперативникам — Борис Демьянович был незаменим. Он делал то, чего я не мог! Я! Никто не мог уговорить настоящую звезду приехать в наш город — а он уговаривал! И ведь не деньгами брал, а так о городе расскажет, такое завернет — из истории что-нибудь вспомнит, из литературы — и человек едет! Я очень высокого мнения был о нем. И при этом — скромный, какой-то весь незаметный... Не женат, но тут, я думаю, все было бы впереди... Ему наша новая пресс-секретарь нравилась... Лора Всеславская... Он со мной немного делился личными планами... Единственное, что его настораживало — так это лошадь...

— Какая еще лошадь? — вырвалось у Валентины.

— Лора — лошадь по гороскопу, причем огненная! А это, он считал, не очень хорошо — беспокойный знак.

— Интересно, где сейчас эта лошадь? — поинтересовалась Валентина. — Вы не знаете?

— Нет, конечно... Я тут звонил другу Бориса Демьяновича, Галетову, фокусником у нас раньше работал, хотел поинтересоваться. Но телефон молчит...

— А как это все-таки понять — в сейфе появляются пятьдесят тысяч долларов, а вы и ваша бухгалтерия как бы в стороне, а?

— А вот этого я, поверьте, не знаю. Тапочкин позвонил мне домой уже вечером, сказал — достал, и теперь звезда у нас в кармане. Я, конечно, обрадовался. Если бы знал, что потом случится, прибежал бы на работу, вызвал бы главбуха, эти деньги оформили бы честь по чести... Видимо, денег он не успел передать, потому его и убили... Мы похоронили его за счет филармонии, — зачем-то добавил Зинчук.

— А... его квартира, разумеется, пуста? — вдруг спросила Валентина. — Коллеги мне сказали, что после обыска ключи отдали вам.

Мне показалось, что Зинчук чего-то испугался. Немного. И тут же взял себя в руки.

— Разумеется... Разумеется, пуста, и ключи... да... Она у него не была приватизирована — значит, перейдет филармонии. Поселим кого-нибудь из нуждающихся.

— Ключи у вас? — резко спросила Валентина.

— Ключи?

Зачем он переспрашивает, удивилась я. Зачем тянет время? Кого он туда уже вселил, в эту квартиру?

— Они, собственно, у меня, но... дома. Я могу за ними послать. Сейчас привезут.

Не дожидаясь нашего ответа, Зинчук выбежал из кабинета и плотно закрыл за собой дверь. А буквально через минуту мы услышали, как от филармонии отъехала машина.

— Сейчас водитель привезет, — заверил он нас, вернувшись в кабинет. — А пока не угодно ли на место преступления: кабинет был опечатан, а потом полиция разрешила входить... Серженко Леонид Гаврилович лично распорядился...

В кабинете убитого Тапочкина было очень холодно — форточку здесь открыли, видимо, навечно. На сером ковре чернели пятна крови — мне лично показалось, что они еще не совсем высохли. Сейф был приоткрыт и пуст. Стол чист. И нигде никаких улик, словно их смели специально! Господи, ну, конечно же, специально! На широкой тумбочке, рядом с магнитофоном, среди кассет стоял бюст Бетховена. Или Баха? Нет, вроде Бетховена — копия работы Коненкова, так мне показалось. Валентина все обошла, оглядела и, увидев этот бюст, буквально вцепилась Бетховену в шею, приподняла его и стала осматривать сантиметр за сантиметром. Потом подтянула его поближе к свету, вытащила из своей сумки какие-то принадлежности, сняла с блестящей черной головы композитора то ли ниточки, то ли волосинки и упаковала в специально приготовленный пакетик. Затем попросила Зинчука сделать ксерокопии записей в папке убитого — о спонсорах. Зинчук кивнул, но не решался подойти поближе, он как застыл в дверях, пропустив нас вперед, так там и стоял. За ним собрались любопытные — секретарша и две женщины — как оказалось, из бухгалтерии. Секретарша кинулась к папке Тапочкина и исчезла вместе с ней. Бухгалтерши же с интересом следили за Валентиной и, когда она положила находку в сумку и отошла от бюста, пробормотав, что, возможно, этим предметом кого-то ударили, одна из женщин вырвалась вперед, протиснувшись мимо директора, и заговорила, обращаясь к моей подруге:

— Я должна вам сказать, какой он был человек. Про этот случай-то все забыли... У нас был завхоз. В аварию попал. Умирал. И ему нужна была кровь для прямого переливания. Так вот, на всех четырех этажах искали доноров, потому что у завхоза третья группа и резус отрицательный. Таких только двое оказалось — я и Тапочкин. Когда нас привезли в больницу, я как увидела, нашего завхоза, мне сразу дурно стало. Так Борис Демьянович один ему кровь давал! Сразу несколько норм! Врач только пот ему со лба вытирал да все спрашивал — как, мол, себя чувствуете, да можно ли еще, а Тапочкин все отвечал — можно... А сам уж еле дышал, я видела... Потом врач сказал — все, больше нельзя! И ему тогда значок дали почетного донора!

Валентина от души поблагодарила женщину за этот рассказ, осмотрела все соседние комнаты, получив во время этого занятия привезенный водителем ключ от квартиры администратора.

— Где вы его раздобыли? — спросила она водителя, который топтался рядом с Зинчуком.

— Дочка ихняя дала, — ответил парень, указав глазами на директора.

Конечно, в этом нет ничего удивительного, но — почему дочка? И почему ключ лежал дома, а не в директорском кабинете?

Мы переговорили практически со всеми работниками филармонии и услышали много хороших слов об администраторе — всегда был спокоен, вежлив, и своим спокойствием гасил нарождающиеся ссоры, конфликты, совершенно не пил, хотя других за это не упрекал, был какой-то все понимающий, всеохватный, любое дело у него спорилось. Мне, честно говоря, было интересно это слышать — я-то знала, насколько он хитер и проницателен — в прошлом году, например, его махинации с путевками для выступлений артистов и с билетами запросто могли привести его на скамью подсудимых... Но, видимо, пословица стала у нас правилом: об умерших — или ничего, или только хорошее. Его привычки? Одну знали все — пил только свежесваренный чай с молоком, а посему у него в шкафу всегда находилось несколько пачек разного, но очень хорошего чая, а в филармоническом холодильнике — пакет свежего молока, которое он обычно покупал, идя на работу. И — конфеты. Он любил конфеты, как ребенок, и это вызывало улыбку. А женщины... Конечно, Лора, это все заметили, хотя она здесь работала с гулькин нос, ее даже еще не оформили по всем правилам. А что? Неплохая была бы пара... Хотя есть одна певица, Борис Демьянович ею сильно интересовался, но Лора ее как-то быстро вытеснила... Чувствовалось, что он хотел ей понравиться — даже парикмахера на дом стал вызывать. И массажиста.

Когда мы пришли в комнату, где работала Лора и откуда она совершила свой полет в неизвестность, то все почему-то подсознательно искали следы этой администраторской привязанности. Но не нашли.

— Интереснее узнать, куда запропастилась сама Лора, — заметила Валентина. — Может быть, вам это известно?

Секретарша похлопала накрашенными ресницами и обиженно протянула:

— Не-е-ет...

— Да вы не обижайтесь. Просто обычно, как правило, секретарши знают больше всех.

Девушка тяжело вздохнула, но ничего не сказала.

Встретиться с представителями карточно-гадального бизнеса нам не удалось — они все оказались в командировке, и потому, утомленные, мы вышли из здания, не забыв осмотреть еще раз рабочее место вахтера и все пути, к нему ведущие, и отправились в парк.

— Темнит что-то эта филармония... — с задумчивым видом произнесла Валентина. — Убитый — прямо ангел с крыльями. А записи-то его о спон-

сорох что говорят? Он их явно шантажировал, иначе откуда взялись эти деньги? И директор — второй ангел. Я понимаю, конечно, что филармония — это, прежде всего, искусство, культура. В том числе и культура собственных отношений... Но все равно что-то здесь не так... Что-то не вяжется, не сходится... Почему такие большие деньги оказались в сейфе, а не в банке? Сказка директора неубедительна...

— Но так делается, Валя. Надо же было заплатить этому эстраднему певцу, иначе он не согласился бы приехать. А его концерт — это престиж филармонии. Они после него и на своих концертах неплохо заработают... Тем более, если знаменитость скажет о наших местных мастерах два-три лестных слова — для газеты. Это, уверена, в его гонораре предусмотрено...

Гуляя по аллеям парка, мы не заметили, как подошли к березке, возле которой погиб Алик Токарев. Вновь прошуршали листьями вокруг березки, но ничего интересного для себя не обнаружили... Разве что пуговицу в форме футбольного мячика. Бежевую. Но она валялась довольно далеко от березки, вместе с какими-то окурками, и, скорее всего, не была связана с нашим происшествием...

В квартире убитого Бориса Демьяновича Тапочкина все дышало... бедностью. И поблекшие, давно не менявшиеся обои, и обеденный стол на расшатанных ножках, покрытый дешевой скатертью, и стоявшие вокруг него дешевые фанерные стулья. Треснувшую раковину на кухне давно пора было сменить. Как и древнюю электроплиту с тремя конфорками под названием «Томь» — таких наша промышленность уже давно не выпускает. Мы ходили, смотрели на все эти признаки увядания и думали — почему? Ведь Тапочкин неплохо зарабатывал. Он мог позволить себе выкинуть весь этот хлам и приобрести нормальную мебель! Если не хотел, то в чем причина? Ему было безразлично, или же в этом крылся какой-то расчет? Если безразлично, то как понять, что два его костюма, которые он носил постоянно, были сшиты из добротной ткани и у хорошего портного, и свитер был из натуральной, очень мягкой шерсти, комфортный и удобный? Слабо верится, что человеку на работе нужно было одно, а дома — другое... Можно было задать еще хоть сто вопросов — мы не знали на них ответов! Ну, не мог же он предполагать, в самом деле, что его вот так неожиданно убьют, и уже никакая мебель, кроме последнего ящика из десятка досок, ему никогда не понадобится?

— А если знал? — вдруг спросила Валентина.

Эти слова осели во мне тяжелым камнем. А если вправду знал? Если готовился, предположим, сбежать с этими деньгами? И кто-то, посвященный в его планы, помешал ему двумя меткими выстрелами... Не исключено,

что этот кто-то — человек, оставивший свой голос на автоответчике. Наши домыслы словно кружили нас в каком-то бешеном танце, но — увы! — не приближали к разгадке...

Глава 5

Прошло два дня, прежде чем нам разрешили встретиться с вдовой Василия Евдокимовича — Диной Ергазиевной Хромовой. За это время у нас появились маленькие дополнительные штрихи к нашим трагическим историям.

Во-первых, было определено, что Лорин багаж поехал, вернее, уже приехал в Питер, однако его пока никто не соблаговолил получить. Честно говоря, я хотела присутствовать при его вскрытии, чтобы сразу же забрать обманом увезенную у нас старинную картину, но Валентина заверила меня, что я еще успею это сделать. О самой Лоре не было ни слуху ни духу.

Во-вторых, в филармонии вспомнили, что у администратора был какой-то родственник, письма которого он время от времени перечитывал, причем всегда — с горечью и тревогой. Однако это нам ничего не давало, потому что ни одного письма мы не нашли.

В-третьих, допрошенные спонсоры Суров и Струмилин подтвердили, что действительно выделили деньги для оплаты концерта известного артиста, а также сообщили, что они делали это не в первый раз и без всякого нажима на них кого-либо, и назвали еще нескольких спонсоров. Этот штрих породил новые вопросы, на которые у нас пока не было ответов — почему убитый администратор выделил в своих записях именно Сурова и Струмилина? Путем шантажа хотел лично завладеть дополнительными тысячами, да не рублей, а долларов? Но если учесть, что записи эти были оставлены убитым, можно сказать, на видном месте, то, может быть, не так прост был этот Тапочкин?

В-четвертых, вечером нам позвонила какая-то девушка и, попросив к телефону Валентину, объявила ей, что после работы шла через парк и видела убитого Токарева, а недалеко заметила двоих — мужчину и женщину. Они шли порознь. Она описала их силуэты и положила трубку.

Был еще один непонятный, загадочный звонок — неизвестный мужчина спрашивал, когда еще Валентина будет в филармонии, чтобы можно было рассказать ей нечто чрезвычайно важное. Валентина попросила его встретиться с ней тотчас же, но он отказался, заявив, что не все еще продумал окончательно. Тогда моя подруга заверила его, что прямо с утра будет вести прием в филармонии. И не один день, а сколько понадобится.

Это она правильно решила. В самом воздухе этой филармонии витало что-то недосказанное. Понятно, когда в стенах одного здания происходит сразу два убийства, да еще третье — неподалеку, то сам воздух вбирает

в себя что-то тяжелое, таинственное, жестокое, и все, что есть в этом здании — мебель, оборудование и прочее, вплоть до какого-нибудь калькулятора, хранит этот гнетущий налет, долго не давая ему исчезнуть, испариться. Наверное, физики хорошо могли бы объяснить это явление. Мы же его просто чувствовали. По согласованию с Сержем, тут же дали объявление в завтрашний номер газеты, и редактор принял его безоговорочно. Так же поступили и руководители областного радио и телевидения. Звучало наше объявление так: «Сегодня, завтра и в последующие дни руководитель частного детективного агентства В.В. Орлова, расследующая преступления, связанные с убийствами администратора филармонии Тапочкина Б.Д. и вахтера Хромова В.Е., а также инженера радиостудии Токарева А.Г., ведет прием на втором этаже филармонии, в кабинете № 7. Просим обращаться туда всех, чьи сведения могут помочь установить истину». Дикторы радио и телевидения от себя попросили слушателей и зрителей совершить этот «подвиг во имя справедливости». Кабинет, естественно, нам выделил директор филармонии. Это оказалась комната Лоры.

Честно говоря, была надежда таким образом отдохнуть, спокойно осмыслить все, что знаем, а то у нас и на это не хватало времени, поэтому, прихватив с собой бутерброды, полный термос горячего, крепкого чая и кое-какую посуду, чтобы не попрошайничать, засели там с утра и стали ждать... Наше блаженное состояние прервал осторожный стук в дверь. Вошел Гера, Георгий Александрович, представитель карточного бизнеса с третьего этажа, с которым я была знакома.

— Это вы звонили нам вчера вечером? Я вас узнала, Гера, — сразу взяла быка за рога Валентина, не давая ему возможности отступить.

Он и не отступил — подтвердил, что был в своем кабинете в тот трагический вечер, и к нему приходил Михаил Донатович. А очутился Гера на своем рабочем месте в столь поздний час якобы потому, что сильно поссорился с матерью и просто не мог оставаться дома. Говорил он довольно путано, но мы поняли и поверили главному — человек хотел побыть один, успокоиться, бывает. Потом начал переминаясь с ноги на ногу, не решаясь сказать что-то еще. И, наконец, обратился ко мне:

— Я уверен, что это ничего не значит... Ну, ничего вам не прибавит... И все же должен... Только боюсь опорочить умершего человека... Он ведь уже не может защититься... Не знаю, стоит ли говорить...

— Стоит! Садитесь, Гера! И успокойтесь. И угощайтесь. Вот вам чай, бутерброд...

— Я только чай, если можно... Я не голоден.

— И прекрасно! Соберитесь с мыслями, и — спокойно, по порядку... Итак, вы сидели у себя в кабинете. Опустим, зачем вы туда пришли. Сидели, и все.

— Да, да, — облегченно вздохнул Гера. — То есть, нет... Я соврал насчет матери. Мы не ссорились, мы вообще не ссоримся. Я сидел, Михаил Донатович зашел, чтобы в шахматы сыграть. Он, кажется, удивился, что я на работе в такое время, но спрашивать ничего не стал. А партия не получилась... Вообще, какой-то тревожный был вечер... Я подумал, что это из-за меня. Из-за того, что я затеял... Ну, Михаил Донатович ушел, а я свет погасил и заперся изнутри. И ключ вытащил, положил себе в карман.

Гера отхлебнул горячего чая, который явно прибавил ему энергии, и стал быстро говорить, словно хотел выплеснуть разом все, что его тяготило последние дни, и при этом боялся что-то пропустить...

— Я... подхожу к главному. Только вы меня не осуждайте. У нас в фирме всего три человека. У каждого — свой, так сказать, участок. Один отвечает за финансы, второй — за продажу, а я — за доставку. Так вот, мне в последнее время стало казаться, что карты у нас исчезают потихоньку... Прямо из пачек... Хотя пачки вроде бы и не раскрывались, но они так упакованы, что можно осторожно распаковать, и снова все привести в первоначальный вид... Никто ничего не заметит... А у меня глаз наметанный, лишнюю складочку на упаковке сразу замечу... И заметил. Вскрыл пачку, все пересчитал — двенадцати колод не хватало! А мы эти карты оптом отпускаем по девяносто рублей! Да и не только в этом дело! Пачками ведь отпускаем, не пересчитываем, что там внутри! Выходит, мы покупателей своих постоянных обманываем! Ну, я решил шума пока не поднимать, а найти вора и закончить все миром. Пачку эту спрятал подальше, чтобы ее ненароком не продали, и в тот вечер, когда на этаже стихло, затаился. Сажу за столом в темноте, уже засыпать начал, и вдруг слышу — ключ в дверях поворачивается... Я от страха просто окаменел... Тут дверь открылась, вошедший сразу свет зажег, и я увидел Василия Евдокимовича.

— Здравствуйте, — говорю, — за картишками пожаловали?

А он стоит и только глазами моргает. Я сказал, что, мол, надо те двенадцать колод вернуть, но он, придя в себя, стал уверять, что ни про какие колоды не знает, а пришел в кабинет для того, чтобы оставить мне записку — послезавтра, мол, рыбалка, хорошо бы нам вместе поехать. Я говорю — давай записку, дядя Вася, а у него ее и нету! Ответил, что, дескать, хотел прямо в моем кабинете сесть и написать. Тут он маху дал — надо было ему записку заранее приготовить, тогда, может, его вранье сошло бы за правду. Но мне его жалко стало почему-то. И Надю его. Я ведь не мог предположить, что его убьют через... ну, в тот же вечер...

— А больше вы ничего подозрительного не заметили? В его поведении? В поведении других людей? Может быть, что-то вам бросилось в глаза? Или кто-то? — спросила Валентина.

— Трудно сказать... Мне в тот вечер многое казалось подозрительным... Понимаете, все было как-то странно... Или это карты мне так на мозги подействовали... Но я уверен, что он их украл... Эти двенадцать колод вместе с инструкциями...

— И все-таки — что еще вас удивило? Где, с кем и что, по-вашему, было не так, как всегда? — упорствовала Валентина.

— Ну, вообще-то, Тапочкин... Я ни разу его в спортивном костюме не видел, да еще в таком... не очень свежем, кажется... Конечно, он один живет... то есть жил, но на нем всегда все было чисто, отглажено... Извините, у меня в голове какая-то мешанина... Я, наверное, ошибся...

— В чем ошиблись?

— А в том, что я, когда дверь запер и дошел до лестницы, чтобы спуститься вниз, то сверху видел Бориса Демьяновича в вестибюле — он был в спортивном костюме. Если бы дядя Вася был жив, он бы это подтвердил, потому что Тапочкин к его столу подходил... Что-то ему даже, мне показалось, протянул... А убили-то его, Тапочкина, уже в брюках и пиджаке... Я вот все и думал — зачем он переоделся-то?

— А когда вы спустились вниз, Тапочкин еще был там, рядом с Хромовым?

— Нет, его не было. Но я не сразу спустился. Решил еще к Михаилу Донатовичу зайти, попрощаться. Виноватым себя чувствовал, что партия не вышла. Пришел к нему, он сидел, бумаги строчил. Мы там над чем-то посмеялись, не помню. Словом, вышел я от него в хорошем настроении, спустился вниз, отпер дверь и домой побежал...

— Дверь за вами запер Хромов?

— Да нет, мне показалось, что он носом клюет уже, не стал его тревожить, увидел, что у Нади дверь открыта, заглянул к ней, она меня и выпустила.

— И когда вы спускались вниз, ничего подозрительного не заметили, кого-то постороннего, например?

— В здании — нет, не заметил, — уверенно ответил Гера. — А вот когда на улицу вышел... Понимаете, было два момента таких... неуютных, я бы сказал... Какая-то женщина, молодая, стояла на той стороне улицы и рассматривала наши окна. Даже хотел спросить, чего она там ищет...

Я набросала ему в общих чертах внешний облик Лиды, и он кивнул — да, похоже, это была она...

— Но и еще была одна женщина, недалеко от парадного подъезда, так сказать... Тоже вроде как наблюдала... Странно как-то стояла — прислонясь к стене, как пьяная... Но я ее не разглядел, не могу описать. Увидела меня и, шатаясь, пошла к другому дому. А я отправился домой...

Наш собеседник ушел, провожаемый словами благодарности, а я сидела и думала — как странно, что Лида не заметила этой стоявшей под окнами филармонии женщины... Впрочем, она смотрела на окна, а не на то, что под ними. А еще нас с Валентиной интересовало, жив в тот момент был Хромов или уже мертв...

Мы решили хоть на полчаса от всего отвлечься, чтобы потом приняться за мыслительные упражнения с новой силой, налили себе чай, разложили на Лорином столе бутерброды и включили вынутый нами из шкафа старенький магнитофон, в котором притаилась какая-то кассета. По комнате разлилось плавное, тревожащее душу:

Какая иллюзия, что тайными узами, случайными узами повенчаны мы...

Кого-то повенчали случайные узы. И — на всю жизнь... Странно вообще устроена эта человеческая жизнь. Сколько в ней насады, насилия над собой, терпения, мужества и боли... И человек никогда не бывает свободен!

В дверь опять постучали, и вошла знакомая мне девушка — звали ее Оля, и она работала на радио, как и Алик Токарев. Валентина усадила ее на стул, и она представилась:

— Я — Оля. Стрелкова. Работаю на радио. Фонотекой руковожу. Это я вам звонила...

— Мы поняли, — кивнула Валентина. — И очень надеемся на вашу помощь...

— Да... да, может быть... Помоги, пожалуйста, — обратилась ко мне Оля, — я что-то говорить боюсь, дрожу вся...

— Олечка, я думаю, что ты не просто так пошла через парк... И я знаю, что для тебя был Алик... Я видела... Ты пошла за ним, да? Но почему?

— Потому, что он немного выпил, и я за него испугалась и хотела проводить до дома. Я знала, что он ходит через парк, так короче. Бегу, а его нигде нет, в парке вообще никого... И вдруг впереди меня женщина какая-то появилась. Полная. В плаще. Я удивилась — из кустов, что ли, вылезла? Странно это все было. Кстати, женщина потом так же необъяснимо исчезла, как и появилась... А тут — еще один странный силуэт справа — мужчина! Отошел торопливо от березки и быстро-быстро стал уходить. Небольшого роста, в плаще вроде тоже, как и женщина, и в руках у него что-то было, вроде как одежда скомканная... — Вдруг Оля неожиданно вскочила со стула и возбужденно закричала: — Я знаю, знаю, что это было! Куртка... Это же Аликина куртка у него была! Да, да... Я думаю, именно этот мужчина убил его и снял с него куртку...

— Так значит, Ольга, вы сразу обнаружили Алика Токарева? — уточнила Валентина.

— Не сразу. Мужчина этот скрылся, а я еще немного пробежала вперед и решила вернуться и подойти к тому месту, где я его заметила...

К той березке... И вернулась. Алик обнимал эту березку, а я почему-то сразу поняла, что он мертв... И он был без куртки, а ведь уходил в ней... Черная такая, болоньевая... Мне и в голову не могло прийти, что из-за этой куртки можно убить человека! Да ей — грош цена! Нет, нет, тут что-то другое...

— А как вы думаете, Оля, за что мог его убить? Так, предположительно, — уточнила Валентина,

— Предположительно... Я думаю, что врагов у него не было — он добрый. Ну, разве что чей-нибудь муж из ревности... Алик ведь позволял себе всякое, но ничего такого, что тянуло бы на месть... Я уверена, тут что-то совсем иное... Может, его приняли за другого человека? Или... Тут же, в филармонии, буквально рядом, убили вахтера и администратора... Может быть, он видел убийцу? Хотя — нет, не то... Откуда он мог знать, что встретившийся ему человек — убийца? На лбу же не написано, что он убил его знакомых...

— Знакомых?

— Ну да. Со сторожем-то он просто здоровался, а администратор этот его не раз к концертам привлекал. Алик стихи свои читал... И гонорар ему платили какой-никакой...

— Да, да, — вспомнила я. — И неплохо читал! Под аккомпанемент балалайки. Было очень оригинально.

— Ну конечно! — воскликнула Оля и тут же тихо спросила: — Вы меня осуждаете? Конечно, осуждаете, я его как будто предала тогда... Но я у него уж сто раз за это прощения попросила... И на могилу ходила...

— Не судите, да не судимы будете... — Валентина говорила, отрешившись от всего, и я, хорошо ее знающая, чувствовала, что в мыслях ее рождается какое-то озарение, происходит новый поворот. — Это ваше замечание насчет Алика... Откуда он мог знать, что встретившийся ему человек — убийца... Оно очень, очень интересно... Конечно, он не мог этого знать... Следовательно, дело здесь совершенно в другом... Остановимся на логически верном посыле — очевидно, Алик увидел человека, которого не должен был видеть... А вот уж по какой причине, это пока загадка...

Мы заставили Олю выпить чай и съесть бутерброд, что она и сделала. Это помогло ей окончательно взять себя в руки.

— Оленька, вы молоды, и у вас все будет хорошо! — сказала моя подруга, оторвавшись от своих дум. — Переживите это как плохой сон. Жизнь продолжается! Главное, у вас есть ребенок... Скажите честно, он не от Алика?

— Нет, нет, что вы! Я была замужем за военным. Он погиб на ученьях. Случайно...

— Сын?

— Дочь...

— Как замечательно! — воскликнула Валентина. Конечно, в эти минуты она подумала о себе, о том, что навсегда лишена этой радости. Я сочла своим долгом прервать ее мрачные мысли.

— Оля! Перед вами — уникальная личность. Знаменитость. У Валентины Васильевны не было нераскрытых дел...

— Я знаю. Мне говорили.

— Так что, Олечка, теперь вам надо быть очень, очень осторожной, — начала свое напутствие Валентина.

— Вы считаете, что мне грозит опасность?

— Возможно. Ведь, как-никак, а вы заметили убежавшего от Алика мужчину... Он может считать, что вы его видели... Вы могли разглядеть его лицо, если бы, скажем, заранее задались такой целью?

— Темновато было. Да и расстояние приличное. Если бы чуть поближе...

— Хм... И все же он может предполагать, что вы его разглядели и запомнили... Оля, а давайте, никому не говоря, куда-нибудь уедем вместе с доченькой, а? Может, этот человек и не имеет отношения к убийству, но лучше подстраховаться.

— А работа?

— Договоримся с работой.

— Но мне ехать-то некуда...

Я сразу нашла выход, предложив Оле поехать в деревенский дом моих родственников. Она согласилась. Мы тут же позвонили в деревню, я вкратце обрисовала мужу ситуацию, и он сказал, что ждет их и приготовит им комнату. «Все таки какой молодец у меня муж!» — подумала я.

Серж тоже оказался молодцом, связавшись с начальством радиостудии, выговорив Стрелковой незапланированный отпуск в связи с «производственной необходимостью» и предоставив Оле с ребенком машину, которая и отвезла их, как мы говорили потом всем интересующимся, в санаторий для поправки здоровья. Заодно он пригласил нас с Валентиной к себе домой, пояснив, что его жена хочет организовать интересный вечер, на котором мы все сможем отдохнуть от своей сумасшедшей работы.

Глава 6

Нина Серженко была похожа на ласточку, только что выпорхнувшую из гнезда и потому летавшую особенно стремительно и радостно. Такими же были и ее подруги из народного театра балета — они напоминали сказочных маленьких фей, которые вот-вот должны взлететь, замахав прозрач-

ными крылышками. Все эти невесомые существа смотрели на нас очень загадочно, и мы с порога поняли — тут готовится какой-то сюрприз.

Серженко представил всем Валентину, потом провел нас в маленькую комнату и стал показывать свою замечательную библиотеку, при этом подруга моя только ахала от восторга. С кухни неслись божественные запахи, но нас пригласили не за стол, а в импровизированный зрительный зал. Вдруг освещение в нем стало голубовато-фиолетовым, зазвучала до боли знакомая мелодия романса о «душистых гроздьях белой акации...», а на помост выскочили наши феи в прозрачных белых одеяниях... Они то кружились на своих пуантах, то взлетали вверх, вычерчивая в пространстве изящный рисунок, где был и сад, и ливни, а уж когда зазвучало: «Боже, какими мы были наивными, как же мы молоды были тогда...», ностальгический уголок моей души полностью захватил над ней власть...

Музыка смолкла, зажегся свет, девушки раскланялись...

— Вы нас просто заворожили, — искренне сказала Валентина. — Я, честно говоря, уж никак не думала, что меня можно так вот... удивить... отвлечь от всего... У вас какой-то дар особенный...

— Это Нинка моя поставила, — гордо произнес Серж. — Будут показывать в нашем дворце... Тапочкин, между прочим, этот номер хотел включить в филармонический концерт... С директором обещал договориться...

— Ничего, мы теперь сами договоримся, — сказала подошедшая Нина. Она уже переоделась. — Придем к нему, покажем номер, и — все дела! Разве можно такую красоту не взять!

Мы уже сидели за столом, заставленным едой в чисто русском стиле — тушеное мясо, горячая картошка, соленые огурцы, зеленый лук, и — пироги! Я налегала на тот, что с палтусом. Конечно, можно испечь пирог и с зубаткой, но он будет мокрым и хилым, можно с горбушей или с минтаем, но в пироге уже не будет той сочности и того всеохватного тонкого ядреного духа, идущего из самой его сердцевины. Думая о пирогах, я несколько отвлеклась от разговора, а когда очнулась и потянулась за следующим куском, речь уже шла о похоронах Тапочкина.

— Мы с девочками все же решили поехать на кладбище, а то народу совсем мало было. В этом доме ритуальных услуг сказали несколько слов, и разбежались... Нехорошо как-то... И мы поехали... Отдали дань... — говорила Нина. — А мужчины из нашего дворца даже одевать его помогали. Одели, обули, даже брюки ему подшивали.

Кстати, почему это всегда говорят, что умерший человек становится выше ростом? Это неправда!

— Хм... Ниночка, вы это о чем? Почему вы так подумали? Ну, что это неправда? — спросила вмиг насторожившаяся Валентина.

— Да потому что брюки Тапочкину оказались длинны! Его собственные брюки! Их сначала в поясе подобрали — нехорошо вышло, а потом внизу как бы подшили...

— Ну, что ж... Уж коли речь зашла о Борисе Демьяновиче, давайте его помянем! — предложил хозяин, и все с ним согласились...

Втроем мы тихо шли по ночному городу — Серж провожал нас до дома. Все молчали, но я была уверена, что каждый из нас думал об одном и том же.

— Может, все-таки это были не его брюки? — вдруг спросил Серж. — Мало ли что у него там в доме висело...

— Да ты же был в квартире — там нет ничего лишнего, — заметила я.

— А, может, дело здесь вовсе и не в брюках? — задала свой вопрос Валентина.

— Не в брюках? А в чем же? — отвечивал наш спутник.

— В чем же, в чем же... Не знаю пока. Наверное, в человеке, — многозначительно заключила Валентина.

Серж заметил, что костюм на Тапочкине был уже не нов, хотя и очень хорош. Положено хоронить в новом, но такого в доме не оказалось. Так что во всем этом действительно крылась какая-то загадка...

— А ваша Нина, Леонид Гаврилович, очень наблюдательна... И умна, и хороша, — добавила Валентина.

— Воспитал, воспитал... Я в нее сразу влюбился — в больнице, когда после ранения от бандитской пули лечился... А они, девчонки, пришли концерт больным показывать... Я как на нее глянул — все, думаю, конец тебе пришел, Леонид... Тут же пошел в соседнюю палату, выпросил там у одного рубашку приличную, у другого — брюки, и предстал перед ней...

— Опять брюки, — заметила я.

Вообще-то мне было непонятно, в чем вопрос. Ведь когда человеку не подходят брюки, следовательно, это не его брюки... А, значит, надо думать о том, чьи они... Это я и сказала вслух.

— Что тут думать? — резонно заметил Серж. — Брюки администратора! Это точно!

— Но если точно... — начала Валентина и тут же замолчала. Лицо ее осветила какая-то интересная и заковыристая мысль. И вдруг она сказала без всякой связи: — Хорошо, что мы Олю с ребенком в деревню увезли. Как-то спокойнее.

— Я тоже так думаю, — согласился Серж и, пожелав нам уже перед самой моей дверью спокойной ночи, торжественно удалился...

Мне хотелось задать Валентине много вопросов, но она, раздевшись и приняв душ, тут же отправилась спать. Я последовала ее примеру — а что мне оставалось делать! Хотя брюки покойника и Оля в деревне продолжали терзать мое сознание...

Глава 7

На следующий день, проснувшись пораньше, я решила, что хватит нам с Валентиной питаться всухомятку, и, пока она еще спала, отправилась на рынок — благо он был рядом. Я решила быть оригинальной и купила индюшатины. Кстати, птицу я покупала у весьма обаятельного пожилого человека с седыми, но необыкновенно густыми, волнистыми волосами — он был похож на художника, которого обуяло вдохновение. Мольберт, кисти в руки — и вперед! Мне захотелось с ним поговорить.

— Знаете, ни разу ведь не ела индюшатину, — призналась я. — Даже и не знаю, как ее готовить... Но рискнула — ко мне гостя приехала, хочу ее удивить...

Покупатели у него были, и немало. Взвешивая мясо, ловко упаковывая его, приветливо подавая покупку и сдачу, он в то же время рассказывал мне, какие оригинальные блюда я могу приготовить, что для этого нужно, насколько это вкусно и полезно. Под конец он мне представился, сказал, что зовут его Роман Петрович.

— Вы похожи на художника, — заметила я. — По виду — городской человек... Как это у вас получилось — птиц разводить?

— Мне сам бог велел — у меня дом в деревне. Родительский. То есть не моих родителей, а жены... Вот я там и... отдыхаю душой.

— А ей там тоже нравится? В город не тянет?

— Ей? Она давно умерла...

О, господи! Ну, конечно же, я разговариваю с будущим Надиным свежком!

— И у вас есть сын — Павел?

— Есть...

— И он собрался жениться на Наде Хромовой?

— Собрался...

— А я ее знаю! Хорошая девушка... Сейчас у нее такое несчастье — отца убили, мать в тяжелом состоянии...

Роман Петрович как-то весь помрачнел и вдруг сказал:

— Я вчера у нее был. Не пускали, но я пробрался... Ей плохо... К тому же она очень напугана...

— Немудрено — все эти убийства...

— А... вы-то кто?

— Да я журналистка, вы меня, верно, знаете — давно в газете работаю. — И я назвала свою фамилию.

— Читаю я вас... Читаю... Да.. Интересно пишете... Знаете, тут такое дело... Посоветуйте хотя бы, к кому обратиться... Дина в отчаянном положении...

Меня, в общем-то, удивило, что он назвал свою будущую сватью просто по имени, а не Дина Ергазиевна, но я промолчала.

— Она боится сказать, что ее ударили... Что на нее покушались...

— А кто?

— Этого она не знает...

— Где?

— Где-то на улице... Недалеко от дома, как я понял...

— Когда?

— В то же время, когда случились все эти трагедии...

— Почему она боится об этом сказать? — задала я глупый вопрос.

— Потому что, говорит, разделаются со мной, как с Васей! Но с ней нельзя так! Она... она много страдала... Это прекрасная женщина... Я ей вчера сказал — не молчи, пусть в полиции об этом знают. Но она все же боится...

— Я понимаю ее. Ведь убийцу Хромова еще не нашли.

— Тогда тем более надо все рассказать! Может, быстрее найдут... Я даже на рынок сегодня не хотел ехать, этим вопросом думал заняться, да деньги нужны к свадьбе... Ведь, что бы ни случилось, жизнь продолжается, а?

— Роман Петрович, мы сегодня будем у Хромовой в больнице. Я и... следователь — частный детектив Орлова. И мы, с вашего разрешения, постараемся уточнить у Дины Ергазиевны этот момент.

— Так это же замечательно! Голубушка, вы уж... постарайтесь! А я еще все-таки поторгую...

И он снова принялся за свои дела.

Я отошла от прилавка, и вдруг мне в голову пришла мысль, что Роман Петрович вовсе не случайно затеял со мной этот разговор... И если бы я не явилась на рынок, то, вероятнее всего, он нашел бы меня и Валентину через редакцию... Что бы это все значило?

Так получилось, что блюдо из индейки, приготовленное по рецепту Романа Петровича, представляло собой сразу и завтрак наш, и обед. С хорошим настроением, начиненные «базарной» информацией, мы с Валентиной отправились в больницу.

Доктор Александр Иванович Любимов сообщил нам, что в результате падения и удара головой у Хромовой повреждена теменно-височная область

и затылочная кость. Сейчас она уже переведена из реанимации в обычную палату, и с ней можно беседовать, но, по возможности, не очень долго. И, разумеется, больную нельзя волновать. Он провел нас в четырехместную палату к темноволосой женщине с бледным матовым лицом и забинтованной головой — она была укрыта одеялом до подбородка, но полуоткрытые глаза говорили о том, что женщина видит и понимает, что происходит вокруг нее. Доктор представил нас больной, мы сели рядом, а он вышел из палаты вместе с двумя женщинами, занимавшими соседние кровати, чтобы дать нам поговорить — четвертая койка была пуста.

— Дина Ергазиевна, вы нас слышите? — начала Валентина.

Больная чуть заметно кивнула.

— Прежде всего, хочу сказать, что мы за вас очень переживаем...

Из глаз больной покатались слезинки — одна за другой.

— Нас предупредили, что вас нельзя утомлять, — продолжила Валентина, — поэтому я спрошу сразу: вы не предполагаете, кто убил вашего мужа?

— Не знаю, — прошептала больная.

— Возможно, у вашего мужа не было явных врагов. Но если ему грозила какая-то опасность, вы могли подспудно ее чувствовать. Было такое?

— Нет...

— Вы его любили?

— Да...

— А теперь я хочу задать вам нехороший вопрос. Может, даже кощунственный. Смерть мужа для вас, конечно, страшная потеря, я в это верю. Но в то же время... не стала ли она для вас избавлением? По словам ваших знакомых, он, мягко говоря, не очень хорошо к вам относился... Мог накричать, ударить... даже грозил убить...

— Когда был пьяный... — снова прошептала Хромова. — Но он меня любил...

— А вы-то его любили? Или тоже так: когда трезвый — любила, пьяный — ненавидела?

— Я... не умею ненавидеть. Я терпела...

— А выбор дочери вам нравится?

— Да, Павел хороший мальчик.

— Он, я слышала, спортсмен?

— Футболист...

— А кто же это вас так сильно ударил по голове? И чем?

Если бы в палате вдруг грянул гром, то и он бы не произвел на Хромову такого сильного впечатления, как эти слова. Что ж, Валентина применила известный мне метод — отвлекла, расслабила человека, который, по ее мне-

нию, говорит не все, что знает, а потом, когда он отвлекся от своих тайн, ударила его наотмашь своим вопросом. Хромова как-то нехорошо дернулась, осторожно ощупала рукой бинты на голове, а потом по ее страдальческому лицу пробежала тень страха. Наконец она заговорила:

— Я упала. Стукнулась об асфальт. Или о камень...

— Где?

— Около дома... Вышла из подъезда, и тут сразу голова закружилась... От ужаса... Мне ведь Надя позвонила, сказала, что случилось... Меня ноги не держали...

— Сразу возле дверей подъезда, или вы успели спуститься по лестнице?

— Кажется, не успела... Я не помню...

— Но в это время во дворе были люди... Два старичка — живут в вашем же подъезде — играли в домино. Еще один, из соседнего подъезда, сидел с ними рядом, наблюдал за бельем, которое его жена еще днем вывесила сушить. Девушка, подруга вашей Нади, гуляла с собакой. И никто — понимаете, никто из них вас не видел!

Больная молчала.

— Почему вы не хотите сказать правду? Отвечайте же! Ведь преступник разгуливает на свободе! Тот, кто убил вашего мужа, и, возможно, хотел убить вас! А, может, этот человек вам знаком, и вы вовсе не хотите, чтобы его разыскали?

— Нет, нет, нет! Мне плохо... плохо...

На пороге тут же вырос Любимов и попросил нас придти в другой раз, если нам это будет нужно. Мы извинились и понуро побрели на улицу. У нас обеих было ощущение, что мы что-то сделали не так. И о Романе Петровиче не упомянули... Что ж, поскольку мы вряд ли быстро узнаем имя или же имена убийц, то у нас еще будет возможность встретиться и с Романом Петровичем, и с его сыночком, да не лишним будет и с Надей поговорить в нормальной обстановке. Это — что касается убийства Хромова. А Тапочкин, будь он живым, думаю, не стал бы возражать против откровенной беседы с его другом Галетовым, подругой Лорой, которых пока так и не нашли, и кое с кем из артистов. Что касается Алика Токарева, тут у нас вообще непаханное поле, так как беседы с его женой и друзьями совершенно ничего не прояснили. Но я видела — что-то крутится в голове у моей подруги, какая-то сногшибательная идея, отчего она улыбалась про себя и напрочь игнорировала мой понурый вид, замечая, что в каждой неудаче есть свои плюсы — человек начинает работать столь напряженно, что вытаскивает на поверхность из глубин своего мозга нерастроченные ресурсы, которые таят в себе огромные возможности, и если мы это сумеем, то... В это время мы как раз подошли к филармонии, где, согласно газетному объявлению, и должны были пребывать.

Глава 8

Уже в дверях мы столкнулись с Герой-картежником, как мы его называли между собой. Он поднялся вместе с нами в кабинет и, пока я готовила чай, как-то чересчур взволнованно объяснил, зачем пришел.

— Я сразу не обратил внимания, а сегодня стал перечитывать, как и чем убили Хромова, и думаю — а вдруг это тот самый нож, что я у него видел на рыбалке? Он у него был самодельный, из стали прочнейшей, лезвие длинное... В газете написано — узкое, но не такое оно было и узкое... Ручка черная, а на конце — будто шарик... Да, да, такое вот несоответствие в дизайне — ручка с мягкими очертаниями, а лезвие... Бр-р-р-р! Страшно и подумать!

Мне не понравилось, как он описывал этот нож. Как человека, к которому равнодушен, и это было нехорошо. И глаза странно побелели — или мне это показалось? Я даже не стала наливать ему чай, чтобы он поскорее ушел... А Валентина внешне была совершенно спокойна.

— Гера, судя по вашему описанию, это действительно может быть тот самый нож. Я передам вашу информацию Леониду Гавриловичу Серженко, он вас вызовет, и выяснится, тот нож или не тот. Спасибо вам! Если вспомните что-то еще — приходите!

— Да, да. Я пойду... А к вам тут вчера девушка светленькая такая приходила...

— Да, приходила, — спокойно ответила Валентина.

— Симпатичная такая... А... она замужем?

— Я не знаю, — отрезала Валентина. — А вас это очень интересует?

И вдруг этот Гера преобразился. Он улыбнулся, взгляд его стал застенчивым, добрым, ну прямо агнец невинный, и тихо так, доверительно сказал нам:

— Она мне так понравилась! Я... познакомиться хотел. Узнать, как зовут, где живет, работает. Да не смотрите вы на меня так... подозрительно. Просто я не женат... В каждой вижу недостатки. Вот и подумал — может, она — моя судьба...

— Так про нож — это вы все придумали, чтобы был повод разузнать о девушке? — довольно холодно спросила Валентина.

— Нет, что вы! Разве бы я мог такое! Про нож — все правда. Ну, я пойду... Жалко, что вы мне не сказали...

— Вот найдем преступников — все и узнаете!

— А если не найдете?

— Найдем, молодой человек! И на свадьбе вашей, может, погуляем!

— На свадьбе? — удивленно спросил он.

— Ну конечно! Девушка-то стоящая!

— Так, значит, не замужем. — снова улыбнулся Гера и, кивнув нам, удалился.

Не успела дверь за ним закрыться, как в кабинет, постучав, вошла довольно полная, приятного вида молодая женщина:

— Можно к вам? Я — артистка филармонии. Пою. У меня сольные выступления. Хотите, я вам спою, чтобы мандраж у меня прошел? А то прямо трясусь вся...

— Пойте! Мы с удовольствием...

Валентина не успела договорить, а толстушка уже встала, сложила на груди свои белые, пухленькие ручки и запела старую и всегда трогаящую меня до глубины души песню «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан»... Она спела два куплета и, видимо, успокоившись, спросила нас:

— Вам понравилось?

— Поразительно! Это так хорошо! — не выдержала я.

— Спасибо. Меня любят зрители. Когда объявляют, что поет Констанция, сразу же аплодируют.

— Кстати, фамилию свою вы нам не назвали, — заметила Валентина.

— Констанция Васильевых. Да, да, не Васильева, а вот «ых», я из Белоруссии. И Констанция — не псевдоним, а настоящее имя.

— Вы пришли, чтобы о чем-то нам рассказать, ведь так?

— Так. О Борисе Демьяновиче. И о том, что он... предлагал мне жить... с ним... Многих отпугивает моя внешность, а он — наоборот, как видел меня, так весь сиял... Я бы, может, согласилась, но меня смутила одна вещь... Вот об этом я и пришла рассказать, потому что убийства ведь происходят в основном из-за денег, так?

— Да, чаще всего, — согласилась с ней Валентина.

— Так вот, понимаете, когда Борис Демьянович уговаривал меня к нему переехать, то один из аргументов у него был — что у него много денег... Знаете, как он говорил? В Москве, мол, квартиру захочешь иметь — куплю! Любую! В Италии мечтаешь побывать — нет проблем! В Испании, на Кипре — тоже! Можем, говорил, вообще на Кипре поселиться. Или на Мальте. Или в Австралии... Но я больше всего в Италию хотела — там воздух такой, что голос делается красивым и сильным...

— Ну и — что дальше? — спросила Валентина.

— Да я как-то все колебалась. А когда, наконец, решила согласиться, вдруг появилась эта Лора и стала откровенно его обхаживать. Ну, я и застопорилась. У Лоры та же комплекция, что и у меня. Видимо, Борис Демьянович, как все худосочные мужчины, любил пышных женщин... Я решила не мешать Лоре, не навязываться. А теперь, когда Бориса Демьяновича убили, подумала — это из-за денег! Ведь их не нашли, правда?

— Не нашли. А где он их хранил, вы не знаете?

— Нет. Никогда не спрашивала. И еще я подумала — какой ловкий момент убийца выбрал! Из сейфа столько загреб, говорят, там тысячи долларов были, и личные его деньги испарились...

— Да, очень знающий был убийца... Осведомленный... И в этом вся странность, ведь Борис Демьянович не был открытым человеком... Ведь так, Констанция?

— Так. Не был.

— Вспомните, прошу вас, не говорил ли он вам о каких-то своих друзьях, хотя бы в той же Москве? А то никто про его знакомых ничего и сказать не может, какой-то вакуум вокруг...

— В Москве... Нет. Когда приглашал в путешествия — в столице, говорил, в лучшей гостинице остановимся! А вы Галетова спросите, они много общались. Галетов, может, что-то знает... Они раньше где-то в самостоятельности вместе работали...

— Галетов исчез. Пока не можем найти... Лору, кстати, тоже — как в воду канули...

— А знаете, какой один раз у нас интересный разговор был! Мы концерт давали в каком-то клубе, я спела, сижу во дворе прямо в русском сарафане, с кокошником, и Борис Демьянович ко мне на скамейку подсел. Тары-бары... И тут — курица с цыплятами, с целым выводком. Он на них ногой топнул, и цыплята все под крылья к ней забились... Так трогательно... А Борис Демьянович мне и говорит — вот, мол, Констанция, у меня в жизни никогда такого прибежища не было... Разве что... Дима — то ли Терехин, то ли Трухин, не помню. А, может, и Трушкин. Но он в Казахстане, говорит, живет. В Караганде. И дом назвал.

— И улицу?

— Нет. Сказал — жил в доме, где кафе «Весна». Рядом с летним театром. Акустика в этом театре, говорит, изумительная! Я потому ведь все и запомнила, из-за этого театра. Он, говорит, деревянный, ажурный весь, воздушный, как кружево... Но Борис Демьянович с этим человеком знаком был еще в юности...

Пока мы беседовали, пришел посланец от Татьяны. Валентина вынула из сумочки небольшой сверток с запиской и передала ему. Я поняла — у нее еще что-то нашлось для экспертизы, но спрашивать ни о чем не стала, боясь разрушить то хрупкое здание, которое она уже выстроила в своем сознании...

— Не могло быть так, что он просто играл перед вами богатого человека? Ну, обманывал?

— А зачем?

— Чтобы вы его... любили, — как ни в чем не бывало, сказала Валентина.

— Нет. Не могло, — обиделась Констанция и, как мне показалось, обиделась крепко. — Мне кажется, что во всех артистках вы все-таки видите продажных женщин... Если бы я была такой, он бы, поверьте, не обратил на меня внимания... К тому же я видела у него деньги. Доллары.

— Да? И где же?

— Дома...

— А вы не заметили, откуда он их достал?

— Не заметила. Я очень удивилась и испугалась. По-моему, огромная сумма денег всегда приносит несчастья... Этого надо бояться...

— Я согласна с вами, Констанция, — совершенно иным тоном, бодрым и веселым, произнесла моя подруга.

Мы проводили девушку, Валентина связалась по телефону с Сержем и попросила его разыскать в далекой Караганде Диму — то ли Терехина, то ли Трухина, а, может, и Трушкина — чем черт не шутит? Может, ему что-то известно о происхождении денег и о том, кто мог на них покуситься? Прихватив заодно и содержимое сейфа... Или было все наоборот? Преступник намеревался выпотрошить сейф, но ему неожиданно повезло — под рукой оказались и деньги Тапочкина... Но тогда администратор должен был эти свои деньги, которые видела Констанция, зачем-то принести вечером в свой кабинет... Зачем? Может быть, он хотел передать их кому-то? С целью приобретения недвижимости, скажем, за рубежом. Или с целью откупиться от терроризирующего его садиста? А, может, причину надо искать в его прошлой жизни? Мы еще раз просмотрели трудовую книжку Тапочкина. Она была идеальна... Со всех мест его работы мы получили интересные нас сведения, но нам они ничего не дали.

— Серж зовет нас к себе... На вечернее заседание, — сообщила Валентина.

— Его Нина еще что-то нам приготовила? На этот раз — танец с саблями?

— Никаких Нин! Это рабочее совещание у него в кабинете. Выскажем все свои предположения... Я чувствую себя как йог на гвоздях — везде неуютно, плохо, а надо терпеть, чтобы достичь цели... Ничего не знаю! Ничего! Концы с концами не сходятся! — разволновалась она. — И кто такой этот Галетов? Ну, вот куда он мог запропасться?

— Да куда угодно, — ответила я, потому что знала — он как нитка, пролезет в любое игольное ушко, согнется в три погибели, или же станет плоским, как лист бумаги, но пролезет и в самую узкую щель! Галетов был уникален — он почти никогда не работал, и никто не мог заставить его это делать! В прежние времена его хотели посадить — то ли за тунеядство, то ли за мошенничество — он виртуозно проделывал какие-то махинации с квартирами тогда, когда никто еще понятия не имел о приватизации и

почти все жилье было государственным либо ведомственным. Но он избегал тюрьмы, познакомившись с прокурорской дочкой. Потом его обвинили в аморальности. Вот с аморальностью я была согласна. Валерий Галетов был изначально аморален, но при этом его никто не гнал от себя — всем было с ним весело и интересно. Мне, кстати, тоже. И одевался он, как денди лондонский — модно, с иголки. Вопрос — и где только деньги берет? — всегда вызывал усмешку. И совершенно необъяснимым образом он был привязан к Лоре, как будто эти два человека были знакомы уже сто лет... Причем не ухаживал за ней, и она не проявляла к нему интереса как к мужчине — здесь было что-то совершенно другое... Партнерство в каком-нибудь тайном деле? Может быть... Но как бы ни хотелось Галетову не иметь проблем, но иметь как можно больше денег, он не способен убить человека. Потому что, при всех его мошеннических наклонностях, в душе он добр... Тут я крепко засомневалась сама в себе. И трусоват... А вот это правильно! И где же ты сейчас, Валерий?

Валентина с некоторым сомнением выслушала мою исповедь, а при мысли о галетовской доброте криво усмехнулась.

— Судя по твоему описанию, он вполне может быть тем преступником, который... — начала она и вдруг умолкла, глядя на меня как-то загадочно и недоуменно. А потом продолжила шепотом, так, словно делала какое-то открытие: — А почему мы с тобой почти всегда говорим — преступник, он... Ну, в единственном числе... Только потому, что все три преступления произошли почти в одно и то же время... Два — в одном и том же здании... И третье — неподалеку... Но ведь это еще ни о чем не говорит! Это может быть простым совпадением! И эти три убийства могли совершить три совершенно разных человека... Конечно, искать одного — удобнее. Но я... Как бы это тебе сказать? Ты видишь мои схемы... Вот эти...

Она разложила на столе листы с геометрическими фигурами... Между ними были протянуты линии, и все они были разные — тонкие, прерывистые, и уверенные, жирные, они связывали все эти квадраты, круги, ромбы, прямоугольники, трапеции, параллелепипеды в каком-то определенном порядке и, двигаясь по этому своему лабиринту, моя подруга, видимо, имела шанс отыскать выход... Во всяком случае, занимаясь всей этой геометрией, она настраивалась именно на такой результат.

— Понимаешь, — продолжала Валентина, — я обычно старалась проникнуть в сознание подозреваемых и, оказавшись там, находила нужные факты... Нашупывала их... А сейчас такой номер у меня почему-то не проходит. Как шлагбаум какой-то передо мной стоит...

— Боже, неужели сужаются твои экстрасенсорные возможности? — шутливо ужаснулась я.

— А вот и нет! Но я ощущаю все по-новому. Чем больше я думаю об этом... об этих событиях, — подчеркнула она их множественное число, — тем более интересные вещи со мной происходят... И я, кажется, прогрессирую...

— Хм... И как же именно?

— Постараюсь объяснить. Я хочу оказаться и оказываюсь как бы внутри события. Убили вахтера — и я там, в этом убийстве. В этом действии. Если раньше я старалась проникнуть в подсознание, в замыслы человека, чтобы их разгадать, то теперь проникаю в само преступление и стараюсь увидеть все как было в соответствии с тем, что знаю... Ты понимаешь?

— Конечно. Очень даже хорошо понимаю. Но толк-то от этого есть?

— Думаю, что есть. Я ощущаю связь между тремя убийствами и не исключаю, что два из них совершил один и тот же человек...

— Сторожа и администратора?

— М-м-м... Думаю, что нет. И мне очень не хватает фактов... Если что-то просматривается у администратора и вашего инженера с радио, то совершенно глухая стена вокруг сторожа... Кому он мог помешать? Не могли же его убить ради того, чтобы проникнуть в здание! Нет, по всей видимости, он стал свидетелем чего-то очень важного... Предположим, он узнал, кто убил Тапочкина... Но внизу-то все было спокойно! Не забывай, у Нади дверь была приоткрыта, она бы хоть что-то услышала! Нет... Тут узелок покрепче... И у меня такое чувство, что мы не с той стороны его развязываем... И эту Дину ударили по голове... Зачем? Какой смысл? Но ведь этот смысл есть! Есть железная логика поступков...

— Железная... Человек-то — не железо, у него есть чувства, эмоции... И людям бывает свойственно поступать нелогично, — возразила я.

— Я говорю о логике, а не о человеке! А еще мне бы хотелось с этой вашей Анной, как ее там по отчеству-то, встретиться...

— Сергеевна.

— Ага. И с Герой. И с Галетовым. И в Караганду я бы съездила! Но, наверное, телефонных переговоров будет достаточно... И в Питер... В Питер обязательно надо съездить!

— Зачем? — удивилась я.

— Как это, зачем? Ведь муж Лоры Всеславской в Питере. Ты сама говорила, слезы утирает, оставшись один!

— Это Лора так говорила!

— Ну, вот...

— Да ведь она все врала! В этом плане на ней клейма негде ставить! У нее и тетушки — английские миллионерши были!

— Хм... Врала, говоришь? А если все это — правда? И про мужа, и про квартиру? Из этого следует, что в Питере у нее — прекрасное жилье! И про

тетушек, из чего опять же следует, что, оформив развод, она будет богатой невестой! Богатейшей! Это вы решили — врет, врет! А умный и ловкий мужчина сразу поймет, что все это слишком конкретно для вранья...

— Ты имеешь в виду Галетова?

— Может быть, и его тоже... И такой мужчина уж постарается...

Телефон зазвонил резко и тревожно, у его звонка был ужасно грубый голос, хотя на том конце провода находился развеселый Серж:

— Дорогие дамы! Тот «жмур», кого наповал сразил Николай Федорович, несколько приоткрыл свои тайны... И, как ни странно, тут фигурирует знакомая дама из владений другого «жмура» — номер один... Короче, ждем вас, стол накрыт! Кушать подано!

Я положила трубку и дословно передала Валентине эту шифровку, спросив попутно, кто такой этот Николай Федорович, ведь он не фигурирует у нас ни в одном убийстве...

— Макаров. Пистолет Макарова. Да, интересно, интересно... Не зря я передала Сержу с Татьяной свою посылку... Маленькую такую посылочку... Ну, так что сидим? Вперед!

Я посмотрела на часы — именно в это время нас должен был ждать у себя директор филармонии. Мы решили, что по пути заглянем к нему, извинимся. Но кабинет директора был закрыт, и его секретарша сказала, что он не приходил и не звонил. Мы связались по телефону с директорским домом — дочь ответила, что папы дома нет и где он, ей неизвестно... У Валентины в связи с этим появилось желание «поехать тут в одно место», как она выразилась, но я предположила, что информация в угрозыске гораздо важнее, и мы отправились в наше УВД...

Глава 9

Леонид Гаврилович Серженко явно решил нас удивить. Он разложил на столе какие-то приборы, похожие на маленькие японские зонтики, которые можно положить в любую дамскую сумочку, а то и просто в карман, и, убедившись, что мы недоумеваем, что это такое, гордо произнес:

— Электрошоковые устройства. Наши, не заграничные. Научились. Этот «Скорпион» — тридцать три сантиметра, в общем-то, великоват. Вот «Мальвина» — двадцать пять сэмэ. А это — «Марго», шестнадцать сантиметров. Действуют при плотном контакте с противником. «Скорпион» весит больше семисот граммов, а «девушки» — двести-триста... «Конвой» с «Катраном» еще есть, я потом принесу, посмотрите — на сотовые телефоны похожи, а с чехольчиком, так прямо копия...

Валентина внимательно рассмотрела эти устройства, поинтересовалась, как они действуют, на какое время обеспечивается недееспособ-

ность противника, потеря им ориентации в пространстве и равновесия, может ли аккумулятор сохранять свою работоспособность, скажем, при сильном морозе, какой слой одежды электрошок способен пробить, а потом сказала:

— А у меня импортный. Вот этими вашими надо прикоснуться к человеку, мой же бьет на расстоянии...

— А ты пробовала? — поинтересовался Серж.

— К сожалению, да. Только в этом году мне два раза приходилось защищаться. На улице кто-то с собакой пытался наброситься... И у подружки моей в подъезде на меня напали...

— А на собаку действует? — полюбопытствовал Серж.

— Еще как! Интересное дело тогда мы расследовали с Комовым Владимиром Ивановичем, вы ведь его знаете?

— Знаем, — ответила Татьяна и заулыбалась. — Он несколько раз к нам в командировки приезжал...

— Очень неординарное было тогда убийство...

— Ха, Валентина, да разве бывают убийства обычные?

— Конечно. В пьяной драке, например, ножом, без всякого хитроумного замысла... А бывают просто из ряда вон! Так закручено-заверчено, что и не докопаешься! Как лабиринт. Мне, кстати, кажется, что и теперь мы в лабиринте...

— Сейчас будем из него выбираться! Так, рассаживайтесь, прошу внимания, имею важное сообщение.

Все молча расселись за столом, Серж взял поданные Татьяной документы — в папках и просто на листах, к которым были приклеены какие-то фотографии, и разложил их по всему столу, сконцентрировав самые основные возле Валентины.

— Вот, смотрите, — обратился он к нам. — Это — анализ следов крови и волос на голове скульптуры Бетховена, находящейся в кабинете администратора Тапочкина. А это — характеристика содержимого твоей посылочки, Валя. Свойства волос нашей больной Дины Ергазиевны Хромовой, определенные с помощью компьютера. Так вот, свойства эти говорят нам о том, что волосы Хромовой и те, которые прилипли к Бетховену, совершенно идентичны... И это значит, что Хромову ударили данным бюстом!

— Это точно, — подтвердила Татьяна. — Мы очень удивились, поэтому сто раз все перепроверили...

— Но чтобы получить удар данным бюстом, Дина должна была находиться в это время в кабинете администратора...

— Должна была, — кивнула Татьяна. — Бюст тяжелый, и вряд ли кому-нибудь придет в голову таскать его с собой в виде оружия...

— А она сначала говорила, что упала, потом призналась — ударили, дескать, прямо возле родного дома... У подъезда, — напомнила я.

— Врет, — не задумываясь, изрек Серж. — А моя бабушка всегда говорила — брешет!

— Да... Врет... И вранье это чувствуется. Я подозревала... Значит, наша Дина Ергазиевна именно в то время, когда убивали ее собственного мужа и администратора, была в этом здании... Предположим, она пришла к мужу... Ну, просто так или о чем-то сообщить. Надя ее не заметила — уходила наверх, к начальству... Остановимся на этом. Рождается много вопросов. Хромов был еще жив? Тогда зачем она пошла наверх, к администратору? Хромов был уже мертв? Тогда почему она не подняла крик? И опять же — зачем пошла к администратору? Хм... А какие отношения были у вахтера с Тапочкиным?

— Никакие, — ответила я, потому что специально этим ранее поинтересовалась. — На рыбалку вместе они никогда не ездили, близко не общались — здравствуйте, до свидания — вот и все.

— Никакие... — задумчиво повторила за мной Валентина. — Правда есть несколько конструкций...

— Конструкций, — удивился Серж и тут же добавил. — Ах, да, да. Когда мы с тобой работали — это было года два назад, — ты тоже все возводила конструкции... Давай. А потом я свою представляю.

— Хорошо... Предположим, Дина застаёт мужа в бессознательном состоянии, но, возможно, он что-то успевает сказать перед смертью... В конце концов он мог подписать себе приговор, увидев убийцу Тапочкина. И тогда вполне естественно, что Дина бросается в кабинет Тапочкина — поднимать всеобщую тревогу. А убийца еще там. И как только она появляется на пороге кабинета, он обрушивается на нее этот бюст...

— Может быть, он же заставил Лору выскочить из окна, — добавила я.

— Вполне! Но — эта моя конструкция держится еле-еле, потому что мы не знаем, какие причины заставили Дину сначала скрывать, что на нее напали, а потом утверждать, что стукнули ее во дворе, а вовсе не в филармонии...

— Так, дорогие дамы... Разрешите и мне высказаться, — попросил Серж. — Все могло быть так, да не так! Вот как я это вижу. Хромова зашла к мужу поболтать о том о сем. Вечер, одной дома показалось скучно. Сидят они, тру-ля-ля, и вдруг наверху раздаются выстрелы! Дина сразу же бежит туда — женское любопытство всегда сильнее страха! Она входит в кабинет администратора, видит его в луже крови и тут получает удар от убийцы, который перешагивает через женщину, рухнувшую на пол, бежит вниз, чуть не разделавшись по пути с Лорой, отчего она в страхе и выпрыгнула, и там его хочет задержать встряхнувшийся вахтер... Убийца вонзает ему нож в спину...

— Для этого он должен был знать, где у Хромова лежит нож, в каком ящике стола... Давайте-ка вспомним, как и что там расположено, и нарисуем.

Валентина схватила лист бумаги и быстро набросала очертания кабинета, обозначив, где стоит письменный стол, стулья, шкафы, где находится сейф, в каком месте лежало распростертое тело...

— И если он, убийца, схватил бюст...

— Ну, почему же он? Женщина все это проделать разве не могла?

— Нет, Серж. След точно мужской, я чувствую. И бюст для женщины неподъемный. Дай мне продолжить, я вижу тут кое-что очень важное. Чрезвычайно! А вы не видите, а? Да посмотрите же на рисунок!

— Не тяни время, Валентина, — призвал ее Серж, старательно вглядываясь в схему кабинета администратора. — О! Я вижу! Если убийца схватил бюст незаметно для Хромовой...

— ... значит, он находился вот здесь, за этим шкафом! — продолжила моя догадливая подруга. — Иначе бы Хромова увидела, что он тянется к бюсту, и успела бы убежать!

— Следовательно, тот, кто напал на Хромова, не толст и не высок, — внесла свою лепту в эти мыслительные упражнения Татьяна. — Шкаф-то этот небольшой, я видела!

— Спасибо, Татьяна Николаевна, умница! — похвалила ее Валентина. — Но я и еще кое-что тут узрела, и это для меня полнейшая загадка!

— Загадывай! А мы будем искать ответ, — усмехнулся Серж.

Валентина призвала всех вновь склониться над рисунком. Потом взяла ручку и стала отмечать крестиками предполагаемые передвижения Хромовой.

— Вот смотрите... Она подошла к кабинету администратора... Ставим крестик. Преступник ее еще не видит, но, скорее всего, слышит, иначе зачем бы ему прятаться за шкаф? Она ступила на порог. Ставим еще один крестик. Увидела труп и подходит, чтобы... убедиться, что это труп... Так? Да так, так, это же вполне естественно! Ставим еще один крестик. Вот тут. Она у трупа. Хм... По идее, теперь она должна повернуться и бежать, кричать, звать на помощь и так далее. Но где же он ее тогда ударил? Стукнуло где? Вот он, а вот крестики... Ему не дотянуться! А выйдет из-за шкафа, она его увидит и успеет убежать... Значит, что-то тут было не так...

— Валя, он мог выйти и пойти на нее с этим бюстом... А она настолько испугалась, что у нее ноги к полу приросли... Да если он еще что-то ей и сказал угрожающее... — высказала я свое предположение.

— Да? Окстись, подруга! По-твоему, она со страху стояла и таращила на него глаза, а потом, когда он подошел, повернулась и подставила ему свой затылок?

— Она хотела убежать... — не сдавалась я. — Она думала, что успеет. Скорость реакции обратно пропорциональна стрессовому состоянию...

— А мне кажется, вы несколько неправы, — осторожно возразил мне Серж. — Этой женщине, мы же выяснили, не раз приходилось убегать от пьяного мужа, и она давно научилась управлять своей реакцией...

— Стойте, стойте! — воскликнула Валентина. — Ведь все же — на моем рисунке. Вся разгадка. Все ответы.

Мы покорно уставились в рисунок, во все эти кубики и крестики.

— Предлагаю думать наоборот, так сказать, с хвоста. Где должна была находиться Дина, чтобы преступник незаметно и быстро к ней подкрался и ударил ее Бетховеном по голове? Давайте определим это место и поставим там крестик! — предложила подруга.

Я с огромным интересом смотрела на эти знакомые, давно изученные мной лица — они менялись прямо на глазах. Сначала — сосредоточенность, потом — удивление, и следом — недоумение, выразившееся в разных выкриках и восклицаниях, которые так и посыпались друг за другом:

— Но как же так? Зачем? Почему? Этого не может быть!

Тогда я опустила глаза на рисунок, где стоял еще один, новый крестик — он, как паук, расположился возле самого сейфа, со стороны приоткрытой дверцы...

— Она пошла к сейфу... В другом месте он не мог ее ударить... Но зачем она туда отправилась? Тем более что для этого ей надо было обогнуть труп... — тихо, как бы про себя, произнесла Валентина.

— Может, этот псих и маньяк деньги-то не все унес? Ну, не успел весь сейф обчистить. Вот она и решила... довершить, — предположил Серж. — А он не дал — мол, не бери чужое! Он ее вырубил, спустился вниз, а там его встречает муж в тревоге — жена ушла наверх, и все не возвращается... А перед ним сейчас — какой-то посторонний... Он, естественно, его не выпускает, требует документы или пропуск... А наш герой вместо документов — ножичек!

— Посторонний не мог знать, где лежит о ножичек, — заметила я.

А Валентина продолжала строить свою конструкцию, похоже, уже целое здание:

— Что-то герой этот у нас слишком универсален и кровожаден — сначала выстрелил из пистолета, потом пустил в ход голову композитора, а теперь вот — нож... Который, правильно замечено, ему еще надо было найти в столе у вахтера... Нет, не то... Не так... Преступник с деньгами и с огнестрельным оружием убегает, ему эту филармоническую дверь открыть — раз плюнуть, там простой засов — отодвинул вахтера и — на улице! Будет он тут наклоняться, искать у него в столе нож, чтобы потом посадить сторожа и

вонзить его ему в спину... Глупость какая-то! Не могло так быть. И не было. И в свете этих фактов... С Диной надо поговорить. И покруче, хоть она и дважды пострадавшая — мужа лишилась и чуть голову не потеряла. Голову не потеряла... Интересное выражение, а? Я имела в виду в прямом смысле, конечно... Ведь удар-то пришелся по голове...

— А почему? — глупо спросила я и уточнила: — Почему только в прямом смысле? Она — женщина красивая, к ней и Роман Петрович, отец ее будущего зятя, явно неравнодушен. И еще кто-нибудь вполне может влюбиться...

— А... Ты вот о чем, — протянула Валентина, как бы взвешивая все за и против. Ты вот о чем... Голову потеряла... Потеряла голову... Да, надо снова кое с кем пообщаться

Мы дружно согласились с ней и запланировали повторные встречи с Надей, Диной Ергазиевной, Герой, директором Зинчуком, переговоры с Карагандой, а также посетовали на то, что до сих пор неизвестны места нахождения Лоры и Галетова... Собственно, Галетов мог быть вообще не связан с этим делом, а просто уехать в свой очередной любовный вояж к какой-нибудь одинокой даме, которых он находил время от времени...

В этот момент раздался звонок телефона. Трубку сняла Татьяна — она ближе всех сидела к аппарату. И сразу же скосила глаза на меня. Оказывается, меня разыскал мой редактор. Он был краток и непреклонен:

— Бросай-ка немедленно все свои темные дела! Нужно срочно выехать на край света... Шучу, шучу... В Питер! И в Волжанск! По одному и тому же делу! Ты ведь у нас ведешь проблемы атомных станций? Вот в Питере и будет крупное совещание атомщиков, пресса допущена, я твою фамилию уже назвал... Это — прямо в атомном институте, недалеко от Московского вокзала, удобно добираться. А в Волжанске движение протеста против строительства новой атомной станции будет проводить свои акции...

— Мне что, раздвоиться? — обреченно спросила я.

— Не волнуйся. Специально все сделано так, чтобы после совещания желающие успели на акции протеста... Командировка тебе уже выписана, приходи, получишь вместе с деньгами...

— И когда вы мне дадите хоть минуту покоя?! Ведь отпросилась за счет своих же выходных дней...

— Ха! А ты помнишь свой первый материал об этих делах, а? Что молчишь? А я помню! Заголовок! «Нас ожидает новый стресс — под боком строится АЭС!»! Всех тогда ты этой статьей достала! Не надо было начинать!

Сейчас редактор скажет про то, что инициатива наказуема, подумала я, — он никогда не упускал случая повторить сии слова. И потому сказала это первая:

— Инициатива наказуема! Я иду к вам, иду, мой усталый, задерганный шеф! Я поеду туда... И еще я люблю вас... вообще... Ода, говорите? Мо-

жет быть... Все, все, молчу! Буду часа через полтора, готовьте документы! И жду аплодисментов!

Шеф, смеясь, положил трубку. Он был очень хороший редактор, интересный поэт и отчаянный человек — сломал в редакции иерархическую лестницу, ликвидировал должности завотделов, их замов, закрепил за каждым определенные темы и создал прекрасное журналистское братство, семью, в которой всем, кто не случайно пришел в эту профессию, жилось и писалось замечательно!

— В командировку посылает, — доложила я присутствующим. — В Питер. В атомный институт с длинным названием. Там будет совещание. А на следующий день в Волжанске — протест против строительства АЭС...

Валентина посмотрела на меня с недоумением.

— Она у нас — классный специалист по атомной энергетике, — объяснил ей Серж. — Цикл ее материалов на эту тему и в администрации обсуждался, и в Минатом посылался. Знает все — от устройства реакторов старого и нового типа до подвижек земной коры, тектонических разломов, которые как раз проходят в том месте, где хотят строить новую АЭС...

Уверена, что Валентина пропустила все это мимо ушей, потому что тут же переспросила меня:

— Значит, ты едешь в Питер? Когда?

— Сейчас! Еду в редакцию, беру командировку, деньги, заезжаю домой за вещами, и — привет всем, блуждающим в лабиринтах!

— Но ведь это замечательно! Ты не знаешь, у Лоры — фамилия мужа?

Я не ожидала такого перескока и несколько растерялась.

— У Лоры? Не знаю...

— Вот что я поручу тебе сделать, дорогая моя подруга...

— Ничего не поручишь. Совещание целый день, а вечером уже надо выезжать в Волжанск...

— Нет, поручу. Может, успеешь. На худой конец, эти акции прекрасно пройдут и без тебя. Потом обо всем спросишь и напишешь... Зайди-ка ты к этому покинутому Лорой Всеславскому... Серж, ты говорил, что вы получили адреса...

— ... двадцати с лишним Всеславских!

И Серж, порывшись в одной из папок, протянул Валентине имена, адреса и номера телефонов двадцати одного Всеславского, проживающего в городе на Неве. Валентина, в свою очередь, передала эту «головную боль» мне.

— Вот видишь, тут же все есть! Садись за телефон, обзваниваешь всех и осторожно интересуешься, у кого есть жена Лора или Лаура, я правильно говорю?

— Да, правильно. Но у меня совещание...

— Совещание — это замечательно! Посидишь, уловишь суть, задашь пару-тройку самых важных своих вопросов, и слиняешь в какой-нибудь кабинет, где есть телефон...

— Там недалеко райотдел полиции, где мой однокурсник работает, вместе в Высшей школе МВД учились, — сообщил Серж. — Вот тебе его данные... Он будет рад, — и протянул мне листок с адресом и телефоном.

— А вдруг этот муж — какой-нибудь маньяк? Ведь не зря Лора от него убежала... Правда, она говорила, что не могла жить с нелюбимым человеком, не могла обманывать его, но кто ей верил?

— Дорогая, ты можешь договориться о встрече с ним в каком-нибудь кафе... Или парке... Не обязательно лезть к нему в пасть... В логово... Поговори с ним о Лоре. Дескать, талантлива. Исчезла. Все волнуются. Все любили. Может, он знает, где она... О жизни пофилософствуй. По обстоятельствам. Главное, нам надо выяснить — где она, с кем? Почему уехала из Питера? Пишет ли? Звонит ли? Какие у нее планы? Да ты сама все знаешь...

Глава 10

В Питере было сыро, хмуро и холодно. Петляя по тротуарам, чтобы не попасть в лужи, я добралась-таки до института и тут же нырнула в его огромные дубовые двери. В небольшом холле перед комнатой с длинным столом, где должно было проходить совещание, собралось уже много атомщиков и журналистов. Здесь были и светила нашей науки. Одно «светило» стояло у окна и высматривало что-то на улице. Я решила не терять времени, подошла к нему, включила свой диктофон, представилась и стала задавать свои вопросы, которые должны были уничтожить его искреннюю убежденность в пользе атома и необходимости атомной энергетики. Конечно, он мог послать меня подальше с моими дилетантскими умонастроениями, но этот интеллигентный человек стал терпеливо убеждать меня в ошибочности моей позиции, в том, что реактор нового поколения совершенен и не опасен, и будущее — за атомной энергетикой. Вдруг он увидел входящего в холл человека лет сорока, опирающегося на палочку, поздоровался с ним и, посоветовав мне поговорить с этим ученым, передал меня из рук в руки Герману Теодоровичу, а сам тут же исчез... Герман, мысленно я называла его без отчества, оказался собеседником необычайно интересным. Он выслушал мои доводы и стал тихонько и последовательно разубеждать меня, приводя массу примеров и цифр. При этом глаза у него блестели, а взгляд оказался какой-то глубинный, пронизывающий. Умный, но несколько неприятный и пугающий. А голос был красив — густой и в то же время бар-

хатный. И борода ему очень шла. Не знаю, на что я больше тратила свое внимание — на изучение внешности или на слушание его речей... А народ в холле все прибывал, стало шумно, мы закончили разговор, довольные друг другом, и я, узнав, что до начала совещания еще полчаса, пошла искать телефон. Это оказалось проблемой — институт секретный, все закрыто. Я обратилась к организаторам совещания, мне вручили сотовый телефон, с которым я и ушла в глубину огромного коридора, где мне никто не мешал, развернула свой список Всеславских и набрала первый же номер. Звали абонента Сергей Иванович. Мне ответил мужской голос.

— Сергей Иванович?

— Да, слушаю.

— Позовите, пожалуйста, Лору... Лауру...

Ни секунды промедления, сразу:

— Девушка, вы ошиблись. Здесь нет и не было никакой Лоры. Мою жену зовут Мария...

Я извинилась и тут же набрала второй по списку номер — некоего Михаила Семеновича. Ответил старческий голос — очевидно, бабушка.

— Здравствуйте, могу я поговорить с Лорой?

— Да ее дома нет!

— А когда я смогу ее застать? Во сколько мне позвонить?

— Часа через два. У нее сегодня шесть уроков. А вы, наверное, Катина мама, да? Она знает про день рождения. Придет.

— Нет, я не Катина мама. А сколько Кате исполняется лет?

— Десять, как Лоре. А кто же вы?

Я разочарованно повесила трубку... Времени у меня на эти «опыты» ушло много, и я решила призвать на помощь свою интуицию и кое-что еще, чтобы выбрать из списка нужного мне Всеславского. Не вчитываясь в имена, стала водить рукой над списком и думать о Лоре, вслушиваясь в себя и ожидая, когда мою ладонь толкнет нечто, напоминающее слабый электрический разряд. Рука поползла почти до конца списка, когда это, наконец, произошло. Фамилий под ладонью было две, и от какой именно шел разряд, понять было невозможно. Невидимую стрелу в меня пустил Александр Аркадьевич Всеславский или Герман Теодорович с такой же фамилией! Так и кричало мне с листа это имя — Герман Теодорович! Черным по белому! А поскольку это не Иван Иванович и даже не Владимир Александрович, то я тут же помчалась обратно по коридору, моля господу, чтобы ученые еще не расселись в зале и чтобы успеть завладеть несравненным Германом Теодоровичем! Возвращая телефонную трубку, я сказала организаторам, что взяла интервью у Германа Теодоровича, но фамилию не спросила...

— Это Всеславский! Он у нас умница, — сказала мне главная организаторша, восседавшая за столом регистрации гостей и протягивающая

мне перечень участников совещания. — Вот, можете выписать отсюда все его звания...

Я последовала ее совету, выразила искренний восторг его достижениями и сожаление по поводу того, что здоровье его, видимо, не так блестяще, как научные успехи — бледен, ходит с палочкой...

— Это бывает редко, — печально ответила организаторша.

— Редко ходит с палочкой? — уточнила я.

— Редко ходит. В основном лежит. Он пережил сильный стресс и попал в аварию...

— О, боже! — схватилась я за голову. — Я же вспомнила, что слышала об этом! Сильный стресс... У него тогда что-то случилось с женой... Она то ли ушла, то ли погибла...

— Я уверена, что она погибла! — отрезала организаторша, и я поняла, что больше она не скажет ни слова. Для нее женщина, удостоившаяся любви Германа Теодоровича и не оценившая этого, перестала существовать!

Я поблагодарила ее и отправилась в комнату совещаний, где прибывшие начали уже занимать места. Герман сидел в глубине комнаты, рядом с картой страны, на которой блестящими кружочками были обозначены все действующие атомные электростанции..

— Герман Теодорович, разрешите присесть к вам...

— Пожалуйста, пожалуйста, только ваш диктофон отсюда ничего не уловит... Ведущий-то вон где будет сидеть, видите? И выступать все будут там...

Интересы газеты и Валентины на моих весах соответствовали одному и тому же делению. Я заняла место рядом с Германом, отнесла диктофон на стол председателя, где уже лежали подобные устройства, и попросила включить мою бандуру, как только начнется действие. Мне пообещали. Вернувшись на свой стул, я решила не терять времени, которого и так было в обрез.

— Герман Теодорович, мне очень хочется написать о вас. И для областной, и для центральной газеты. Не интервью сделать, а очерк... Я так много хорошего сейчас о вас услышала...

— Это лишнее... Зачем? Моя жизнь скучна, неинтересна и... трагична, — тихо произнес он.

— Может быть, начать с... трагедии? С трудного, — смело предложила я. — В чем она у вас, такого успешного человека?

— Странно как-то... Я на эту тему никогда ни с кем не говорю, а вам готов ответить... Трагедия моя, уважаемая молодая дама, в том, что давно, больше десяти лет назад, вот здесь, в этом прекрасном городе, меня неожиданно посетила... любовь. Пришла ко мне, и с тех пор не уходит...

— Лаура? Ее звали Лаура?

— Ее зовут Лора... Это я назвал ее Лаурой... Откуда вы узнали про это имя? От моих коллег — не могли, я им этого не говорил... .

— Я узнала это от нее... От Лауры... Где я могу ее увидеть? Она сейчас дома?

— Может быть, она дома. Знать бы только, где этот дом...

— Она жила в нашем городе, мы вместе работали, и вдруг неожиданно уехала...

— Знать бы только, куда...

Нет, все-таки он был несносен! «Знать бы только, где, знать бы только, куда»... Мне хотелось его передразнить и спросить — так чего же ты не знаешь-то?! При этом глаза его сверлили меня довольно глубоко и неприятно.

— Возможно, вы хотя бы предполагаете, где она? Мне нужно ее найти, ей угрожает опасность!

Он еще немного помолчал, а потом выдохнул:

— Рассказывайте!

— Здесь мне всего не изложить. Знайте одно — она оказалась рядом с местом преступления. Убийства... И могла видеть убийцу... Я думаю, это серьезная причина опасаться за свою жизнь... Ее необходимо предупредить!

— Она просто создана для того, чтобы попадать в какие-то передряги... Я вам признаюсь, что недавно искал ее... Мне показалось, что с ней какая-то беда случилась... Обзвонил всех ее знакомых — никто ничего не знает...

Участники совещания стали здорово на нас коситься, и мы замолкли, с нетерпением ожидая перерыва. Наконец он наступил. Мы прошли в конец коридора, и там я в довольно общих чертах рассказала Герману обо всем, что знала. Подробности, связанные с расследованием, я благо-разумно опустила, посчитав, что это может насторожить ученого и отпугнуть его от меня.

— Ах, Лаура! Бедная Лаура! Эта вечная неприкаянность... Неустроенность... Независимость...

Он вдруг повернулся ко мне, подошел близко-близко и буквально пронзил меня своим взглядом:

— А вы... правду мне говорите, а? Или подсланы... С провокационной целью?

Я молча выложила на подоконник свое журналистское удостоверение, паспорт с пропиской и листок со всеми однофамильцами бедного Лориного мужа, призвала его осмотреть все это «добро» и добавила:

— К сожалению, других доказательств нет... У меня, между прочим, в отношении вас тоже есть кое-какие подозрения. Почему, например, Лора от вас ушла?

Он, продолжая просматривать мои бумаги, буркнул:

— Ей не нравился мой взгляд. Она пугалась, когда я на нее смотрел... Особенно ночью... Я часто просыпался и просто на нее смотрел... Последний раз она сказала, что так смотрят маньяки, и ушла. Но, поверьте, у меня с детства такой тяжелый взгляд... Мои родители пережили блокаду... Я думаю, это отразилось и на мне... Возьмите все это, — вернул он мне бумаги.

Я бросила в сумку «доказательства своей честности» и еще раз спросила Германа, как же все-таки найти Лору...

— Хорошо. Я попробую. Но прошу — еще раз, чтобы я все понял, повторите, зачем она вам?

— Предупредить...

— Но если она видела убийцу, то сама знает, что ей грозит!

— Возможно, она знает не все... Ведь на втором этаже, почти рядом с ней, убили администратора, а на первом этаже в то же самое время — вахтера. А через двадцать пять минут — инженера с радио, но это уже в парке... По которому, кстати, она примерно в то же самое время и шла!..

— То есть вы хотите ей сказать, что, вероятнее всего, там действовал маньяк, и ей нужно опасаться втройне, так?

— Да, так... Или убийца был не один... То есть я хочу сказать, что там мог быть не один убийца, а два или три... Каждому — по жертве, так сказать...

— По трупу... Ну, скажете вы ей об этом, а дальше? Я не понимаю, для чего вы ей нужны! О, я догадался — не вы ей, а она — вам, так?

— Она может дать новые сведения о преступлениях... Очень важные... Таким образом спасти и себя, и других...

— Но вы же не сыщик...

— Я пишу об этом деле. И все передам... профессиональным сыщикам... А она потом подтвердит, когда сможет... Пока ее не передали в федеральный розыск...

На другом конце коридора стало пусто — все, очевидно, опять подались в зал заседаний. Пospешили и мы. По пути Герман что-то буркнул насчет использования знака «Ч». На мой вопрос об этом знаке он не ответил... Я вошла в зал, проскользнула мимо карты с блямбочками и села на свое место, отметив по пути, что диктофон мой усердно работает. Но Герман моему примеру не последовал! Я успокаивала себя — вероятно, зашел в туалет, но прошло пять, потом и десять минут, а стул рядом со мной оставался пустым... Тогда я, согнувшись в три погибели и прячась за стульями, поползла к выходу...

Герман преспокойно сидел в холле и разговаривал по телефону...

— Именно... Именно когда будут идти двенадцатичасовые новости... Успеешь... И в три часа повтори... Только одно слово... За мной все кон-

трольные — твои и твоих потомков... Хорошо, и брата тоже. А сейчас я включаю и слушаю... Прямо сейчас... Ни пуха!

Он бросил трубку и с любопытством посмотрел на меня.

— И все-таки вы вызываете мое недоверие...

— Это взаимно...

— Но, тем не менее, я сделал шаг...

— Я слышала, но не поняла, какой именно...

Он не ответил, а включил приемник и настроил его на нужную волну. Там повторялся недавний концерт ко Дню работников полиции, состоявший из затасканных номеров. Мои друзья, побывавшие на том концерте, обиделись, видя эту наглую халтуру. Теперь и я поморщилась...

— Согласен с вами. Гадость. Но сейчас она допоеет — извините, дохрипит, и будет выпуск новостей... Слушайте внимательно — вас ждет сюрприз...

Выпуск новостей был очень кратким, а потом начался прогноз погоды, в котором прозвучала такая фраза: «В нашем прекрасном городе к вечеру ожидается похолодание»...

Я никогда не слышала, чтобы в прогнозе погоды говорили о «нашем прекрасном городе». Что ж, любовь к Питеру у ведущего вылилась через край, о чем я и сказала Герману.

— Это — знак. Где бы Лора ни была, она обещала слушать эти новости в двенадцать и в три часа, и, если скажут про прекрасный город, тут же связаться со мной или сразу мчаться домой...

— Очень хорошо! Она будет звонить, а вы — в этом институте! Может, телефон у вас дома уже разрывается...

— Не волнуйтесь, у меня автоответчик... Я всегда записываю на нем информацию, где меня искать... Оставил номер вот этой приемной...

— И все-таки лучше вам быть дома! Что вы отсюда сможете ей сказать? Да и я бы с вами пойти не отказалась, если бы вы меня пригласили...

— Приглашаю...

— Это далеко?

— Я живу на Васильевском острове... Минут двадцать — на общественном транспорте. Но у меня машина...

— Едем прямо сейчас?

— Хорошо бы. Но нам необходимо добыть ваш диктофон и мою палочку-выручалочку, я пока еще не могу без нее хорошо ходить...

Тут из зала заседаний вышла организаторша, и Герман сразу же обратился к ней:

— Милая Зинаида Иосифовна, нам вот с этой дамой надо срочно уйти, а у меня там остался костыль, он стоит почти у самой карты, а у нашей гостьи — диктофон лежит на столе у председателя. Буду чрезвычайно признателен, если вы окажете мне огромную услугу и вынесите эти вещи...

Женщина улыбнулась, и через несколько минут мы уже садились в машину Германа, которая оказалась простым «жигуленком».

Вскоре мы въехали во двор старого кирпичного дома с огромными окнами, поднялись по широченной лестнице на третий этаж и после небольшой манипуляции с ключами я, дав хозяину войти первым, шагнула за порог ... и не поняла, куда попала. В таком холле мои дети могли бы играть во все спортивные игры, в том числе и в футбол, а также проводить соревнования по бегу на сто метров... Войдя в залу, а именно так назвал ее Герман, я была потрясена изумительными, прямо-таки музейными экспонатами, которые представляли из себя зеркала, кресла, кушетка, книжные шкафы, заполненные старинными фолиантами и скульптурами, и огромный письменный стол, на котором стоял вполне современный телефон с кнопками. Зато в холле я заметила старинный настенный телефон, которые показывают сейчас лишь в фильмах... Я села в кресло, прислушиваясь к звукам, доносящимся из кухни, где хлопотал Герман, стала оглядывать все стены и вдруг... буквально впала в шок! Прямо над моим креслом, а точнее — над моей головой, милые крестьянские мальчик с девочкой уверенно, как и десятки лет назад, шли на рыбалку! А моя-то дочь думала, что уже никогда не скажет им: «Привет, дорогие, ждите меня, я иду в школу!»

Когда Герман внес поднос с кофе и печеньем, я сразу же задала ему вопрос о происхождении этой картины.

— О, это Лора прислала! — восторженно сообщил он.

— Хм... По почте? — уточнила я.

— Не понимаю, зачем вам это. Багажом. Она часто так делает, когда путешествует. Собрала уже целую коллекцию. Вот, смотрите — гобелены, эстампы, гравюры, скульптуры из чугуна, мрамора, даже из дерева есть...

— Я знаю о том, что она отправила багаж. Так, значит, вы получили ее вещи?

— Ну да. Видимо, она все-таки планировала вернуться...

— Я понимаю — вы волнуетесь... И я волнуюсь, но хочу вам кое-что сказать, не могу удержаться...

— Конечно, конечно, говорите.

Я показала на детей с удочками:.

— Эта картина — моя. Она досталась мне в наследство. Лора взяла ее у нас из дома обманом.

И я рассказала, как было дело. Чувствовалось, что он мне не поверил — очевидно, авантюрные наклонности Лоры были для него тайной за семью печатями.

— А почему вы удивились? — решила я все-таки спросить. — Ведь она, по вашим же словам, часто пускалась в дальние плавания. Но непросто

устроить свою жизнь на новом месте. Приходится хитрить, изворачиваться, придумывать всякие небылицы...

— Небылицы? И это вы о Лауре? Да она откровенна, как малый ребенок!

Похоже, он говорил это искренне. И хоть в глазах его по-прежнему таилась какая-то бездна, из которой меня пытались просверлить насквозь, я перестала его бояться. Более того, решительно сказала, что мечтаю сегодня же вечером увезти эту картину домой. Он не возражал. Молча снял ее со стены и унес в холл. А через некоторое время, когда я допивала свой кофе, зазвонил телефон... Герман мгновенно прибежал с веревкой в руках, из чего я сделала вывод, что мои юные рыбаки упаковываются, и схватил трубку... Я тоже подалась поближе к аппарату...

Из трубки зарокотал спокойный мужской голос:

— Нельзя войти дважды в одну и ту же реку... Передайте это ей, пожалуйста...

И все. Далее — короткие гудки.

Я вопросительно посмотрела на Германа — его объял настоящий ужас. Он как-то странно встряхивал головой, прикладывал руку ко лбу и бегал, сильно хромя, от кресла к креслу.

— Герман Теодорович, возьмите себя в руки! Во-первых, это мог быть случайный звонок. В никуда. Человек набирает первый попавшийся номер и говорит, что вздумается. Во-вторых, она могла просто кому-то рассказать об этом вашем условном знаке, и этот кто-то, услышав о прекрасном городе, решил так неадекватно откликнуться...

— Еще не было случая, чтобы она сама не откликнулась, — прервал он меня. — Я всегда был уверен, что она даст о себе знать. Это ведь чрезвычайный знак, вы понимаете? Знак неожиданной беды, вот как я бы сказал. И мы не зря его придумали. И если она не откликается, это может означать... Я не хочу думать о плохом! Не хочу, вы слышите!

— Да, слышу. И я не думаю о плохом. У Лоры хватит умения и мужества выпутаться из сложной ситуации.

— Так вот. Это может означать, что она в таком захолустье, где и радио-то нет!

— Но она могла не слышать! Могла пойти в магазин как раз в это время... так что надо подождать трех часов... Хотя и в три часа она тоже может куда-либо выйти...

— Нет! Не может, я же вам сказал! Двенадцать и три часа — это святое! Или-или, но чаще в двенадцать! Будем ждать... Но если этот звонок не случаен, то она могла попасть в переделку...

— Надо взять себя в руки. До трех часов... Вы разрешите мне позвонить по межгороду?

— Разумеется.

Я набрала номер Сержа. Ответила Татьяна и проинформировала меня, что он вместе с Валентиной находится сейчас в больнице у Дины Ергазиевны. Тогда мне пришлось вылить на нее все добытые сведения, вплоть до «вхождения в реку». Татьянина реакция была мгновенной — она записала номер телефона Германа и попросила меня, если снова будет какой-либо странный звонок, подольше не класть трубку, заверив, что они тотчас же свяжутся с питерской «прослушкой» и определят, откуда идет звонок.

На все эти дела ушел без малого час. Чтобы хоть немного сбросить напряжение, следующие два часа мы провели в мирной беседе ни о чем и в рассматривании фотографий, на которых Лора была изображена и ребенком, и подростком, и стройной юной девушкой, одна и с подругами, а еще, очевидно, с учителями. Причем я совершенно не обратила внимания на то, что совсем маленькая Лора изображена в любовно сшитых платьицах с оригинальной отделкой, а Лора-подросток отличалась строгостью и однообразием одежды... Видимо, я проворонила это потому, что упорно искала хотя бы одну фотографию Лоры с молодыми людьми, но не нашла. Она что, возит их с собой? Или же эти снимки изъял и порвал ревнивый муж?

— Какая она была худенькая... А теперь...

— Да... Но она может быстро сбрасывать вес. Я все шутил — раздулась, говорю, от важности, что у тебя теперь такие владения...

И эти слова, так же, как и нелогичность в фотографиях, я пропустила мимо ушей. А он тем временем продолжал:

— Она уехала, и я мирюсь с этим, у меня нет другого выхода. К тому же я болен... Не так уж много мне осталось... Не смотрите на меня с такой жалостью, я отношусь к этому совершенно спокойно. У меня уже было два инфаркта... Да еще эта авария... И все-таки у вас на лице — вопросы, вопросы...

— Да, да, но я... У меня такое чувство, словно сейчас вы сказали что-то очень важное, а я это пропустила...

— Да нет, уверяю вас, ничего такого...

Телефонный звонок заставил нас подскочить и буквально лечь на стол рядом с аппаратом. Он снова взял трубку, и все тот же голос изрек:

— Невозможно войти дважды в одну и ту же реку... И она в нее не войдет!

И все. Прошло, наверное, больше часа, когда снова раздался звонок, на этот раз я услышала голос Сержа:

— Это звонок был не междугородный. Он из Питера. Из общежития строителей на улице Гражданской. Имеется и описание звонившего. Небольшого роста, довольно щуплый. Представляется Жоржем. Он там не живет, познакомился с одним из строителей и зашел к нему якобы просто посидеть... Это не может быть Галетов?

— Судя по описанию, нет. Тем более что в последней «реке» была явная угроза... А Галетов — трус и не будет лезть ни с какими угрозами. Он у нас по части дам... А, может, это вообще звонили не Всеславскому?

— Ровно в двенадцать и ровно в три... Совпадения, конечно, бывают, но не до такой же степени...

— Завтра я буду в Волжанске, и сразу домой...

— Ждем!

Герман довез меня до вокзала. Уезжая в Волжанск, я очень просила его беречь себя, но при этом сделать все, чтобы узнать, где же все-таки Лора. Я оставила ему все необходимые телефоны, в том числе и питерского сокурсника Сержа, который мне лично не понадобился. Он проводил меня до самого вагона. Мы стояли недалеко от проводницы и, возможно, были похожи на двух влюбленных, потому что я смотрела на него с искренним сочувствием — ведь он был болен и одинок, а в его взгляде на меня таилась тревога и какая-то недосказанность... Он взял мою руку и долго держал ее в своих руках.

— Удачи вам! Я очень надеюсь, что скоро смогу сообщить вам какие-либо новости...

— Это будет здорово! И я вам желаю — выздоравливайте! Будьте осторожны! Пусть рядом с вами будут друзья... И — ищите ее! Ищите!

Он притянул меня к себе, коснулся лицом моего плеча...

— Вы хорошая женщина... Я был рад с вами познакомиться... Может быть, даже... счастлив...

— Счастливы вы будете тогда, когда мы найдем Лору! А, может быть, правильнее сказать так — когда мы ее спасем...

— Молодые люди! Поезд отправляется!

Мы оба улыбнулись, потому что были не такими уж молодыми.

И расстались.

А через сутки с небольшим я была уже дома.

Глава 11

Родной город встретил меня улыбками моего мужа и дорогих моих деточек, а также огромным коробом новостей. Я и подумать не могла, что за трое суток так многое может перемениться! Прежде всего решили вопрос с Ольгой — где ей пребывать вместе с ребенком. Валентина, да и Серж с Татьяной считали, что оставаться в городе такой свидетельнице, когда преступники еще на свободе, опасно.

Перебрав все возможные варианты, остановились на одном из подмосковных санаториев, с руководством которого быстро удалось догово-

риться. Был улажен вопрос с продлением внепланового Ольгиного отпуска, и белый воздушный лайнер помчал их подальше от опасности...

Второй новостью для меня были результаты бесед Валентины и Сержа с Диной Ергазиевной, все еще лежавшей в больнице. Теперь она не говорила о том, что упала возле дома и получила травму. С ней произошло самое страшное — растаяла ее память... Она так и сказала — растаяла... И теперь эта женщина ничего, абсолютно ничего не помнит и не знает! Таким образом она все упростила себе до предела — только вот намеренно или нет, было непонятно. А знать это просто необходимо, поскольку, как-никак, а сейчас ее личность была связана уже с двумя убийствами — собственного мужа и Тапочкина, ибо ударили-то ее бюстом Бетховена, судя по всему, именно в администраторском кабинете! Лечащий врач Хромовой на прямой вопрос Валентины, может ли человек с такой травмой, как у нее, забыть все, что с ним произошло, ответил довольно витиевато — возможности человеческого мозга, дескать, безграничны, но так же велики и его... невозможности. Короче, Валентина и Серж сделали вывод, что Дина может действительно ничего не помнить, а может и притворяться. Моя всегда и всех подозревающая в страшных грехах подруга остановилась на втором — для верности, как она сказала. На притворстве. За которым следовали вопросы — для чего? Что за этим скрывается? И кто открывал ей дверь, запертую изнутри? Муж? Возможно, она приходила его проведать? Тогда почему об этом не сказала Надя? Она могла не сразу увидеть мать — отлучалась наверх, к начальству. Но было бы естественно, если бы Дина заглянула к дочери и, увидев, что кабинет пуст, подождала ее. Это, так сказать, семейный мотив данной «оперы». Другой мотив таинственно-печален: зачем-то Дина отправилась на второй этаж, в кабинет, где произошло убийство... Услышала подозрительный шум наверху, крики о помощи? Но тогда почему туда ринулся не муж, а она? И почему ничего этого не слышали ни Гера, ни работники комитета охраны природы, задержавшиеся для подготовки отчета? Возможно, на некоторые вопросы могла бы ответить исчезнувшая Лора. И, конечно же, Надя, которая, явно уклоняясь от встреч с полицией, уехала на несколько дней в совхоз к своему жениху. Валентина хотела вызвать ее на допрос, но я убедилась ее, что в печальные дни Надиного траура по отцу это будет выглядеть безнравственно... Решили подождать.

Обо всем этом мы говорили, сидя в кабинете у Сержа и Татьяны. Еще и еще раз просматривали все сведения, касающиеся убийств... Людей, сраженных наповал... Скорее всего, они и крикнуть не успели... А Лора ринулась в окно оттого, что увидела либо труп, либо самого убийцу. Вернее второе — из-за этого она и побоялась спуститься по лестнице вниз... Мы еще раз перечитали, где и в каком положении находился убитый админи-

стратор, проанализировали все, что о нем говорили знакомые, сослуживцы, в том числе и директор Зинчук. Так вот, все, кто что-либо говорил о Тапочкине, отзывались о нем так, словно это был совершенно идеальный человек, начисто лишенный недостатков... Но поскольку таких людей не существует, мы обращали внимание не на пустые похвалы, а на факты, надеясь, что хоть это наведет нас на какую-то далеко идущую мысль. Особенно трогателен был рассказ бухгалтерши о том, как Борис Демьянович сдавал кровь для раненого завхоза. Да еще как! Прямым переливанием. Потому что только у него да у вырубившейся в клинике бухгалтерши — помните, ей стало плохо? — была такая редкая кровь — мало того, что третья группа, так еще и резус отрицательный! Это все мы произносили вслух. Неожиданно Татьяна вскочила со стула, воскликнула «Не может быть!» и потянулась к лежащим перед нами бумагам...

— Что не может быть? — хором спросили мы у нее.

— У него первая группа, а не третья! Вы ошибаетесь! Тут же есть результат анализа, сейчас я вам покажу...

И показала. И оказалась права.

— Что же получается, ошиблась эта бухгалтерша? Как ее — Спиричева?

— Но бухгалтерша ясно сказала, что у нее такая же, третья группа, — вмешалась я, потому что прекрасно помнила ее живописующий рассказ о травмированном и нуждающемся в прямом переливании крови человеку и о жертвенном поступке Тапочкина. — Эта женщина вместе с ним приехала в больницу, но волновалась, боялась и не смогла сдать свою кровь... Третьей группы... Она что, свою группу крови перепутала?

— Ошибка лаборанта? — спросила Валентина.

— Думаю, такое может быть, но только не у нашего лаборанта! — резко сказала Татьяна. — Так что это исключено...

— Еще одна загадка, — покачал головой Серж.

— На каждую загадку имеется отгадка! — пропела Валентина.

— А на каждую банальность имеется... — У Сержа не получилось закончить стих.

— Реальность? — подсказала я. И тут же позвонила директору филармонии и попросила его пригласить к телефону бухгалтершу Спиричеву. Директор справился с заданием быстро. Очевидно, он предупредил женщину, откуда звонят. Я сразу же напомнила ей про тот эпизод с кровью и спросила, какая у нее группа.

— У меня третья, — недоуменно ответила она. — А зачем это вам?

— А у Бориса Демьяновича какая группа была?

— Ну, тоже третья...

— Вы в этом уверены?

— Я... кажется, да. Ну да, конечно... Но... вы лучше у врачей спросите...

— А когда это было?

— Давно, двенадцатого сентября, пять лет назад. Помню точно, потому что с пострадавшим... дружила.

— Она не уверена, что у него была третья группа, — отчиталась я о своем звонке. — Надо спрашивать у врачей, поднимать архивы. Первая группа крови в том случае тоже, наверное, могла подойти для переливания...

Итак, реальность была неутешительной — прошел еще один день, но вперед мы практически не продвинулись. Снова и снова перебрали свидетельства всех, кто видел администратора убитым, кто его хоронил, а также сослуживцев, артистов, журналистов, балерин из кружка, которым руководит Нина Серженко... Они еще брюки там ему то ли подшивали, то ли распускали, не помню. И мы поняли, что с такими скудными знаниями можно написать художественное произведение, но нельзя определить, кто убийца. У нас не было главного — фактов, без которых глупо рассчитывать на интуицию, психологию событий, их подоплеку.

Мне было предложено довести до конца дело с определением группы крови, тем более что я хорошо знала заведующего хирургическим отделением нашей городской больницы. По телефону я изложила ему проблему. Он же объяснил мне сложности поисков и выемки из архива истории болезни пятилетней давности. Но любой врач скажет, что, в принципе, человеку с третьей группой крови могут влить донорскую кровь первой группы, это зависит от состояния больного. Если оно тяжелое, то кровь необходимо подбирать по наибольшей совместимости... Я ответила, что все это не вносит ясности в наше дело, и надо непременно найти историю болезни. Хирург пообещал сразу же начать поиски. Нам оставалось только ждать...

Пока я тратила время на эту кровь, Валентина с Сержем отправились в соседний кабинет — оказывается, пришла, наконец, Надя, которой мы вынуждены были сообщить телеграммой, что очень нуждаемся в ее ответах на наши вопросы. Татьяна посоветовала мне тоже отправиться туда, что я и сделала. Однако весь этот разговор оказался пустой тратой времени — Надя больше плакала, чем говорила. Она похудела за эти дни, острые ее плечи вздрагивали под тонкой шерстяной кофточкой какого-то унылого цвета. Я даже подумала — как странно, она молода, здорова, готовится к новой, замужней жизни, так почему же — такое уныние и серость?..

— Бедная мама... Бедная мама, — повторяла она.

— Наденька, я понимаю, что вам тяжело, что вы только что похоронили папу... Не дожил он до вашей свадьбы... А, кстати, на какое число она была намечена?

— Что? Свадьба? — почему-то испуганно спросила Надя. Вообще создавалось впечатление, что она боится каждого вопроса и много плачет для того, чтобы ее поменьше спрашивали.

— Ну, конечно, свадьба, — повторила Валентина.

Я поняла, для чего она спросила про свадьбу — чтобы отвлечь девушку от разговора о преступлениях, расслабить ее, а потом неожиданно задать самый главный вопрос, оглушить ее прямым попаданием в цель! Мне это было неприятно — бедной девчонке и так досталось!

— На пятое декабря, — прошептала она.

— А почему именно на это число? Ведь не выходной день...

— Это папа попросил, — оживилась Надя. — Пятого был день Конституции, он всегда его уважал и праздновал.

— А как праздновал?

— Ну, выпьет там... Ой, не могу... — И Надя снова заплакала.

— Не надо плакать, Наденька. Возьмите себя в руки. Не только сейчас, а вообще. У вас целая жизнь впереди... Расскажите нам о маме с папой. Как они жили, как отдыхали, куда ездили, к кому в гости ходили...

— Да куда же ездить-то с нашими зарплатами! Никуда они не ездили. А жили — как все. Ругались, мирились... А когда у отца запой был, так он как примется нас гонять... Ну, мама меня за руку, и — во двор...

— К соседям?

— Нет. Мама не унижалась, никогда ни к кому не просилась, не кричала, чтобы помогли. И мне всегда твердила — ничего, дескать, потерпи, не убьет... Однажды мы зимой босиком убежали... Мама в халате была, а я — в платье домашнем. Несколько часов в соседнем подъезде простояли, хорошо, там батарея в коридоре горячая была...

— И мама ему такое прощала?

— Прощала. Она смирилась давно. И всегда говорила — хоть бы тебе повезло! Все наказывала — понравится тебе парень, первым делом проверь, не пьет ли. Ежели пьет — вырви все свои чувства из сердца, иначе жизнь себе искалечишь! Вот так... А теперь вот лежит — сама искалеченная...

— Ничего, вот мама ваша поправится, выйдет из больницы, и у нее начнется другая жизнь...

— Другая... Конечно... Без памяти-то... Она и меня не всегда узнает... Смотрит как-то недоуменно...

— Со временем все образуется... Мама ваша — женщина видная, красивая, ей и замуж еще раз не грех выйти... за хорошего человека... Вы ведь не будете возражать, если так случится?

— Я... Я не знаю... рано об этом говорить ...

Я знаками попросила Валентину дать мне слово, и она согласно кивнула.

— Надя, я на днях тут на рынок забрела, индюшатину покупала. С Романом Петровичем познакомилась. Я представилась, сказала, что вас знаю. Мы разговорились. И мне показалось, что он к вашей маме неравнодушен... Да вы не пугайтесь, в этом нет ничего дурного...

— Конечно, нет... Может быть, это и правда... Но, честное слово, серьезно об этом никто не думал...

— А теперь от серьезного — к смешному! — провозгласила Валентина. — Надюша, вот Гера из карточной фирмы утверждает, что из его кабинета стали пропадать колоды карт... Пачка одна оказалась вскрытой... Он заподозрил, что их таскает кто-то из своих, заперся вечером, когда все уже ушли, в кабинете, потушил свет и вдруг услышал, что в замке поворачивается ключ, дверь открывается, и входит... ваш отец! Скажите честно, сейчас это уже ни на что не повлияет — ваш папа мог брать эти карты?

Надя заметно покраснела, но все-таки ответила:

— Даже не знаю... Такого за ним не наблюдалось... А что он Георгию тогда сказал?

— Что собирался ему записку написать и на столе оставить — насчет рыбалки: когда и где встречаться...

— Может, и правда, они несколько раз ездили вместе рыбачить. А, может, и взял колод несколько. Это надо у алкоголиков спросить. Дома у нас ни одной карты нет, не то что целой колоды... Если брал, то менял на водку... Событьники знать должны... Или продавцы... Он в магазине около филармонии отоваривался... И около дома... Мне неловко спрашивать, вы уж сами...

— Но вы, Надя, этому предположению ничуть не удивились, — заметила Валентина.

— Да чего уж тут... Не удивилась... Деньги-то он где-то ведь брал на пьянку, не с неба же они падали...

Все это время Серж благоразумно молчал, так как боялся сломать хрупкий мостик доверия, протянувшийся между Надей и Валентиной. По этой же причине не подавала голоса и я. Мы ждали. И дождались.

— Да, да, я вас понимаю, — продолжала моя настырная подруга. — И очень вам сочувствую. Я ведь представляю, как трудно, например, назвать собственного отца пьяницей... И тут она тихо и вкрадчиво задала свой главный вопрос: — Наденька, у нас есть уже полная картина трагедии... Милая, милая девочка... Может быть, вы знаете, зачем в тот страшный вечер ваша мама приходила к вашему папе на дежурство? Ведь у нее не было такой привычки...

Надя побледнела, вернее, как-то посерела, и, ничего нам не ответив, упала со стула. Когда вызванные медики привели ее в чувство, она все повторяла:

— Бедная мама... Бедная мама...

Надю госпитализировали в ту же больницу, где лежала Дина Ергазиевна... А мы, оставшись без ее, по-видимому, очень ценных свидетельств, должны были лишь домысливать себе, что же она сказала бы дальше, будь ее сердце не таким слабым... Ну, например:

— Бедная мама, бедная мама... Не обошлось без того, чтобы на тебя не пало подозрение... Злые языки...

Это был вариант Сержа. Мой звучал несколько иначе:

— Бедная мама, бедная мама... У нее никогда не было света в жизни! А тут он появился, затмил ей глаза...

Под светом я подразумевала Романа Петровича и замужество Нади — дочь вырывается из тоскливого однообразного существования и нищеты...

Монолог Татьяны:

— Бедная мама! Прежде чем о ней плохо думать, вы должны предъявить веские доказательства!

— Бедная мама... Это неправда. Ее там не было. Я бы заметила. Спросите у нее сами. Неправда... — это сказала вошедшая в роль Нади Валентина.

Мы обменялись своими импровизациями и удивились, что мысли наши текут в одном направлении: Дина Ергазиевна могла оказаться в тот роковой вечер рядом с мужем вовсе не случайно. Когда-то ее терпению должен был наступить предел. И он наступил. Толчком послужило знакомство с Романом Петровичем и возможность начать новую жизнь... Вероятно, удар ножом был произведен обдуманно и хладнокровно. Скорее всего, она долго готовилась к этому поступку. Выбрала день... Если все так, то странный она выбрала день — накануне свадьбы дочери... Не побоялась испортить праздник. И уж, разумеется, не предполагала, что в тот же вечер, более того — в тот же час этажом выше произойдет еще одно убийство... Где, судя по имеющимся фактам, она тоже успела оказаться... Да, роковая женщина, эта Дина Ергазиевна...

— И все-таки у нас нет оснований для таких выводов. Это годится лишь как версия. Хромова мог убить тот же, кто убил администратора, — выдала Татьяна.

— Хм... А что, если в планы Дины входило убить и мужа, и администратора? А? От первого она должна была избавиться по понятным причинам, а второго хотела просто... ограбить! Чтобы не с пустыми руками начинать новую жизнь с этим... индюшатником... — предположила Валентина, делая из Дины настоящего монстра, способного на двойное убийство! Это мы ей и сказали.

— Да нет, нет! В том-то и дело, что, когда она поднялась наверх, чтобы осуществить свой план, то увидела, что администратор уже убит! Ее попро-

сту опередили! И она начала шарить везде в поисках денег... А денежки-то уже — тю-тю! Но своим присутствием она мешала убийце — он, очевидно, находился еще в кабинете. Вот почему он выбрал удобный момент и дал ей композитором по голове!

— Валя, это все как-то слишком театрально! — заметил Серж.

— Да, это на сцене такие душераздирающие трагедии, — поддержала его я, — а в жизни обычно все проще... Примитивнее...

— Проще? Примитивнее? — возмутилась Валентина. — Да в жизни все бывает сложнее и запутаннее в сто раз! С виду прекрасная, улыбчивая, добрая женщина убивает своих соседей — как выяснилось, ей нужна была их комната. Девушка, рыдая, идет за гробом подруги, потом помогает оставшемуся сиротой ребенку, ее награждают эпитетами — добрая, бескорыстная, а я по одной маленькой незаметной детали прихожу к выводу, что убийца-то — именно она. Да что я это здесь рассказываю! Татьяна Николаевна и Леонид Гаврилович могут десятки таких примеров привести! Верно, Серж?

— Конечно. Но тут с Диной, мы, возможно, переборщили...

— Да, наверное, — согласилась Валентина. — У меня есть и кое-какие другие соображения... С Надей, как придет в себя, надо, конечно же, поговорить. Это раз. И с женихом ее, Павлом. И с его папой, обвешанным индюшатиной... А главное — с Диной. Пусть я и переборщила, но в моих предположениях, ей-богу, что-то есть! Вы посмотрите с психологической точки зрения... Ну и с материальной, конечно! У индюшатника — свой мир. Устроенный, благополучный. Дом, огород, хозяйство крепкое, на индюках зарабатывает. Дина ему понравилась. Но психология этих людей такова, что, как говорится, с голым задом там делать нечего. Почему он все устроенное, добытое своими руками должен делить с человеком, который в материальном плане ему ничего не дал? Он, может быть, и не такой, то есть вида показывать не будет, что подобные мысли его посещают, да она-то не дура, прекрасно это понимает! Ей нужны деньги, и немалые! И дочкину свадьбу справить достойно, и себя не забыть!

— У нас еще факт один болтается... в подвешенном состоянии, — напомнила Татьяна. — Что-то вроде яда в кофе у Надежды... Ведь тошнило ее тогда, вы говорили... Если она это не придумала, чтобы отвлечь нас от чего-то существенного...

— Да, да... Вранье это было, я полагаю... — Валентина, казалось, думала о чем-то другом и раскачивалась на стуле, словно засыпая. Потом, воскликнув: — О-о-о! — спросила: — А вот эта женщина с биноклем, Анна Сергеевна, кажется...

— Да, да, — подсказала я.

— Кто с ней разговаривал?

— Сначала я, потом Серж.

— А как она описывала женщину, которую видела у входа в филармонию, но в дверь та, якобы, так и не вошла?

Я вызвалась отвечать первой.

— Женщина была в темном плаще и довольно длинной юбке... Не до пят, но... Вроде походила туда-сюда и ушла. Но предупреждаю, что это не совсем точно — ведь Анна Сергеевна наблюдала за своим мужем, не сводила глаз с окна на третьем этаже, где он заседает, и женщину видела лишь краем глаза...

Серж дополнил меня существенно:

— У этой Анны Сергеевны было ощущение, что из открытого окна Надиного кабинета — оно ведь рядом с входом в здание — что-то сползло... Либо туда вползло, — дополнил меня Серж. — И ей показалось, что женщина возле этого окна стояла довольно продолжительное время. Может, кинула она что-то Наде? Или дочка — ей, если этой дамой была наша Дина Ергазиевна.

— Господи, как быстро мы из бедной, больной и пострадавшей в тот вечер женщины — ее ведь могли убить! — сделали преступницу! — заметила я. — С вами, сыщиками, иногда просто страшно делается...

— Да, такая у нас планида, — пропел Серж.

А мне стало жалко больную Дину и ее, может, не менее больную дочь, которые стояли зимой босиком в чужом коридоре, скрываясь от пьяного отца и мужа...

Тут меня неожиданно позвали к телефону. На том конце провода мужской голос путано говорил мне, что у них несколько лет назад в небольшом здании, где находится архив и кабинет диетсестры, а также хранится кое-какой инвентарь, протекла крыша, что она и сейчас протекает, так как нет денег на ремонт, и вода испортила многие документы, в том числе и историю болезни человека, которому Тапочкин давал свою кровь... Но что касается группы, то это еще прочесть можно — третья... И донорская кровь была той же группы, резус отрицательный... Они подготовили выписку, ее можно забрать... А чтобы окончательно удостовериться, можно обратиться в поликлиники, где и тот, и другой состояли на учете. По месту жительства. Там группа крови должна быть зафиксирована в карточках.

Я горячо поблагодарила заведующего хирургическим отделением и пожелала, чтобы у них больше никогда ничего не протекало.

Выслушав меня, Серж отправился давать задание сотрудникам насчет поликлиники. А также насчет больницы — выяснить, в каком состоянии находятся мать и дочь, и когда с ними можно поговорить. Обратный путь

у него лежал через буфет, и он принес нам для успокоения гору свежих бутербродов, а Татьяна тут же стала готовить чай. Эта процедура уже близилась к концу, когда снова раздался телефонный звонок. Позвонили карагандинские коллеги, посетившие знакомого Тапочкина — Диму Трухина, про которого упоминала солистка филармонии Констанция. Прежде всего, они охарактеризовали этого Диму как хорошего художника, работавшего на телевидении, но выставленного оттуда по причине частых запоев. Сейчас Дима нигде официально не работал, жил тем, что рисовал портреты друзей, знакомых, а то и просто прохожих в парке... Поскольку в портретах у него веял дух реализма, платили ему соответственно... Дима не бедствовал. Он жил один в однокомнатной квартире, жена с ребенком давно ушла к матери, хлопот никому не доставлял. Правда, пьянство, видимо, сказалось на его памяти, потому что он совершенно перепутал даты и утверждал, что лично разговаривал с администратором тогда, когда тот уже неделю как покоился на кладбище... Однако это замечание никак не повлияло на степень упорства Димы. Он стоял на своем и день встречи с Тапочкиным менять не собирался. На вопрос, зачем убитому к тому времени Борису Демьяновичу понадобился Трухин, ответил, что сам этого не понял. Тапочкин показался ему каким-то помятым и растерянным, спрашивал об их общих знакомых, записал несколько адресов и, отказавшись от предложения переночевать и иного участия, ушел. На просьбу описать, как был одет администратор, Трухин ответил, что стал очень невнимателен, но все-таки признался — его поразил во внешности Тапочкина некий стиль одежды, который Борису Демьяновичу был вовсе не свойствен. Какой именно стиль? Да так, что-то непонятное... Ах, да, джинсы! И, кажется, какая-то спортивная кофта... А ведь обычно он ходил в костюме, рубашке светлой, и галстук всегда при нем, все чин чинарем... И бабочку любил носить... На вопрос, что при нем было — чемодан, спортивная сумка, может, дипломат, он сказал, что Тапочкин пришел к нему с рюкзаком — кто сейчас ездит с чемоданом! А чьи же адреса дал Тапочкину Дима? И вот на этот-то вопрос Трухин не ответил. То есть ни имен, ни фамилий, ни адресов не назвал. Сказал, что забыл. Ему резонно намекнули на то, что так не бывает — несколько дней назад знал, а теперь забыл... Но он утверждал, что перебирал их общих знакомых по своей старой записной книжке, которая исчезла в тот же день.. А поскольку это были просто знакомые, а не друзья — когда-то с кем-то работал, либо жил в одном общежитии, то и знал он их в основном по именам, к тому же надо учитывать, что было это лет пятнадцать назад...

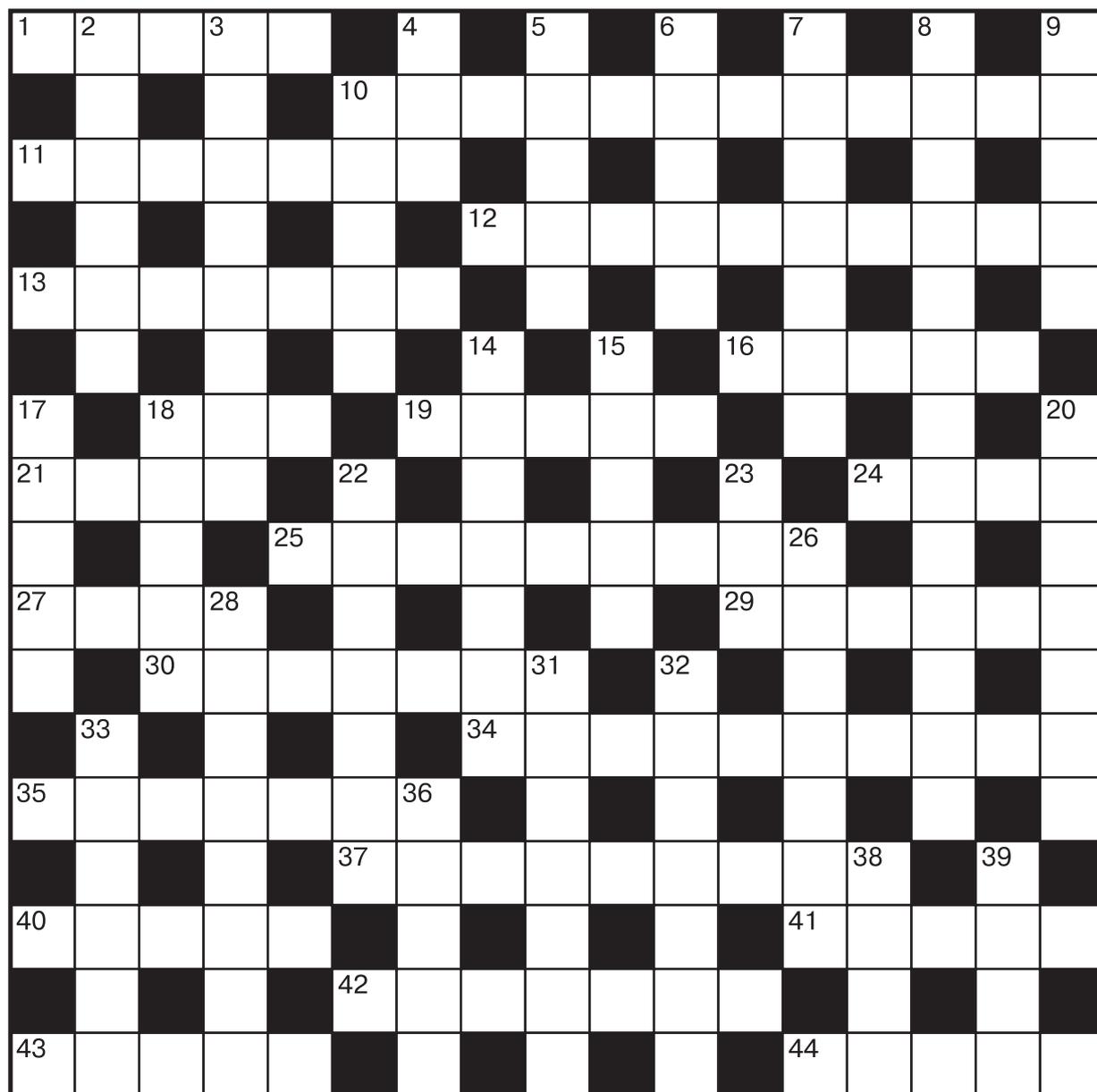
Словом, разговор с Димой никак не помог следствию — полное недоумение, связанное с датой прибытия в Караганду Тапочкина, и — пустота...

После этого разговора Валентина тут же вознамерилась лично поехать в командировку в Казахстан. Но, разумеется, после свидания с двумя обаятельно-подозрительными женщинами, находящимися в больнице. После окончательной информации о группе крови Тапочкина ей почему-то особенно не терпелось это узнать, как будто от цифры один или три он мог ожить и поведать нам, кто же выпустил в него те роковые пули... Вообще Валентина вся была просто начинена сногшибательными планами — ей, например, пришло в голову, что Герман в Питере вовсе не случайно попал в аварию... Она также попросила точные данные о местах рождения Галетова и администратора, и ей захотелось съездить еще и туда, но Серж отговорил ее от этого шага. Впрочем, я была уверена — когда она сочтет, что это необходимо, то поедет обязательно, даже если всем это покажется пустой затеей.

Сыщики, отягощенные проблемой группы крови, вернулись быстро — оказалось, и завхоз, и Тапочкин жили в одном районе, посещали одну поликлинику и имели, как следовало из принесенных медицинских документов, одну и ту же группу крови — третью, резус отрицательный... Пока все пребывали в столбняке, оценивая ситуацию и гадая, кто же был похоронен вместо администратора — его двойник? призрак? и где же тогда пребывает сам Борис Демьянович? — я незаметно отправилась домой, потому что муж, разыскавший меня еще днем, обещал преподнести какой-то сногшибательный сюрприз... Сюрприз оправдал мои самые лучшие, самые радостные ожидания — пришла телеграмма, извещавшая, что в одном провинциальном издательстве выйдет, наконец, моя книга. Точнее — сборник моих рассказов о детях под названием «Маленькие истории для взрослых». Истории хоть и были небольшими, но книга получилась довольно внушительная. И меня просили немедленно прибыть в указанный город, заключить с издателями договор, сделать кое-какую правку в соответствии с их замечаниями и даже получить гонорар... Ну, наконец-то! ▢

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Паства па-
стуха. **10.** Аппарат сапера. **11.** Какая
птица мигрирует вплавь? **12.** «Зразы
из теста» у итальянцев. **13.** Спо-
собность расшифровывать чужие
эмоции. **16.** В честь какой птицы
назвали нашу пилотажную группу?
18. «Самый неподходящий праздник»

для сидящего на диете. **19.** Какой
фараон стал заказчиком строи-
тельства Великой пирамиды в Гизе?
21. Русский поэт, чья муза, как считал
Владимир Набоков, «живет на сквоз-
няке». **24.** Штамп в загранпаспорте.
25. Пернатый подкидыш. **27.** Линия
сложенности листа. **29.** Кто теряет

сон из-за близости щуки? **30.** Литературный напарник. **34.** Гангстерская яхта «Черная ...» из мультика про капитана Врунгеля. **35.** Украшающий наручник для девушки. **37.** Художник сцены. **40.** Каким орехом культуристы обычно повышают свою выносливость? **41.** Что летает «по воле бадминтониста»? **42.** Что красный борщ делает розовым? **43.** Какой продукт медики упрекают в процессе возрастного ухудшения памяти? **44.** Кастрюльное покрытие.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Грандиозный успех. **3.** Кто все понимает, потому что ничего не видит? **4.** Какая порода собак уживается с кошками? **5.** Чему посвятил свою творческую жизнь Дмитрий Хворостовский? **6.** Из какого дерева делали свои посохи друиды? **7.** Прикрытие дыры. **8.** «Финал солдатской карьеры». **9.** Писатель Клайв Стейплс ... **10.** Двустворчатый деликатес итальянской кухни. **14.** Пушкинский Золотой ... сторожил

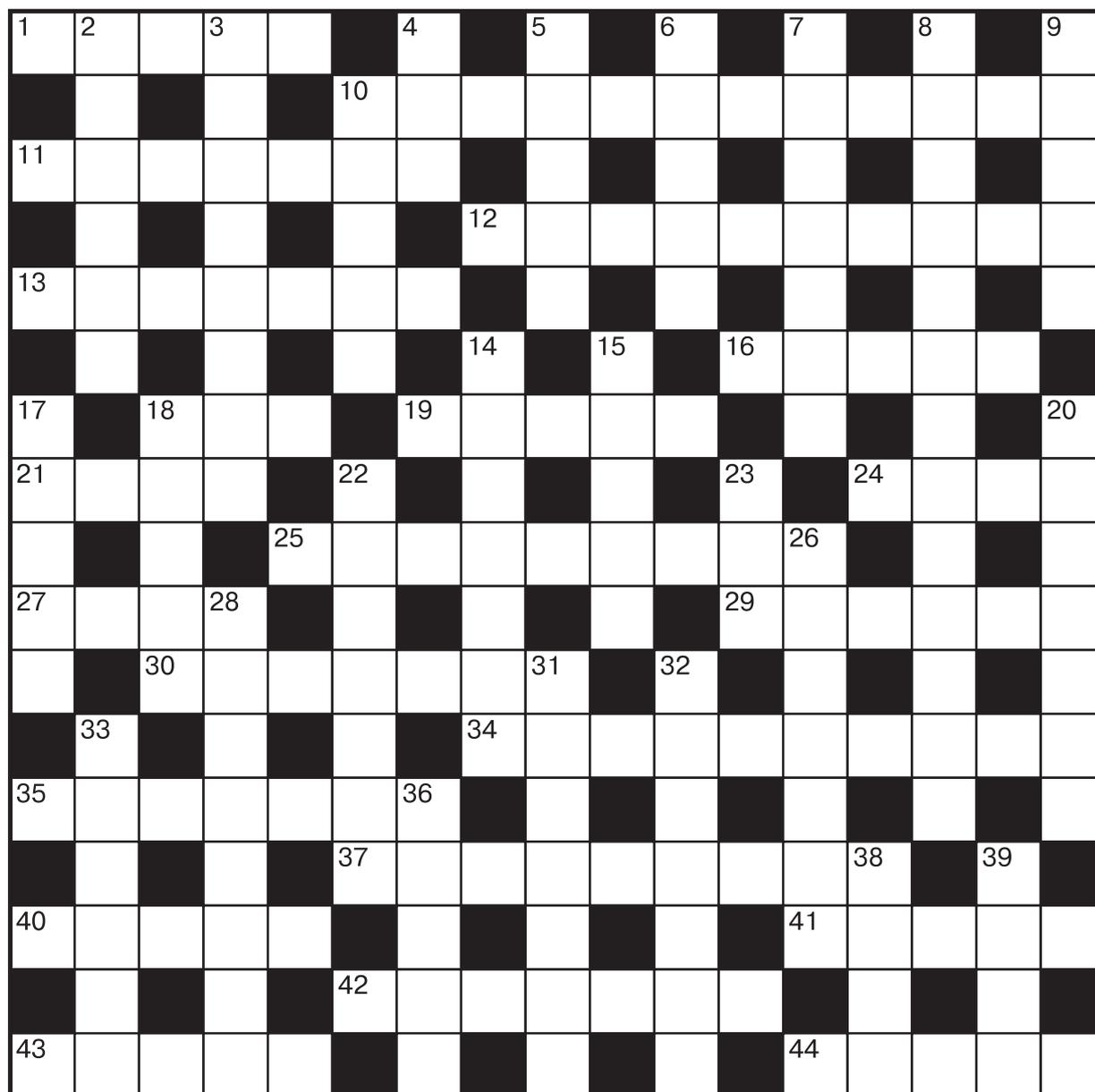
границы царства Дадона. **15.** Мудрец Лао-цзы считает, что «нет такого дела, в котором не пригодился бы ...» **17.** Что обычно проводят по месту проживания подозреваемого? **18.** Документ от страховщика. **20.** Травяная настойка под градусом. **22.** Педант из бюрократов. **23.** Чтобы взбитые для безе белки стали более густыми, в них добавляют лимонный ... **26.** Кто из воздушных асов стал командиром первого в Российской империи истребительного подразделения? **28.** Африканская страна, чья футбольная сборная последние тридцать лет не победила ни в одном международном матче. **31.** Что пробуждал в Антоне Чехове колокольный звон? **32.** По какой степи жирафы разгуливают? **33.** С какой певицей состояла в дружеских отношениях Людмила Зыкина? **36.** Бани из античных времен. **38.** Какой кинорежиссер стал учителем для Андрея Тарковского и Никиты Михалкова? **39.** Оценка, объединяющая спорт с землетрясением.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №2

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Сумка. **7.** Слово. **10.** Формат. **12.** Пограничник. **13.** Ресторан. **14.** Вучетич. **17.** Самострел. **18.** Кедр. **19.** Лев. **22.** Зорро. **23.** Произвол. **24.** Вожак. **26.** Кандидатура. **28.** Сомик. **30.** Плод. **31.** Такси. **32.** Осел. **34.** Фол. **36.** Роллан. **38.** Динамизм. **39.** Маятник. **40.** Луза. **41.** Моцион. **42.** Штурман.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Афера. **2.** Пристав. **3.** Самородок. **5.** Угон. **6.** Караул. **8.** Лучник. **9.** Вжик. **11.** Ангел. **12.** Пастернак. **14.** Вес. **15.** Четверостишие. **16.** Трель. **17.** Седов. **20.** Градусник. **21.** Кисть. **22.** Завод. **25.** Идеал. **26.** Кио. **27.** Спираль. **28.** Соблазн. **29.** Ильмень. **31.** Тостер. **33.** Хам. **35.** Салон. **37.** Наст. **38.** Дина.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Американский зверь, чья самка может приостанавливать беременность на двести пятьдесят и более дней. **10.** Винный камень. **11.** Великий пророк из Лилипутии. **12.** Веер испанской невесты XVI века. **13.** Безымянные из фэнтези «Волшебник Земноморья».

16. Речная яма, где водится красная рыба. **18.** Бамбуковая флейта у китайцев. **19.** Чувашский кефир. **21.** «Отрок» из личной гвардии византийского военачальника. **24.** Золотая рыбка в пруду. **25.** Первая женщина на троне Древнего Египта. **27.** Башкирский национальный очаг. **29.** Каждая из пла-

стинок в жалюзи. **30.** Мим у древних греков. **34.** Первый документально установленный предок великого Данте. **35.** Стайер, прозванный «чешским локомотивом». **37.** Малое ребро «звездчатого рисунка» в готике. **40.** Выпивка из артишока у итальянцев. **41.** Английская золотая монета. **42.** Выпечка к пиву у баварцев. **43.** Хозяин кондитерской, где Александр Пушкин ждал своего секунданта перед роковой дуэлью с Жоржем Дантесом. **44.** Какой англичанин вывел предельную норму алкоголя в день, которую можно употреблять без вреда для здоровья?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Какой кинорежиссером избавил от банкротства компанию «New Line Cinema»? **3.** Танец туркменских девушек. **4.** Один из трех мифических киклопов. **5.** Столица Пикардии, которой Жюль Верн посвятил рассказ «Идеальный город». **6.** Музыкальный инструмент из легенд о короле Артуре. **7.** Художник, чье имя

носит самая престижная кинопремия Бельгии. **8.** Любимая забава у спиритов. **9.** В каком геологическом периоде появились первые динозавры? **10.** Сусло для приготовления марсалы. **14.** Игра в метания на льду. **15.** Основоположник детективного жанра в японской литературе. **17.** Немецкий биохимик, автор первых работ по расшифровке первичной структуры нескольких транспортных РНК. **18.** Рубиновая специя вместо лимона. **20.** Ритмические хлопки из фламенко. **22.** Кого изображала та самая статуя, которую, согласно легенде, вручил тамплиерам чуть ли не сам Сатана? **23.** Древнерусский колчан. **26.** Гибрид из семейства кошачьих. **28.** Какой краской выводили заглавные буквы в русских летописях? **31.** «Целый мирок, надвинутый на глаза, чтобы спрятать правду». **32.** Мозаичист при Козимо Медичи. **33.** Китень, но без рукояти. **36.** Светлана из Италии. **38.** Реформатор гекзаметра. **39.** Французский хлеб к супу.

Ответы на эрудит, опубликованный в №2

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Битон. **7.** Спеса. **10.** Укобах. **12.** Никербокеры. **13.** Камамбер. **14.** Полимат. **17.** Ландромат. **18.** Ниои. **19.** Шин. **22.** Тулуз. **23.** Наутилус. **24.** Пекан. **26.** Лингвинетте. **28.** Солея. **30.** Апис. **31.** Селье. **32.** Хака. **34.** Лут. **36.** Матчиш. **38.** Морибана. **39.** Саварен. **40.** Друэ. **41.** Балаяж. **42.** Шемизье.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Функе. **2.** Хоумран. **3.** Лахмаджун. **5.** Имир. **6.** Оцелот. **8.** Пакман. **9.** Сура. **11.** Абрит. **12.** Нехочухия. **14.** Пак. **15.** Тиглатпаласар. **16.** Бикса. **17.** Ликей. **20.** Гамильтон. **21.** Этвеш. **22.** Талос. **25.** Эгрет. **26.** Лео. **27.** Махмуди. **28.** Сиртфуд. **29.** Хараджи. **31.** Сузани. **33.** Лис. **35.** Нирах. **37.** Шаде. **38.** Мень.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2024 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 237 рублей 60 копеек	За 1 номер — 269 рублей 50 копеек
За полугодие — 1425 рублей 60 копеек	За полугодие — 1617 рублей 00 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			
Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2024 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

ВНИМАНИЕ, КОНКУРС!

ISSN 0131-6656

СМЕНА

Дорогие читатели!

У многих из нас живет дома какой-нибудь домашний питомец: собака, кошка, попугай или канарейка, даже черепаха... Они настолько искренне привязаны к своему хозяину, что невозможно не ценить эту бескорыстную и нежную дружбу. Это действительно наши «братья меньшие», и называют их так из-за глубокой к нам привязанности. Если мы относимся к своим питомцам с лаской и любовью, они отвечают нам тем же, потому что это самые верные и преданные существа. И при этом мы нуждаемся в них не меньше, чем они в нас. Не стоит забывать строки из «Маленького принца» Антуана де Сент-Экзюпери: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Пишите нам о своих любимцах, об их повадках, характере, о вашей взаимной дружбе, которая словно очищает душу и наполняет ее любовью не только к вашему питомцу, но и помогает немного другими глазами воспринимать окружающий нас мир.

Вот поэтому мы и решили в 2024 году объявить среди наших подписчиков конкурс

«БРАТЯ НАШИ МЕНЬШИЕ»

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru до конца октября 2024 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2024 года, а трое победителей получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена»

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

№3 март 2024